

522.6(063.1)
A87

А
РХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОГРАФИЯ
КАРАЧАЕВО
ЧЕРКЕСИИ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАРАЧАЕВО- ЧЕРКЕССИИ

(Тематический сборник научных статей)

Черкесск — 1979

902.6 (e163.1)
A87

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Я. А. Федоров (ответ. редактор),
И. М. Шаманов, И. Х. Калмыков**

377515-A

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый сборник отражает работу археологов и этнографов сектора истории Карачаево-Черкесского НИИ за последние годы и содержит следующие материалы:

1. Х. Х. Биджиев. **Могильник Карт-Джурт.** Статья написана на основе отчетных данных раскопок могильника XV—XVIII вв. в верхнем течении Кубани, самом сердце Большого Карачая. Раскопки показали несомненную преемственность культуры карачаевского народа по отношению к его непосредственным предкам, средневековому населению Верхней Кубани. Это выразилось, в частности, в обычае хоронить покойников в деревянной колоде. Такой обряд известен в тамошних местах с эпохи раннего средневековья (исследования В. М. Сысоева). Прослежена связь с культурой карачаевцев более позднего времени. Об этом свидетельствуют находки нагрудных украшений женской верхней одежды, навершия женского головного убора и др. Вряд ли правомерно, однако, искать параллели картджуртскому погребальному обряду в кругу салтово-маяцких древностей: слишком велик временный разрыв — более 500 лет, да к тому же элементы картджуртовского обряда можно обнаружить у кочевников-тюрок золотоордынской эпохи (Г. А. Федоров-Давыдов).

2. Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. **Раскопки Хумаринского городища.** Исследование первоклассного памятника раннего средневековья Северного Кавказа только начинается. Но уже теперь авторам раскопок удалось проследить общие контуры города — крепости, направление оборонительных стен, расположение башен и цитадели. Прослежена конструкция оборонительной стены в двух местах. По технике кладки — панцири от тесаного камня — оборонительные сооружения Хумары сопоставимы с другими памятниками Хазарии — Саркелом, Правобережным городищем на Нижнем Дону, Чир-юртом в Дагестане и др., укрепленными замками, относящимися к памятникам салтово-маяцкой культуры. Значение Хумаринского замка определяется его положением на древнем пути от Каспия к Черному морю. Очевидно, этот замок должен был обеспечить защиту раннесредневековой Алании со стороны перевальных путей — Нахар и Клухор.

3. А. Л. Нечитайло. **Погребальный обряд племен Северо-Кавказской культуры.** Автор проследила особенности погребений эпохи развитой бронзы Карачаево-Черкесии и установила генетические связи с культурой предыдущей эпохи, памятниками майкопского времени.

4. Я. А. Федоров, У. Ю. Эльканов. **Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья.** Заметка написана на основе материалов Северокавказской экспедиции МГУ и КЧНИИ. Разведкой установлено, что Верхняя Кубань в раннем средневековье была густонаселенным краем. Разнообразие погребального обряда свидетельствует о неоднородности населения.

5. Л. И. Лавров. **О происхождении абазин.** В этой заметке сделана попытка сблизить судьбы убыхских и абазинских племен вплоть до их идентификации. Автор сам объявляет свои мысли гипотетическими. Нам остается согласиться с ним. Заметим, что последнее слово в этом вопросе остается, очевидно, за лингвистами.

6. И. М. Шаманов. **Свадебные обряды карачаевцев в XIX—начале XX вв.** Хотя автор описывает, так сказать, классические формы свадебных обрядов,

возникших в условиях натурального хозяйства, очерк И. М. Шаманова ориентирован в сторону нашего времени: читатель должен призадуматься, насколько разумна в условиях социалистического общества консервация обрядов карачаевского свадебного цикла, какие из них должны быть безусловно отвергнуты и какие могут найти свое место в современной свадьбе, в условиях социалистического уклада.

7. Р. Х. Керейтов. **Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом.** Наши замечания к статье И. М. Шаманова полностью относятся к статье Р. Х. Керейтова. Публикация подобных материалов важна не только для специалистов-этнографов: наш народ хочет знать о своем прошлом, хочет сам разобраться в том, что сохраняется в форме пережитков, а что органически вплетается в ткань современности.

8. О. П. Поляшова-Куранцева. **Архитектурные традиции карачаевцев.** Карачаевская народная архитектура самобытна даже в условиях многонационального Кавказа. Автор на профессиональном уровне описала уникальные памятники, исчезновение которых — вопрос ближайшего времени. Точные обмеры и чертежи образцов народного зодчества дадут со временем возможность не только реставрировать жилища карачаевцев для устройства музея под открытым небом, но и воссоздать то, что не пощадит время.

9. Ш. Ш. Хуранов. **Об абазинских тамгах.** Работа, являясь первой публикацией по теме, представляет значительную научную ценность. Автор собрал, систематизировал и снабдил вступительной статьей абазинские тамги, проследил динамику их эволюции от родового герба до знака фамильной собственности, установил ряд аналогий.

МОГИЛЬНИК КАРТ-ДЖУРТ

Одним из больших и интересных памятников Карачая эпохи позднего средневековья является могильник у селения Карт-Джурт, расположенный в 41 км к югу от г. Карачаевска. В памятнике, который состоит в основном из грунтовых могил, раскопанном в 1958 г. (Е. П. Алексеева), 1969 г. (И. М. Мизиев, Х. Х. Биджиев), 1970 г. (Х. Х. Биджиев), исследовано 118 могил. В 1970 г. экспедиция КЧНИИ исследовала в памятнике 63 погребения и 1 склеп. Данная публикация посвящена результатам раскопок могильника в 1970 г. В работе приводится описание отдельных характерных для данного памятника погребений.

ПОГРЕБЕНИЕ № 19¹

Могильное сооружение, ориентированное с В на З, представляет собой овал, края которого выложены из камней (3,2×1,9 м). Размеры ямы 2,2×1,1 м, глубина — 0,7 м (рис. 1).

Могильная яма была заполнена землей и камнями. По удалению камней и земляной засыпи на дне ямы обнаружился скелет плохой сохранности. Он лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Череп сохранился плохо, кисти рук не сохранились. Колода истлела.

С правой стороны черепа найдены пластины с остатками ткани и металлическая застёжка — пуговица. У правых берцовых костей найдены ножницы, а чуть выше — бусы и наперсток.

На дне ямы прослеживался древесный уголь и слой глины.

ПОГРЕБЕНИЕ № 27

Находилось в 6,1 м к востоку от погребения № 26. Могильное сооружение в плане овальной формы и на поверхности земли имеет каменную обкладку (2,83×2,1 м). Структура засыпи такая же, как в указанном погребении. На дне ямы обнаружена деревянная сосновая колода хорошей сохранности; ее размеры:

¹ Погребения № 1—18 исследованы в 1969 г. О них см. статью автора «Некоторые итоги археологических работ в верховьях реки Кубани в 1969 г.», Труды КЧНИИ, выпуск VII, серия историческая. Черкесск, 1974.

Рис. 1. Погребение № 19.

длина — 2,1 м, максимальная ширина — 6,2 м, глубина — 0,3 м. На дне колоды лежал скелет плохой сохранности, череп истлел, более или менее сохранились кости ног. У предполагаемого черепа обнаружен орнаментированный венчик от головного убора. Размеры могильной ямы: длина — 2,4 м, ширина — 1,1 м, глубина — 1,14 м. На дне ямы, обмазанной тонким слоем глины, прослеживается древесный уголь, куски мела.

ПОГРЕБЕНИЕ № 38

Находилось в 5,2 м к западу от П-37. Могила была обозначена на поверхности земли камнями. Могильная яма заполнена камнями и землей. На дне ямы (глубина ямы 1 м) в деревянной колоде находился скелет, покоящийся на спине в вытянутом положении, головой на запад. Положение рук не прослеживается. Длина скелета 1,5 м. От колоды сохранилась только нижняя часть, длина ее 1,78 м. Между берцовыми костями скелета обнаружен перстень плохой сохранности, а у черепа кусочек ткани. На дне могильной ямы хорошо прослежен уголь.

ПОГРЕБЕНИЕ № 39

Располагалось в 3,9 м к юго-западу от П-37. Наружными признаками являлась овальная каменная обкладка размером 4×2,3 м. Могильная яма заполнена землей и камнями. Размеры могильной ямы: 3,20×1,8 м, глубина — 1 м. На дне ямы обна-

ружилась обыкновенная деревянная колода, закрепленная железными скобами. Размеры ее: длина 2,24, ширина в средней части — 0,69 м, высота — 0,32 м. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, лицом вверх. Положение кистей рук не прослежено. Длина покойника — 1,76 м.

В могиле найдены обломки серебряных и золотых пластинок, куски ткани, а у локтя левой руки — железный нож. Под колодой хорошо прослеживался уголь, куски мела и тонкий слой глины.

ПОГРЕБЕНИЕ № 42

Расположено в 6 м к юго-западу от погребения № 29. Могильное сооружение в плане имеет форму овала, края которого выложены камнями и ориентировано по длинной оси с В на З. Могильная яма заполнена землей вперемешку с камнями. На дне ямы выявлена составная колода размером: длина 2,16 м, ширина у западной части 0,60, у восточной — 0,46 м, высота 0,50. В колоде покоился скелет плохой сохранности. Он лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Кости рук вытянуты вдоль тела. Могильный инвентарь составляет железный нож, обнаруженный у кисти правой руки. Под колодой хорошо прослеживался древесный уголь, особенно у изголовья и у ног, а дно ямы было обмазано слоем глины.

ПОГРЕБЕНИЕ № 43

Находилось в 11 м к югу от П-24. Структура засыпи могильной ямы напоминает вышеописанные. Размеры ее: 2,8×1,3 м, глубина 1,3 м. На дне ямы обнаружена колода удовлетворительной сохранности. Ее размеры 2,2×0,68. Высота 0,5 м. Скелет истлел.

В центральной части ямы у предполагаемого пояса найден перстень. У предполагаемой грудной клетки найдена сумочка из ткани, а на дне ямы куски парчовой ткани. У черепа найдено навершие женского головного убора в виде конуса. У западной части колоды обнаружена железная скоба. По краям колоды и на дне ямы прослеживался древесный уголь.

ПОГРЕБЕНИЕ № 45

Расположено в 3 м к югу от П-30. Наружные признаки и заполнение ямы аналогичны предыдущим. По удалении камней и земляной засыпи на глубине 0,78 м обнаружилась крышка деревянной колоды. Скелет сохранился плохо. Судя по положению сохранившихся костей, он лежал на спине вытянуто, головой на запад (рис. 2). Сначала покойника завернули в саван из шелковой ткани и поместили в гроб из тонких досок (толщи-

Рис. 2. Колода из П-45.

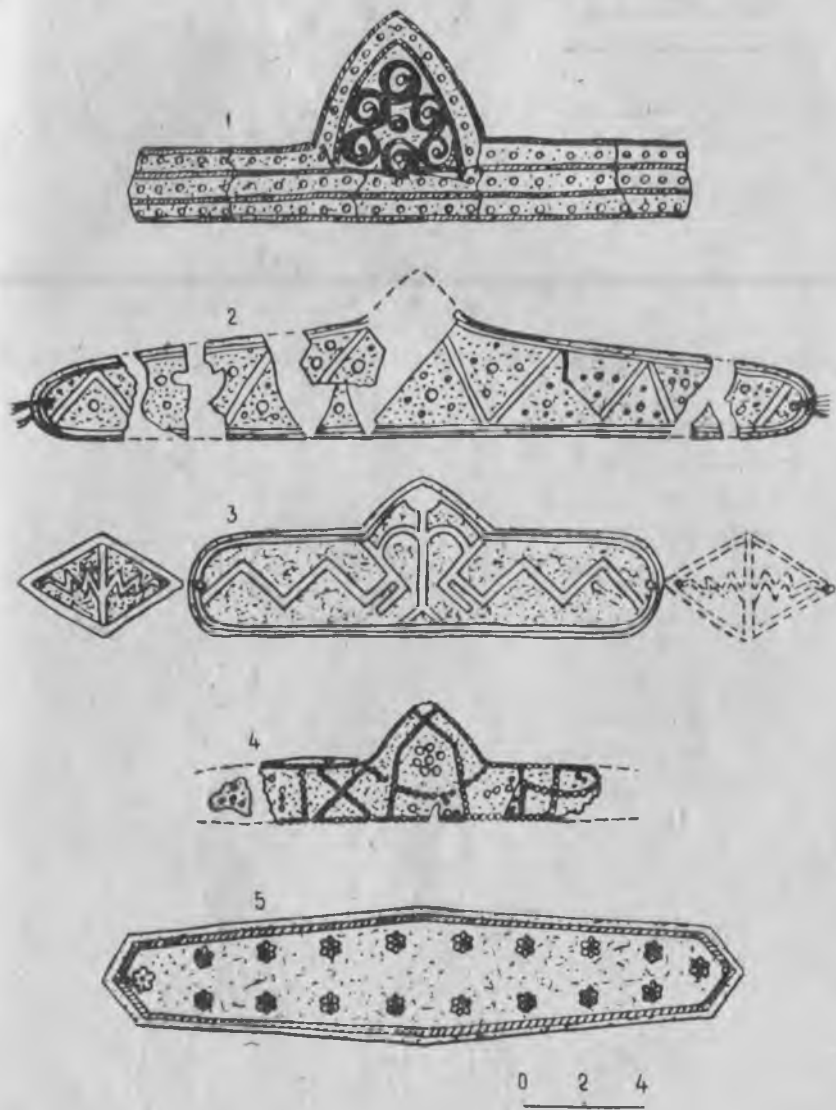

Рис. 3. Венчики.

на 1,5 см), а затем поместили в составной колоде, скрепленной железными скобами. Колода сохранилась удовлетворительно. У черепа обнаружены остатки шарфа и два венчика (рис. 3).

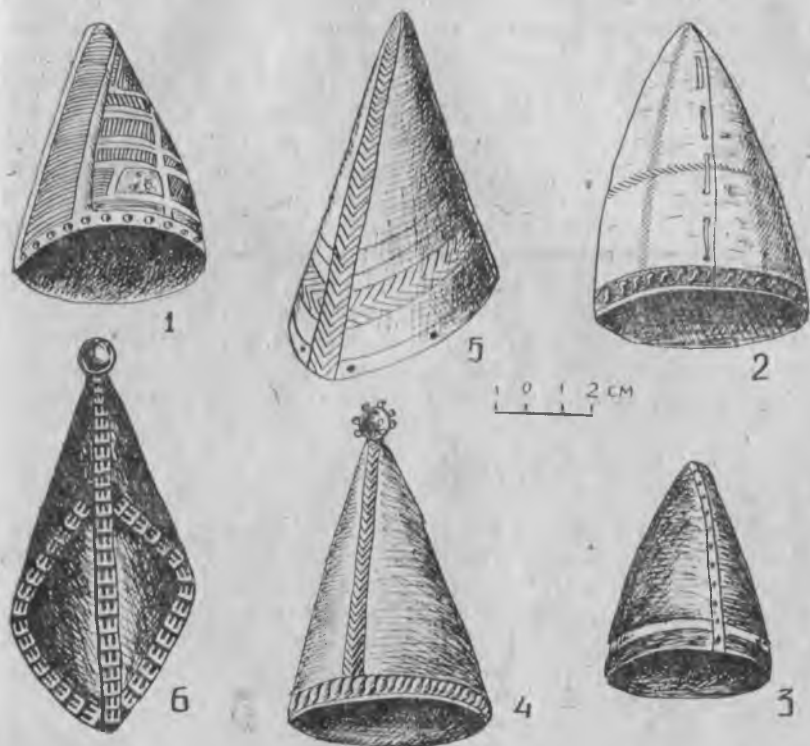
У предполагаемой груди найдено серебряное нагрудное украшение от женского костюма. Украшение состоит из 48 застёжек, имеющих форму продолговатых пряжек и расположенных

1 — нагрудное украшение; 2 —
украшение от головного убора;
3 — гребень с футляром; 4 —
подвески.

Рис. 4. Некоторые вещи из пл. 45, 71.

1) H A N 7 8 X) 3 Y . H 2 3) >
 0 3 3 7 H 9 > 6 X) H 7 7
 9 8 > M. 7

0 4 0 - 1 3 4 8

Рис. 5. Навершие головных уборов и болгарские надписи из Хумары, найденные в 1977(8) и 1978(7) гг.

в два ряда. Они все имеют отверстия, посредством которых пришивались к ткани и служили нагрудными украшениями женского костюма (рис. 4). Длина застежек 3 см. Восточнее застежек найден гребень в серебряном футляре длиной 3 см, шириной 1,5 см. Он сделан из самшита (рис. 4). Здесь же найдено серебряное навершие женского головного убора. Фрагмент изготовлен из листового серебра и имеет конусообразную форму. Навершие фрагмента представляет собой шарик-шишак. Оно имеет в лобной части орнамент из трех линий. Одна из линий доходит от навершия до основания. Другие две протягиваются от основания до середины фрагмента и образуют геометрическую фигуру вроде ромба (рис. 4—2). С правой стороны от костяка, чуть выше пояса найдены портняжные ножницы. Кроме того, в погребении найдены петля и куски различных тканей от одежды с золотыми нитками. Дно ямы было обмазано тонким слоем глины.

ПОГРЕБЕНИЕ № 59

Расположено в 10 м к западу от П-57. Наружными признаками являлась овальная каменная обкладка, ориентированная с В на З ($3,3 \times 2,1$ м). Могильная яма засыпана землей и камнями. Размеры могильной ямы: $2,2 \times 1,10$ м, глубина 1,11 м. На дне ямы обнаружены медный наперсток и серебряный перстень плохой сохранности. Скелет и колода истлели. На дне ямы выявлен уголь, куски мела и глина от обмазки.

ПОГРЕБЕНИЕ № 61

Расположение в 5 м к юго-востоку от П-60.

Могильное сооружение, ориентированное по длинной оси с В на З, в плане имеет форму неправильного четырехугольника, края которого выложены камнями ($2,80 \times 2,1$ м). Могильная яма заполнена землей и камнями. На дне ямы обнаружены остатки костей скелета. Судя по положению их, он лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Остальные детали погребального обряда не прослежены. У южной ключицы обнаружен медный наперсток и серебряная пластинка. Размеры могильной ямы $2,1 \times 1,1$ м. На дне ямы обнаружен уголь.

ПОГРЕБЕНИЕ № 63

Могильное сооружение, ориентированное с В на З, имеет в плане почти форму круга, края которого выложены камнями ($3,1 \times 2,4$ м). Структура заполнения ямы та же, что и в рассмотренных выше погребениях. На дне ямы обнаружилась деревянная колода с крышкой размером: $2,05 \times 0,49$ м, высота — 0,38. Скелет удовлетворительной сохранности, лежал на спине, вы-

тянуто, головой на запад, кисти рук были вытянуты вдоль туловища (длина — 1,58 м).

У черепа покойника найдено конусообразное серебряное навершие женского головного убора. У правой руки обнаружен перстень.

ПОГРЕБЕНИЕ № 66

Расположено в центральной части могильника. Могила на поверхности земли обозначена каменной обкладкой (3,3×3,1 м).

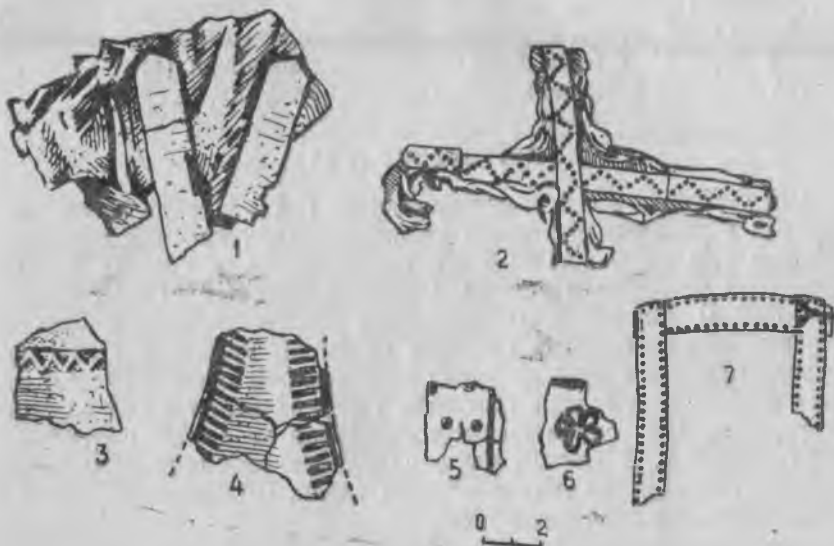

Рис. 6. Золотые и серебряные пластинки.

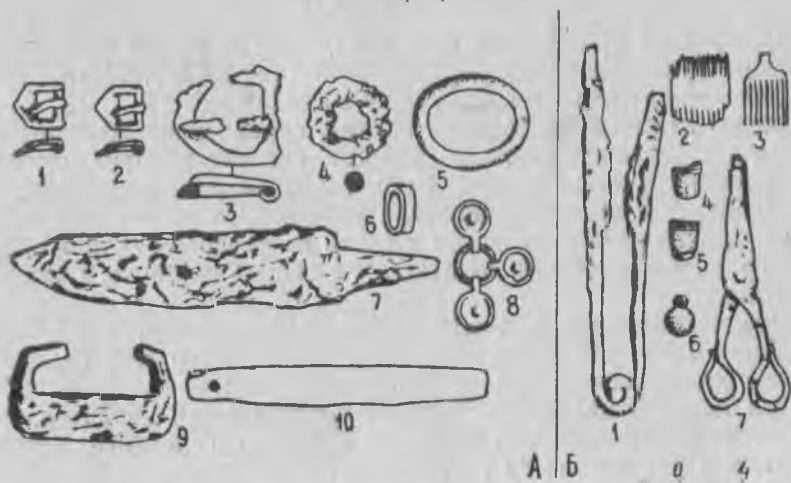

Рис. 7. Бытовые предметы.

Яма была заполнена камнями и землей. Размеры ямы: $2,6 \times 1,20$ м, глубина — 0,9 м. На дне могилы расчищена деревянная колода с крышкой, скрепленная железными скобами. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Кисти рук вытянуты вдоль туловища. Покойника сначала положили в гроб из тонких досок, а затем поместили в обычной колоде. У черепа скелета обнаружены остатки парчовой ткани с тюльпанообразными вышивками, а у ног железные скобы.

У черепа найдены обломки серебряных пластинок с тканью, а у пояса — перстень, портяжные ножницы, металлические пластинки (рис. 6), а чуть ниже — медный наперсток (рис. 7).

На дне ямы выявлены куски древесного угля.

ПОГРЕБЕНИЕ № 68

Расположено в 8 м к юго-западу от П-61. Могила была обозначена у поверхности земли камнями, ориентирована по длинной оси с В на З ($3,1 \times 2,3$ м). Могильная яма сплошь забита крупными камнями и землей. Размеры ямы: $2,8 \times 1,5$ м, глубина — 0,88 м. На дне ямы выявлена полуистлевшая колода, скрепленная железными скобами (размеры колоды $2,2 \times 0,5$ м). Колода ориентирована на запад с небольшим отклонением к северу и обложена вокруг камнями. Погребенный плохой сохранности, лежал на спине вытянуто, головой на запад, с отклонением к северу. В могиле была найдена серебряная пластинка, видимо, обломок венчика и остатки ткани. Под колодой хорошо прослеживался древесный уголь.

ПОГРЕБЕНИЕ № 71

Наружными признаками был овал, края которого обложены камнями (размеры: длина — 3,50, ширина — 2,9 м). Могильная яма заполнена камнями вперемешку с землей.

Скелет лежал в деревянной колоде, скрепленной железными скобами. Колода сохранилась хорошо, состоит из двух частей, т. е. крышки и нижней части (длина 2,16, ширина — 0,63, высота — 0,50), где покоился скелет. Последний сохранился очень плохо. Покойник был завернут в саван из парчовой ткани. Судя по сохранившейся части, он лежал на спине, вытянуто, головой на запад.

Размеры могильной ямы: длина — 2,60 м, ширина — 1,2 м, глубина — 1,8 м. В заполнении могильной ямы и под колодой хорошо прослеживаются куски древесного угля.

При костяке найден следующий погребальный инвентарь: с южной стороны черепа навершие женского головного убора. Оно, как и украшение из погребения № 45, имеет конусообразную форму. У пояса найден перстень с вставным камнем. Чуть севернее перстня найден штампованный наперсток, а также

серебряные застёжки от нагрудного украшения и серебряный орнаментированный венчик (рис. 3). С северной стороны черепа найдены две серебряные подвески удовлетворительной сохранности. Подвески состоят из узкой загнутой плоской пластинки, общим очертанием в виде капли. Пластика прикреплена вершиной к трем шарикам, имеющим общую ось (рис. 4).

СКЛЕП

Склеп расположен в центре могильника. Он, как и большинство карачаевских склепов, в основании прямоугольный. В настоящее время склеп полуразрушен. Длина склепа в плане (по внешним замерам) — 3,84, ширина — 3,04. Высота сохранившихся стен доходит до 1,06 м. Сооружен он из хорошо обработанных камней, сложенных регулярной кладкой. Длинной осью склеп ориентирован с востока на запад. Он был исследован нами в 1970 г. Несмотря на разрушенность стен склепа, могила сохранилась хорошо. Она была вырыта в полу склепа. В грунтовой яме обнаружено парное погребение (рис. 8). Скелеты сохранились хорошо: они покоились в деревянных колодах-гробах, скрепленных железными скобами. Скелеты были ориентированы головой на запад, на спине, вытянуто, кисти рук также были вытянуты вдоль туловища (рис. 8). Под скелетами хорошо прослеживались куски древесного угля.

У черепа скелета с северной стороны найден орнаментированный венчик (рис. 3—3), который в центре имеет изображение

Рис. 8. Склеп после расчистки.

в виде прописной буквы «ф», а у второго скелета у пояса найден железный нож. Судя по инвентарю, здесь поконились мужчина и женщина.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА, ИНВЕНТАРЯ И ДАТИРОВКА

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Исследованные нами погребения, за редким исключением (пп. 33, 34, 36, 51, 62, 70), представляют собой грунтовые погребения. Погребения 33, 34, 36, 51, 62, 70 отличаются от грунтовых только возвышающейся над могилой небольшой каменной насыпью. По всем остальным деталям они не отличаются друг от друга и характеризуются следующими чертами. Грунтовые могилы представляют собой сравнительно неглубокие (0,6—1,4 м) ямы удлиненной формы с вертикальными или слегка скошенными стенами (редко). Могильные ямы, как правило, заполнены землей и булыжником. Почти во всех могилах в заполнении ямы и под колодой встречаются древесный уголь, чаще всего он находится в изголовье и у ног, а в отдельных случаях на дне всей могилы в виде подсыпки, а в некоторых погребениях встречаются на дне ямы куски мела и слой глины.

Погребения совершались в деревянных колодах. Колоды составные: т. е. состоят из нижней части и крышки. Они выдолб-

МОГИЛЬНИК № 2

Рис. 9. Грунтовые захоронения.

лены из толстых дубовых бревен и почти все скреплены железными скобами (рис. 9). Могилы предназначались для одиночных захоронений. Обряд погребения устойчивый и одинаков для всех покойников, независимо от их пола и возраста. Почти все погребенные вытянуты на спине, головой на запад (с небольшими сезонными отклонениями). Исключение составляют 4 погребения (26, 30, 36, 37). В двух из них (№ 26, 37) скелеты лежали вытянуто на левом боку; в погребении № 30 скелет вытянут на правом боку. При этом в погребении № 26 скелет был ориентирован головой на север. Положение рук неустойчивое. Часто руки или вытянуты вдоль туловища, или согнуты на животе, или одна из них вытянута, другая же согнута так, что кисть расположена либо на тазовых костях, либо на груди. Погребальный обряд имеет много общих черт с позднесредневековыми памятниками Балкарии. Прежде всего бросается в глаза почти полное совпадение обряда карачевских погребений с обрядом могильника Байрым XIII—XIV². И картджуртовские, и байрымские погребения грунтовые. Сближает их и западная ориентировка, вытянутое положение скелета, а также обязательное наличие деревянных колод, скрепленных скобами.

Рассматриваемые погребения сближаются по наземным признакам и по погребальному обряду с II группой погребения Курноятского могильника XIII—XVII вв.³ и частью погребений Ташлы-Талинского могильника XIV—XVIII вв.⁴. Во всех названных памятниках скелеты лежали вытянуто на спине, головой на запад, на дне ямы часто встречались куски древесного угля.

Большой интерес представляет вопрос о наиболее вероятном происхождении грунтовых могил, которые составляют основную часть погребальных памятников Карачая. По этому поводу уже высказывались мнения. Е. П. Алексеева считает их преемственными от кобанских могил с каменными выкладками и отсюда делает выводы о том, что в этногенезе карачевцев главную роль сыграли племена позднебронзовой культуры Кавказа⁵. В. А. Кузнецову кажется сомнительной та прямая безоговорочная связь, которую приводит автор между кобанскими могилами с каменными выкладками и такими же могилами карачевцев...⁶. К этому мнению присоединился Л. И. Лавров⁷.

Надо отметить, что Е. П. Алексеева свой тезис о генетической связи между могилами разных эпох аргументирует лишь

² И. М. Мизиев. Средневековые каменные ящики в Балкарии СА, 1971 № 43246—250.

³ И. М. Мизиев. Указ. соч.

⁴ И. М. Мизиев. Могильник у селения Ташлы-Тала. Археолого-этнографический сборник, выпуск 1. Нальчик, 1974, с. 110—119.

⁵ Е. П. Алексеева. Карачевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, с. 53. Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 121.

⁶ В. А. Кузнецов. Рецензия на книгу Е. Л. Алексеевой «Карачевцы и балкарцы — древний народ Кавказа». УЗК—ВНИИ, т. XXIII, 1965, с. 320.

⁷ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., с. 67.

внешним сходством их, поскольку и могилы эпохи бронзы, и позднесредневековые обозначены на поверхности земли каменными выкладками⁸.

Такое сходство действительно есть. Но в других деталях погребального обряда между погребениями «кобанцев» и карачаевцев нет ничего общего. В качестве гипотезы высказываем мнение о преемственности их от грунтовых погребений болгар средневековья. В этой связи обратимся к хорошо исследованным ямным погребениям VIII—IX вв., обнаруженным на территории Подонья и Приазовья. Попытаемся проследить общие черты, которые характеризуют погребальные памятники болгар и Карт-Джурта.

Правда, большой хронологический пробел, отделяющий памятники Подонья и Приазовья от позднесредневековых погребений Карачая, не позволяет сравнить вещевые комплексы. Но сопоставление погребального обряда проводить можно, т. к. здесь мы имеем дело с весьма консервативной стороной культуры древнего населения. Результаты сопоставления показывают поразительное сходство основных деталей погребального обряда ямных погребений салтово-маяцкой культуры (южный вариант) с карачаевскими грунтовыми могилами. Так, болгарские погребения представляют собой, как и наши, неглубокие грунтовые ямы⁹. Они так же, как и позднесредневековые карачаевские могилы, предназначались для одиночных захоронений¹⁰.

Общность в обряде прослеживается также в ориентировке и положении скелета. Во всех названных памятниках скелеты лежали вытянуто на спине, головой на запад, иногда на север, с неустойчивым положением рук¹¹.

Другой чрезвычайно интересной особенностью погребального обряда является наличие угля на дне могил. Эта особенность нередко встречалась в болгарских погребениях VIII—IX вв.¹². Она свидетельствует, очевидно, во-первых, о какой-то непосредственной преемственности между языческими болгарскими погребальными обрядами и обрядами карачаевцев, а, во-вторых, несомненно, говорит о сохранении почитания огня в языческих верованиях карачаевцев. Почитание огня было опять-таки широко распространено в среде тюркоязычных народов¹³, в том числе болгар. Бог неба (солнца, огня) Тенгри-Хан, почитаемый тюрками, сохранился в карачаевском фольклоре под именем Тейри.

Отличительной чертой позднесредневековых памятников является то, что они, как уже сказано выше, на поверхности земли имеют каменные выкладки. Эта деталь, хотя и известна в

⁸ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 9.

⁹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1972, с. 91—100.

¹⁰ Там же, Указ. соч., с. 92.

¹¹ Там же, Указ. соч., сс. 97—100.

¹² С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА XXVII. М., 1957, с. 111—112.

¹³ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, с. 161.

некоторых болгарских погребениях VIII—IX вв., но не характерна для большинства из них. Здесь, во-первых, надо учитывать, что между памятниками VIII—IX вв. и Карт-Джуртовским могильником имеется большой хронологический разрыв. Во-вторых, изучаемые памятники принадлежат не болгарам, а народу, в этногенезе которых участвовали вместе с последними и другие племена.

Кроме того, расхождение между этими памятниками не больше, чем внутри болгарских древностей, обнаруженных в Дунайской Болгарии и на Волге. Как известно, после распада Великой Болгарии часть этих племен ушла на Дунай, часть на Волгу. В настоящее время в Дунайской и Волжской Болгарии исследованы могильники, аналогичные салтово-маяцким погребениям (южного варианта). Но, как справедливо отмечает С. А. Плетнева, и в волжских, и в дунайских погребениях имеются некоторые отдельные черты, отличающие их от салтово-маяцких древностей. Так, главной особенностью волжских могил являются заплечики, зафиксированные примерно в 30% всех раскрытых могил и служившие для сооружения перекрытий.

В дунайских болгарских погребениях вместо западной ориентировки, характерной для салтово-маяцких могил, прослежена северная, северо-восточная ориентировка¹⁴.

По мнению В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, С. А. Плетневой, эти своеобразные отличительные черты, характерные для различных памятников, свидетельствуют об этнической пестроте болгарского союза племен и отражают этнографические особенности в археологическом материале¹⁵.

Черты, отличающие карачаевские погребения от болгарских, мы также склонны объяснить теми же причинами. Наконец, когда речь идет о каменных выкладках в карачаевских погребениях, нельзя не учитывать физико-географические особенности местности. Изучаемые памятники расположены в самых высокогорных районах Кавказа, где камня очень много — сама почва состоит нередко из сплошных камней. Камни в выкладках вокруг могил не принесены со стороны, а извлечены при копании их. Естественно, камнями же заполнялись погребения, а лишние камни, которые оставались после заполнения ямы, обкладывали вокруг могилы.

Наличие камней свойственно не только карачаевским погребениям, но и погребальным памятникам всех горных жителей. Так, камни присущи с древнейших времен различным погребальным сооружениям Дагестана¹⁶. Камень в изобилии встречается не только на Кавказе, но и в погребениях народов горного Алтая¹⁷.

¹⁴ С. А. Плетнева. Указ. соч., с. 98.

¹⁵ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, сс. 130—131.

¹⁶ В. И. Марковин. Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-хорочевская культура). М., 1969.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Сибири. М.—Л., 1966.

В этой связи уместно отметить и то, что даже погайцы, которые пришли в верховья Кубани в XVII в., свои погребения XVII—XVIII вв. обкладывали на поверхности земли камнями. Поэтому нет ничего удивительного, что в карачаевских погребениях так часто встречаются камни.

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что между болгарскими погребениями салтово-маяцкой культуры и карачаевскими грунтовыми могилами имеется много общих черт, сближающих их.

Общие языческие черты погребального обряда, которые удастся проследить в этих памятниках, дают нам право предположить преемственность последних от болгарского погребального обряда. Это предположение становится вполне реальным, если учесть, что в VIII в. после распада «Великой Болгарии» часть болгар была хазарами оттеснена к горам Северного Кавказа, которые наряду с аланами приняли активное участие в этногенезе карачаевцев и балкарцев.

Заселение ими нашей области подтверждается археологическими памятниками и надписями из Хумары (рис. 5—7, 8).

Инвентарь могильника состоит из предметов быта и украшений.

Бытовые предметы

Наиболее многочисленная группа бытовых предметов, встречающихся в Карт-Джуртских погребениях, представлена ножами, ножницами, наперстками, кресалами, оселками, пуговицами.

Ножи. Особенно частыми находками в погребениях были железные ножи (21 штука). Отличаются они друг от друга только размерами. Размеры их колеблются от 15—16 см до 20—22 см (рис. 7—7). Встречаются только однолезвийные, черешковые ножи. Рукоятки изготовлялись из дерева или кости, которые насаживались на узкий черешок. Ножи в деревянных или костяных ножнах (найлены остатки ножен) носились на поясе, справа или слева и служили в качестве универсального орудия труда в повседневном обиходе горца.

Однако наличие их в погребениях, по-видимому, надо связывать с древней традицией захоронения умерших с боевым оружием. В пользу этого говорит то, что обнаружены они только в мужских погребениях.

Наперстки. Найлены в 10 погребениях (№№ 19, 49, 28, 32, 73, 51, 59, 66, 61, 71). Бронзовые наперстки штампованы из тонкого листового металла. Наперстки на рабочей части опоясаны линией (рис. 7) или имеют штамповку в виде точек (рис. 5, 17, 23, 63). Они найлены у пояса покойника слева или справа самшитовых гребней. Аналогичные нашим наперстки отмечены в инвентаре соседних районов Северного Кавказа. Так, точную

аналогию им можно указать в Балкарии¹⁸, в Северной Осетии¹⁹, Чечено-Ингушетии²⁰, а также в адыго-кабардинских курганах XIV—XVII вв.²¹.

В погребении № 23 были обнаружены астрагалы диких и домашних животных. Очевидно, в погребении был захоронен охотник. Кроме того, в погребениях № 19, 31 найдены тонкие металлические пуговицы в виде круга. Во многих могилах найдены остатки различных тканей (пп. 19, 30, 39, 45, 66, 64, 68) от тонких шелковых до грубых домотканых, а также парчовые ткани с вышивкой золочеными нитями.

В погребении № 45 найдены остатки шарфа или платка удовлетворительной сохранности. На сохранившейся части его хорошо прослеживается бахрома и восьмилепестковые розетки. Они расположены друг от друга на расстоянии 3 см, каждое имеет в центре небольшой круг. Розетки снабжены орнаментом в виде елочек (52).

О большом распространении кожи, войлока говорят многочисленные находки их остатков в погребениях. Таковы орудия труда, обнаруженные в погребениях могильника Карт-Джурт. Большинство из них (наперстки, ножницы), так же как и многочисленные остатки различных тканей с узорами, свидетельствуют о широком развитии швейного ремесла и искусства вышивания.

Ни один из бытовых предметов не дает точной и узкой даты, однако следует подчеркнуть, что все они не выходят за рамки XIV—XVIII вв.

Украшения

Венчики занимают важное место среди украшений могильника. Они встречались в целом виде или же в виде разрозненных кусков в 25 женских погребениях (№№ 49, 67, 73, 77, 87, 37, 144 и склепе).

В погребениях №№ 27, 45, 71 и в склепе нами зафиксированы венчики сравнительно хорошей сохранности из листовой бронзы и серебра. Они представляют металлические пластинки, концы которых постепенно суживаются, а средняя часть их имеет треугольный выступ. Венчики на обоих концах имеют отверстия для прикрепления к лобной части женских головных уборов. Обычно их находят на черепках покойников и в большинстве случаев вместе с остатками головных уборов.

¹⁸ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, т. IX, 1961, табл. VI, рис. 13.

¹⁹ В. Х. Тменов. Археологическое исследование «города мертвых» у сел. Даргавс в 1967 г. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Том II. Орджоникидзе, 1969 г., с. 150, табл. VII, рис. 3, 4.

²⁰ М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 85, рис. 21.

²¹ ГИМ, инв. № 769900, клад 99/5а.

Поверхность венчиков, как правило, орнаментирована. Способ нанесения орнамента — штамп четырех видов — линейный «штриховка», розетки, «пуансон» (орнамент пробит с внутренней стороны венчиков). По форме середины и концов, а также по орнаментации их можно подразделить на 4 типа.

1-й тип представлен венчиком из погребения № 45 (рис. 3—1). Это тонкая серебряная пластинка с прямыми вертикально срезанными концами. Длина венчика 19 см, ширина 3 см. В центральной лобной части его имеется выступ. Размеры выступа: ширина — 5,5 см, высота — 7 см. На концах венчик имеет по одному отверстию для скрепления его с головным убором.

Поверхность венчика разукрашена орнаментом, состоящим из чередующихся сплошных линий и лунок в виде жемчужин. Линейный орнамент состоит из 8 полосок, расположенных парно на 0,1 см. Промежутки полосок заштрихованы.

В центральной выступающей части имеется сложный орнамент, который состоит из аналогичной полоски, ограничивающей орнамент из шести закругленных спиралей, расположенных по кругу.

Ко 2-му типу относится венчик из погребения № 71. Он так же, как и предыдущий, представляет продолговато-удлиненную пластинку. Концы его имеют овально-закругленную форму. В центральной части находится выступ в виде треугольника. На обоих концах венчик имеет по одному отверстию. У отверстия сохранились остатки ниток и истлевшей ткани. Размеры венчика: длина 26,4 см, высота — 5,4 см (рис. 3—2).

Венчик из погребения № 71 имеет геометрический орнамент наподобие треугольника, совмещенного своими боковыми сторонами. Все поле сплошь покрыто штампованным точечным пуансонным орнаментом с варьирующим диаметром (рис. 3—2).

3-й тип характеризуется венчиком, найденным в склепе. От предыдущих он отличается формой концов, имеющих вид ромбов. На концах находится не одно, а три отверстия для пришивания. Сам венчик значительно крупнее двух выше описанных (30×5 см).

Центральная часть, как у большинства рассмотренных венчиков, выступает и образует фигуру в виде треугольника (рис. 3—3).

По центральной оси проходит геометрический орнамент, состоящий из парных ломающихся линий, от середины по направлению к концам принимающий волнистый вид. Поле венчика заполнено точечным орнаментом. В центральной части помещена фигура, напоминающая букву «ф» (рис. 3—3).

4-й тип представлен венчиком из погребения № 45 (рис. 3—5). Он отличается от остальных тем, что в центральной части его отсутствует выступ. Венчик представляет собой тонкую серебряную пластинку продолговато-удлиненных пропорций. От середины, по направлению к обоим концам, венчик постепенно

суживается, а затем концы его резко переходят в тупой угол. На концах пластинки имеется по одному отверстию для скрепления его с головным убором. Размеры венчика: длина — 22 см, ширина — 4,4 см (рис. 3—5).

Венчик из погребения № 45 украшен двумя рядами штампованного орнамента в виде шестилепестковых розеток. Розетки окантованы шнуровым орнаментом (штриховка), повторяющим контуры венчика (рис. 3—5).

Венчики, насколько нам известно, не очень распространены на Кавказе, однако можно все же привести некоторые аналогии из синхронных памятников. Так, аналогичные украшения известны из Дергавса и Махчеса (Северная Осетия) по материалам П. С. Уваровой²². Они так же, как и наши, в центре имеют выступ, а на концах снабжены отверстиями для скрепления с головным убором. Орнамент на них состоит из ломаных и волнистых линий, штампованных точек, а также цветков в виде розеток.

Но наиболее близкие нашим венчики найдены в балкарских памятниках изучаемого времени. Так, аналогичные украшения найдены И. М. Мизиевым в Курнятском и Ташлы-Таллинском могильниках XIV—XVIII вв.²³

Различные разрозненные тонкие бронзовые пластинки со штампованным орнаментом обнаружены В. А. Кузнецовым на могильнике Коспарты XIV—XVI вв.²⁴

Надо отметить, что балкарские венчики сходны с карачаевскими не только по форме и назначению, но и по манере выполнения орнамента, а также по стилю²⁵.

Навершия

Среди женских украшений особое место, наряду с венчиками, занимают навершия женского головного убора.

Вышеназванные украшения в виде отдельных фрагментов встречались в погребениях №№ 43, 45, 51, 63, 64, 65, 71. Все они найдены у черепа скелета, причем эти погребения по инвентарю являются наиболее богатыми. Это, видимо, свидетельствует о том, что такие украшения были доступны не всем, а лишь зажиточной части населения. Они изготовлялись из тонкого листового серебра или бронзы и насаживались на макушку островерхих шапочек. К головному убору их обычно прикрепляли посредст-

²² МАК VIII. М., 1900, табл. III, рис. 5, 10—13; с. 263; табл. CVIII, 8, 9, 11, 12.

²³ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 4—1, 2.

²⁴ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сб. ст. по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX, 1961, с. 209, таб. VI—10.

²⁵ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 4.

вом заклепок или ниток. На это указывают пробитые на основании наверх отверстия с остатками ниток в них.

Внешний вид их имеет форму конуса (многие из них напоминают мужской шлем) (рис. 5).

Разновидностями украшений являются различные металлические орнаментированные пластинки для нашивки на одежду и к головному убору²⁶. Они обнаружены во многих погребениях, но наиболее хорошо представлены в пп.— 19, 21, 30, 56, 39, 48, 66, 69 (рис. 6).

Орнамент на них, как и на венчиках, представляет ломаные и волнистые выпуклые линии, выпуклые шишечки и кружки, штриховку, пуансон и пяти- и шестилепестковые розетки (рис. 6).

Подводя итоги по этому разделу на основе вышеизложенного и по данным этнографии, можно попытаться восстановить в некоторой степени общий вид женских шапок изучаемого времени.

Очевидно, они являлись прототипом поздних цилиндрических шапок «Окъя берк» с округлым конусообразным верхом, повсеместно бытовавших в Карачае вплоть до начала XX века. Они изготовлялись из различных дорогих материй или войлока. В пользу этого говорят остатки различных тканей и войлока, найденные в погребениях вместе с рассмотренными украшениями.

На лобной части шапок нашивались венчики, а по бокам и тыльной стороне различные орнаментированные пластинки. На самой вершине их насаживались металлические остроконечные наверхия. На эти макушки, по-видимому, привешивались золотые и серебряные подвески (рис. 10).

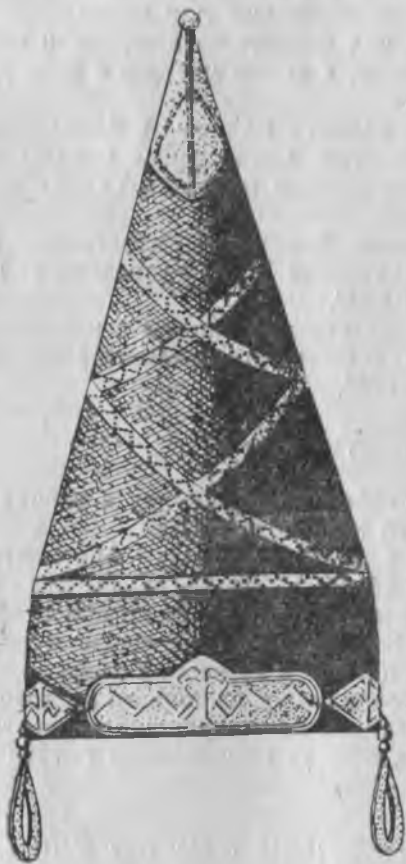

Рис. 10. Средневековая женская шапочка (реконструкция).

²⁶ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 4.

Среди других категорий украшений, происходящих из могильников Карачая, перстни занимают в количественном отношении заметное место. Они найдены в пп. 21, 22, 30, 32, 43, 51, 56, 59, 63, 66, 71, 72 (рис. 11).

Перстни изготовлены из сплава серебра и бронзы. Они имеют круглый шиток, вырезанный из одной пластинки с кольцом и украшенный вставленными в гнездышке разноцветными камешками. Некоторые из них (пп. 12, 30, 51) имеют узорчатый шиток.

Подобные перстни обычны для памятников Северного Кавказа в эпоху позднего средневековья. Так, например, перстни указанного типа были найдены в могильниках Коспарты XIV—XVI вв.²⁷ и Байрым XIII—XV вв.²⁸ в Балкарии.

Абсолютные аналогии известны с могильников Курноят и Ташлы-Тала (Балкария), датированных XIV—XVIII вв.²⁹

Перстень из погребения № 22 изготовлен из тонкого листового серебра и в средней части имеет выступ (рис. 11—6). Такие перстни известны в кабардинских курганах XIV—XVI вв.³⁰. Другие точные аналоги нам неизвестны.

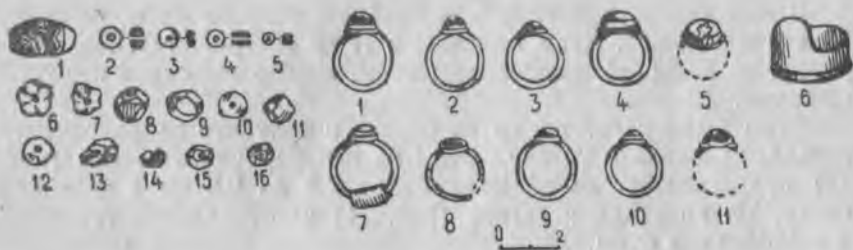

Рис. 11. Перстни и бусы.

Подвески и застёжки

В погребении № 71 обнаружены две серебряные подвески. Подвески состоят из загнутой плоской листовой пластинки, дающей общие очертания в виде капли. Пластика прикреплена вершиной к трем шарикам, имеющим ось (рис. 4—4). Они являлись украшениями женского головного убора и, по-видимому, подвешивались на навершие указанных островерхих шапочек.

Довольно часто в грунтовых погребениях встречаются застёжки от нагрудного украшения женского костюма. Всего их

²⁷ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Табл. VI, рис. 6, 11.

²⁸ И. М. Мизиев. Средневековые каменные ящики..., с. 29.

²⁹ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 4.

³⁰ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы. СА, XX, 1954, рис. 2(27).

найденно в 3 погребениях 56 экземпляров. Наиболее ценной находкой является нагрудное украшение хорошей сохранности, из п. № 45. Оно состоит из 48 серебряных пряжек с отверстиями, пришивавшихся в два ряда к ткани. Они представляют собой прообраз поздних застежек женского костюма, широко бытовавших во всех районах Северного Кавказа. Они отличаются от поздних застежек только меньшими размерами (рис. 4—1).

Застежки указанного типа известны из памятников Северной Осетии XIV—XVIII вв. Так, аналогичные застежки в большом количестве известны среди материалов Лизгор XIV—XVI вв.³¹ и обнаружены в склепах Дергавса³², бытовавших вплоть до XIX в.³³ Часть осетинских застежек (18—21 из Дергавса, 22, 23, 25 из Лизгор) более массивные, имеют на поверхности растительный узор, в отличие от карачаевских украшений.

Застежки указанного типа характерны и для инвентаря могильников Балкарии изучаемого времени³⁴. В погребальном инвентаре памятников Чечено-Ингушетии, Кабарды, Черкесии они неизвестны.

Бусы

В женских погребениях, как правило, находят бусы, но число их незначительно. Бусы найдены в П № 19 (рис. 11). По материалу, из которого изготовлены бусы, можно выделить несколько групп.

Бусы были изготовлены из белого и голубого непрозрачного стекла, хрусталя и гагата. Бусы из непрозрачного стекла (рис. 11) представляют собой мелкий (от 0,3 до 0,5 см в сечении) бисер. Из хрусталя и гагата (рис. 11) изготавливались граненые и желобчатые бусы.

Аналогичные бусы известны в инвентаре средневековых памятников Северного Кавказа³⁵.

На основании приведенных данных аналогий могильник может быть датирован XV—XVII вв., с допуском, что здесь могут быть погребения XIV в.

Этой дате не противоречат и другие предметы (ножи, ножицы, кресала, бруски, наперстки), найденные в карачаевских погребениях.

Такие предметы являются неотъемлемой принадлежностью для всех могильников Северного Кавказа позднего средневековья.

Так, например, аналогичные ножи, кресала, точильные бру-

³¹ МАК, VIII, табл. XXXII, рис. 16—19, 21—25.

³² МАК, VIII, табл. IV, рис. 16—21.

³³ В. Х. Тменов. Указ. соч., с. 156.

³⁴ И. М. Мизиев. Указ. соч., рис. 4—9; В. А. Кузнецов. Указ. соч., табл. VI, рис. 4, 5

³⁵ М. Б. Мужухоев. Указ. соч., рис. 15.

ски найдены в многочисленных кабардино-черкесских курганах, датированных XIV—XVI вв.³⁶. Много таких вещей известно и из пещерных и склеповых погребений Чечено-Ингушетии XV—XVII вв.³⁷. Указанные предметы находят себе аналогии и в инвентаре склеповых могильников Северной Осетии изучаемого времени³⁸.

То же самое можно сказать о пожницах (портняжных и для стрижки овец), бронзовых наперстках и других предметах из всех перечисленных могильников³⁹.

Исходя из этих хронологических и обрядовых параллелей, вышеотмеченную дату следует считать удовлетворительной.

РАСКОПКИ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА В 1974 ГОДУ

Хумаринское городище находится на правом берегу Кубани в 11 км к северу от г. Карачаевска, вблизи аула Хумара. Городище расположено на возвышенном плато древней надпойменной террасы (рис. 1). Оно занимает плоский отрог, отделенный глубокими балками от массива террасы, называемый местным населением Калез (Старая крепость, Старый город). На западе отрог обрывается в долину Кубани, с севера он ограничен балкой Инал, с юга и юго-востока балкой Шугара. Его площадь около 25 га. С него хорошо просматривается долина Кубани и прилегающие к ней нагорья.

На северо-востоке отрог узким перешейком, зажатым между верховьями балок, соединен с коренным плато террасы. В центре этого перешейка возвышается холм (высота около 43 м), принимаемый всеми исследователями за цитадель городища. По краю отрога тянется валообразная насыпь, которая, как было выяснено предшествующими работами, скрывает остатки стен и башен. Насыпь опоясывает всю территорию древнего поселения, перерезает с двух сторон у подножия холма-цитадели перешеек и поднимается к его вершине. В литературе о Хумаринском го-

³⁶ ГИМ, инв. № 76990, клад 99/4а (коллекция из раскопок Самоквасова). О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв., рис. 2/2(3). Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Труды ЧНИИ, вып. II. Черкесск, рис. 7—2, рис. 11—3. Е. П. Крупнов, Р. М. Мунчаев. Бамутский курганный могильник XIV—XVI, Сб. «Древности Чечено-Ингушетии», рис. 5(6, 9), рис. 8(6), рис. 9(2, 4, 5, 6).

³⁷ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна, рис. 1(18), рис. 3(23), с. 272. М. Б. Мужухоев. Указ. соч., с. 170—173, рис. 24—31.

³⁸ В. Х. Тменов. Указ. соч., табл. VIII, рис. 3, 5, 6.

³⁹ МАК, VIII. Таб. СІХ, рис. 16; О. В. Милорадович. Указ. соч., рис. 3(1, 2, 4); рис. 34; В. П. Левашова. Указ. соч., рис. 5(5); В. Марковин. Указ. соч., рис. 1(6); М. Б. Мужухоев. Указ. соч., рис. 1(10).

Рис. 1. Общий вид городища.

городище существует традиция полагать, что склоны холма-цитадели в древности были вымощены каменными плитами, на вершину его вела лестница, а сама цитадель представляла мощное укрепление, обнесенное стеной. Эта традиция основывается на рассказах местных жителей и наблюдениях, сделанных исследователями, побывавшими на городище до начала 60-х годов нашего столетия.

В 1960 и 1962 гг. городище обследовал В. А. Кузнецов, выезжавший на памятник в связи с известием о находках на нем плит с руническими текстами¹. В. А. Кузнецов первым на современном научном уровне определил значение Хумаринского городища как выдающегося археологического памятника периода становления феодализма на юге нашей страны. Он первым высказал предположение о тюркском характере рунических надписей, найденных на Хумаринском городище, и первым попытался датировать памятник, определив время его бытования X—XI вв. Однако раскопок на городище В. А. Кузнецов не проводил.

В 1963 и 1964 гг. на городище работала экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ, возглавляемая Е. П. Алексеевой². Экспедиция исследовала раскопками ряд участков внутри укрепленной части городища (северо-западный мыс над выходом балки

¹ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1, сс. 298—305.

² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая Карачаево-Черкесия. М., 1971, сс. 132—135.

Инал в долину Кубани, небольшое овальное всхолмление в северо-западной части плато, цитадель и холм цитадели) и за его пределами. Е. П. Алексеевой было установлено, что у подножия цитадели со стороны балки Шугара средневековые культурные отложения подстилает пласт, оставленный населением VIII—VI вв. до н. э. Средневековые культурные отложения и связанные с ними строительные остатки Е. П. Алексеева датировала IX—XIII вв., высказав при этом мысль о том, что оборонительные стены, окружающие городище, были возведены «не ранее конца XI в».³ По наблюдениям Е. П. Алексеевой, цитадель была искусственным сооружением, возведенным из земли, камня и дерева на вершине естественного холма. Она имела высоту около 5 м и была облицована панцирем из каменных плит. Изучение топографии городища привело Е. П. Алексееву к предположению о том, что перешеек у подножия цитадели имел двойную линию обороны. Работы, проведенные Е. П. Алексеевой на городище, были первыми стационарными исследованиями памятника. К сожалению, они были предприняты уже после значительных разрушений на городище и, особенно на цитадели, которые были произведены в конце 50—начале 60-х годов.

При возобновлении археологических работ на памятнике летом 1974 г. было решено сосредоточить силы в первую очередь на исследовании оборонительной системы древнего поселения. При этом учитывалось, что в предшествующие годы разборке и уничтожению подвергались главным образом остатки стен и башен, представляющие значительный запас великолепного строительного камня. Чтобы не потерять ни одного элемента из общей схемы крепостного строительства, было решено начать с расчистки и изучения именно тех участков, которые уже подверглись разрушению. Вместе с этим при планировании новых работ принималось во внимание также и то обстоятельство, что до настоящего времени специальное изучение оборонительного комплекса не производилось.

Для раскопочных работ в 1974 г. были выбраны два участка валообразной насыпи, ограждающей плато городища со стороны южной балки Шугара. Первый участок (в полевой документации он получил индекс «А») находится в верховье балки, в том месте, где валообразная насыпь, идущая вдоль балки по краю плато, соединяется с насыпью, пересекающей перешеек и с юга поднимающейся к вершине холма-цитадели. На схематическом плане Хумаринского городища, опубликованном Е. П. Алексеевой, этот участок обозначен как «развал стены, в котором были найдены рунические надписи»⁴. Через этот участок насыпи проходит современная полевая дорога. Его рельеф более спокоен, чем рельеф соседних с ним участков перешейка, здесь менее выражен общий подъем уровня поверхности плато в

³ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 134.

⁴ Е. П. Алексеева. Указ. соч., с. 344, табл. 34(1а).

сторону холма-цитадели. Топография этого участка вызывала предположение, что именно здесь в древности могли сходиться путь, ведущий в крепость со стороны нагорья, лежащего к северо-востоку от городища, и путь, поднимавшийся снизу из долины Кубани по балке Шугара. Положение древней дороги могло совпадать с положением современной дороги; в месте пересечения стены и дороги можно было ожидать открытие крепостных ворот и прикрывающих их башен. За остаток такой одной башни при внешнем осмотре поверхности можно было принять холмообразное возвышение на склоне плато к балке, прилегающее к избранному участку валообразной насыпи с юга.

Второй участок, избранный для раскопок 1974 г. (в полевой документации он получил индекс «Б»), находится на южном мысу плато городища горы Калез, над устьем балки Шугара. Этот участок обороны, судя по его положению, мог контролировать движение из долины Кубани вверх к крепости. Валообразной насыпи, проходящей по краю обрыва, здесь не заметно. Это обстоятельство наводило на мысль о том, что на данном отрезке стены существовали башня или контрфорсы, усиливавшие ее оборону. Внешняя сторона валообразной насыпи в месте ее расширения оказалась сильно разрушенной вследствие выборки камня и, видимо, имевших здесь место естественных разрывов и обвалов.

Характер культурных напластований на участках «А» и «Б» оказался несколько различен, причем различия объясняются, главным образом, топографическим положением этих участков на плато отрога, занятого городищем. Поверхность плато имеет заметное падение в направлении с северо-запада на юго-восток, в связи с чем суглинистые и гумусные образования перемещались с возвышенной части плато в пониженную. В верхней части они местами совершенно не сохранились. Благодаря этому напластования, на которых возведены каменные сооружения, неодинаковы. В верхней части плато они, как это показали раскопки на участке «Б», возведены на глиняной платформе мощностью до 0,40 м, которая была искусственно создана по краям плато. Эта платформа выклинивается в обоих направлениях от развала оборонительных сооружений и по ширине лишь немногим превышает подошву стены. Платформа была уложена на материковую скалу, которая, как показала шурфовка, выступает в верхней части городища сразу под гумусом в двух-трех метрах от подошвы стены. Культурные отложения между скалой и гумусом здесь практически отсутствуют. Следы культурного слоя, содержащие редкие фрагменты керамики и костей животных, спорадически встречаются только в понижениях и трещинах материковой скалы и изредка в гумусе. Таким образом, на участке «Б» раскопки сводились, главным образом, к снятию гумусного слоя, перекрывающего валообразную насыпь на краю плато и расчистке сохранившихся в основании насыпи остатков оборо-

нительной архитектуры от каменного завала, образовавшегося по мере ее разрушения.

На участке «А» в пониженном районе плато между материковой скалой и подошвой строительных остатков, скрытых в толще валообразной насыпи, залегает мощная толща отложений: гравий, глина и суглинок, насыщенный частицами культурного слоя. С внутренней стороны к открытым здесь остаткам оборонительных сооружений прилегает хорошо выраженный культурный слой, достигающий 0,50—0,60 м. Этот слой оказался перекрыт завалом строительного камня, образовавшимся при их разрушении. С внешней стороны сооружений культурный слой почти не прослеживался. Зато здесь сохранились следы, относящиеся к периоду их возведения,—разложившиеся отсысы песка, выходы глиняной платформы, подтеки известкового раствора и пятна погребенной почвы. Над поверхностью, с которой велось строительство, здесь также образовался завал, представлявший не столько остатки древнего естественного разрушения архитектуры, сколько следы хищнической добычи каменных блоков, производившийся на этом участке валообразной насыпи в конце 50-х годов. Сохранившиеся от разрушения остатки оборонительной стены выступали здесь почти на поверхности, будучи перекрыты только слабым пластом гумуса и дерном. Таким образом, раскопки на участке «А», помимо расчистки от завала остатков оборонительной архитектуры, потребовали тщательного стратифицирования напластований, перекрытых поздними каменными засыпками. При этом особое внимание было обращено на фиксацию положения находок. Применяемая при исследовании земляных городищ массовая фиксация по штыкам в данных условиях была явно непригодной. Находки фиксировались индивидуально или малыми группами, причем учитывались все характеристики их залегания.

Ниже приводятся материалы о раскопках каждого из исследованных участков.

РАСКОП «А»

На раскопе «А», как и предполагалось при внешнем осмотре памятника, были открыты башня и часть крепостной стены (рис. 2). Башня, как можно судить по месту ее возведения, в системе обороны городища выполняла важную функцию контроля над выходом из балки Шугара на плато. Она замыкала линию стен и башен, шедших вдоль южного края отрога, на котором расположено городище. От нее начинался поворот оборонительной линии на север и подъем стены к вершине цитадели. По наблюдениям Е. П. Алексеевой, узкий перешеек, соединяющий территорию городища с массивом нагорного плато, помимо оборонительной линии, которая обходит периметр городища и сходится у вершины цитадели, имел вторую оборонительную

ХУМАРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ 1974 г.
ПЛАН РАСКОПА «А»

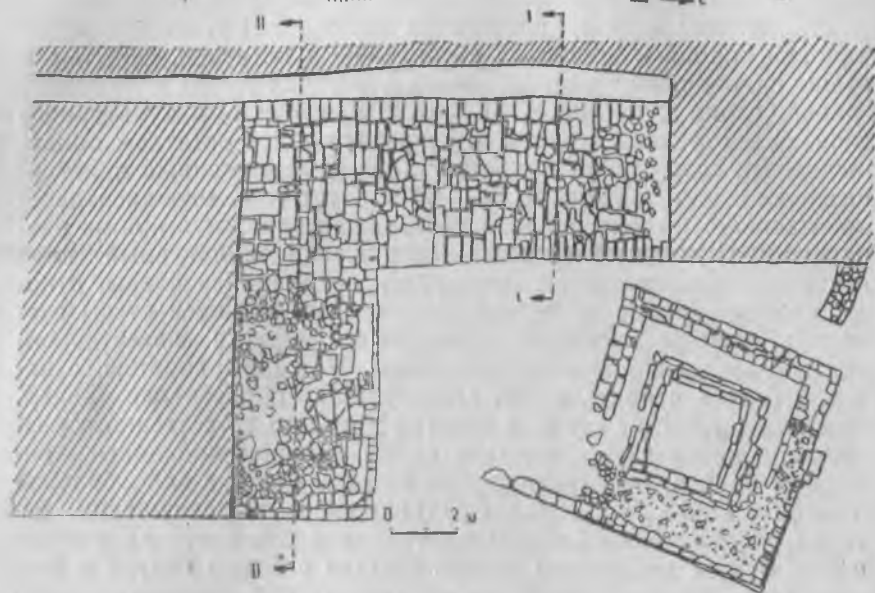

Рис. 2. План раскопа А.

линию — в виде двух коротких стен, построенных в самом узком месте перешейка, по обе стороны от холма-цитадели между его основанием и краями балок Инал и Шугара. Е. П. Алексеева пишет о том, что эти стены имели ворота, а перед ними проходил ров. Это укрепление, по мнению Е. П. Алексеевой, было передовым, внешним. Оно удалено от внутреннего укрепления на расстоянии 50—155 м. Проверить раскопками эти наблюдения в 1974 г. не представилось возможным, однако поверхностное изучение рельефа на тех участках, где Е. П. Алексеева предполагает нахождение остатков внешней оборонительной линии, позволяет допустить справедливость ее предположения. Открытые на раскопе «А» остатки башни и стены, видимо, представляют часть внутренней обороны.

В связи с тем, что в ходе раскопочных работ не удалось добиться от Областного отделения ВООПИК решения вопроса о принятии конкретных мер для консервации и охраны открываемых сооружений, было сочтено нерациональным полное раскрытие поверхностей, обнаруженных во время раскопок монументальных строительных остатков. Поэтому были расчищены и обнажены только северная и восточная стены башни, освобождена от дерна и засыпи с целью выяснения конструкции северная часть ее поверхности, полностью раскрыт и расчищен при-

Рис. 3. Остатки башни.

легающий к башне отрезок крепостной стены, который подвергся при хищнической ломке камня на этом участке городища наиболее сильному разрушению. Над остальной частью поверхности башни, а также над крепостной стеной были сохранены дерн и засыпь (рис. 2).

Башня сохранилась максимально на высоту 2,30 м. От разрушения уцелело шесть, а местами — семь рядов кладки. Она была прямоугольной в плане. Протяженность ее основания вдоль северной стены 7,75 м, вдоль восточной — 11,10 м (рис. 3). Сохранившаяся часть, насколько об этом можно судить по еще неполной расчистке нижнего этажа, представляет остаток монолитного основания, целиком заполненного камнем. Башня была построена одновременно с прилегающей к ней с запада стеной. На линии стыка стены и башни отчетливо выявляются блоки перевязи. Для ее постройки, как и для постройки стены, были применены отесанные квадры местного песчаника. Однако кладка башни выглядит не очень тщательной, в ней использованы разномерные камни, параметры которых колеблются в пределах $0,90 \times 0,40 \times 0,30$ м и $0,50 \times 0,35 \times 0,20$ м (данные преднамеренно округлены). Встречаются камни, близкие по форме к кубу, и уплощенные плиты.

Стены башни представляют собой род панцирной облицовки ее внутреннего каменного массива, причем отдельные удлиненные блоки стены положены перпендикулярно ее фронту с тем, чтобы осуществлять связь облицовки и ее внутреннего заполнения. Пространство между стенами — облицовкой было заполнено (насколько об этом можно судить по расчищенным участкам) уложенными в горизонтальные ряды блоками, подобными блокам, использованным для внешней облицовки. Скрепляющий

Рис. 4. Восточная стена башни.

известковый раствор был применен при возведении башни в весьма ограниченном количестве*. Он был использован и соответственно прослежен при расчистке только в отдельных местах между швами нижних облицовочных рядов кладки. Внутренний массив башни выложен целиком без скрепляющего раствора (рис. 4).

Башня была поставлена без фундамента, склон под ее основанием не был отnivelирован. Нижние ряды камней были уложены на уплотненную поверхность глинистого ската. Горизонтальная площадка была подготовлена только под юго-восточным углом башни. Подошва нижнего камня северо-восточного угла башни на 0,92 м и превышает уровень подошвы нижнего камня юго-восточного угла и на 0,60 м ниже подошвы нижнего камня ее северо-западного угла.

Примыкающая к башне оборонительная стена была раскрыта с внешней стороны на протяжении 15 м (от северо-западного угла башни), с внутренней стороны на протяжении 22 м, поверхность стены расчищена на протяжении 13 м (максимально) (рис. 5). Исследованный участок стены, по-видимому, больше других частей укрепления подвергся разрушению, поскольку он наиболее близок к району нагорного плато, где в 50-е гг. шло интенсивное строительство. Около северо-западного угла башни

* Раствор, применявшийся при возведении стен и башен на Хумаринском городище, отличается от растворов, известных по крепостным сооружениям Дербента, Херсонеса, средневековых крепостей Горного Крыма. Главное его отличие в том, что он тоньше и мягче, в нем меньше примеси песка, нет гальки, толченой керамики. Он менее прочен, легко отделяется от камня.

Рис. 5. Остатки стены.

с внешней стороны стены оказались уничтоженными даже блоки нижнего ряда кладки. С внутренней стороны в средней части расчищенного отрезка на протяжении десяти метров сохранился только нижний ряд. Максимальная сохранность остатков стены (восточная сторона) к северу от основания башни четыре ряда кладки (высота — 1,20 м). В южной части раскопа к югу от башни стена сохранилась значительно лучше, здесь с внешней стороны был расчищен отрезок, сохранивший до 6 рядов кладки (высота 1,80 м). Над участком стены, подвергшимся наибольшему разрушению, образовался мощный завал перемешанного с гумусом щебня и обломков раздробленных плит. Добыткиков интересовали, главным образом, целые блоки. При извлечении их из толщи стены по обе ее стороны скопились хорошо прослеживаемые выкиды дефектного камня.

Ширина стены около северо-западного угла башни — 5,10 м, в северной части расчищенного по поверхности участка — 4,80 м. Как и башня, она была поставлена без фундамента на слабо сnivelированную поверхность склона. Разность уровней подошвы стены на исследованном участке (в северной и южной точках) с внешней ее стороны — 1,25 м, с внутренней — 1,30 м. Под стеной залегает пласт гумусированного суглинка с частицами золы, угля и разложившейся керамики. Местами из-под стены выступают прослойки песчаникового щебня и крошки, возможно, представляющие следы преднамеренной подсыпки. Кладка стены выглядит более тщательной и регулярной, чем кладка

Рис. 6. Деталь оборонительной стены с водостокom.

башни. Стена сложена из хорошо отесанных прямоугольных блоков, причем, несмотря на четкое выделение панцирных рядов, внутренность стены заполнялась не бутом, а такими же блоками*. Кладка панцирных рядов выполнена по системе «тыч-

* Высказанные здесь наблюдения могут быть в дальнейшем откорректированы. Следует принять во внимание, что сверху стена была расчищена только на небольшом участке, причем на таком участке, где сохранились только самые низкие ряды кладки. Кладка башни может выглядеть более грубой в связи с тем, что раскрыты ее наиболее выветренные стороны — северная и восточная.

ком и ложком»: блоки первого нижнего ряда на участке к северу от башни были уложены короткой гранью (торцом) наружу и уходили в толщу стены, блоки второго ряда укладывались наружу длинной гранью (либо плашмя, либо на образец), блоки третьего ряда повторяли кладку тычком и т. д. (рис. 6). На участке к югу от башни нижний ряд состоял из блоков, положенных к плоскости стены длинной гранью, а второй из блоков, уложенных тычком, третий ряд повторял кладку первого, четвертый — второго и т. д. С внутренней стороны блоки, уложенные вдоль плоскости стены, обычно помещены плашмя, а с наружной стороны, насколько об этом можно судить по сохранившемуся фрагменту кладки, поставлены «на образец». Камни нижнего ряда кладки с внешней стороны стены выступают на 5—7 см из плоскости стены. Внутри стены блоки обычно клались плашмя, на расчищенном отрезке большинство из них оказалось уложенным перпендикулярно плоскости стены (рис. 5, 6). Как и в кладке башни, известковый раствор при возведении стены был использован в очень ограниченном количестве. Он применялся главным образом для промазки снаружи швов между камнями нижнего ряда. Внутренняя кладка стены выполнена глинистым раствором, превратившимся в желтоватую пылевую массу. Блоки, использованные в кладке на глинистом растворе, превратившемся в желтоватую массу, хорошо обработаны, в большинстве своем они имеют форму крупных квадратов. Их размеры колеблются в пределах: $1,00 \times 0,45 \times 0,35$ м; $0,80 \times 0,40 \times 0,30$ м. В толще стены встречены и более крупные плитообразные блоки $1,30 \times 0,30$ м.

На блоках, использованных в кладке башни и стены, были обнаружены тамгообразные знаки: 4 знака на восточной стене башни в первом и седьмом рядах кладки, 3 знака на блоках, уложенных в толщу стены в ее среднюю часть, 2 знака на обломках блоков, находившихся в развале башни. Знаки изображают различные вариации двузубца и трезубца, три параллельно вертикальные черты, свастику (рис. 7).

В траншее, проложенной вдоль внутренней стороны стены, был прослежен характер напластований, подступающих к стене со стороны городища. Здесь четко определяется уровень, с которого началось разрушение стены: он проходит на глубине 0,60—0,80—1,40 м от уровня современной дневной поверхности, залегает соответственно ниже в южной части траншеи, где лучше сохранность стены. На этом уровне были обнаружены четыре скопления округлых речных голышей (диаметр 5—8 см), которые могли служить метательными орудиями — боллами. Кучи голышей — боллов шириною до 1 м были на равном расстоянии рационально размещены вдоль основания стены. На этом уровне прослеживается также уплотнение грунта и следы кострищ, подходивших к самой стене.

Ниже этого уровня идет углисто-золотистый пласт, насыщен-

Рис. 7. Знаки из городища.

ный костями животных (в основном мелкий рогатый скот) и обломками керамики. Мощность этого пласта колеблется в пределах 0,30—0,50 м, местами он расчленяется на прослойки, которые разнятся лишь большей или меньшей насыщенностью золой, углем, костями. Попытка расчленить этот пласт на горизонты пока что оказалась безуспешной. Керамический материал, содержащийся в этом пласте, весь укладывается в рамки одного хронологического периода — VIII—X вв. и никакой более дробной периодизации не поддается. Углисто-золотистый пласт начинается на 0,10—0,15 м выше подошвы стены и соответственно датирует период существования жизни внутри огражденной стенами территории. Ниже его прослежена только тонкая (до 0,05 м) прослойка извести и щебня, представляющая, видимо, уровень строительных работ или возведение стены. Поскольку никакого более раннего материала, за исключением разрозненных фрагментов керамики позднекобанского облика, находимых явно в переотложенном состоянии, вблизи исследованного участка обнаружено не было, хронологическое определение углисто-золотистого пласта, видимо, следует перенести и на весь данный комплекс оборонительных сооружений. Однако, принимая во внимание, что пласт культурных отложений у подножия стены обладает сравнительно значительной мощностью и, следовательно, накапливался в течение длительного времени, этап возведения оборонительных сооружений предпочтительнее опреде-

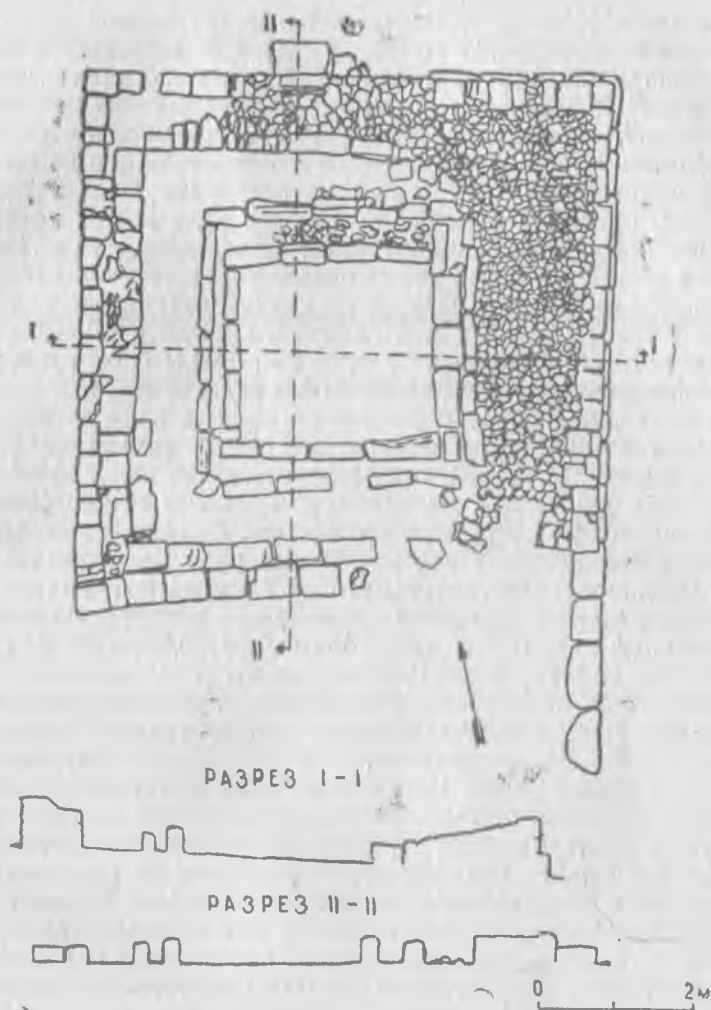

Рис. 8. План и разрезы Храма.

лять начальными десятилетиями указанного хронологического периода.

С внешней стороны около стены были расчищены остатки квадратной каменной постройки, занимавшей площадь $6,20 \times 7,00$ м (рис. 2, 8). Постройка была возведена под углом около 15° к линии стены и ориентирована в разрез с основными архитектурными сооружениями данного участка — башней и стеной. Расстояние между стеной и юго-западным углом постройки 0,66 м, между северо-западным углом и стеной — 3,10 м. Пост-

ройка была возведена, вероятнее всего, после завершения строительства оборонительной стены. Подошва ее западной и южной стен (юго-западный угол) лежит несколько выше уровня подошвы оборонительной стены и под них уходит прослойка песчанистого щебня, которая, вероятнее всего, осталась от больших строительных работ по сооружению оборонительного комплекса.

Как оборонительные сооружения постройка была возведена на склоне, подошва ее северо-восточного угла лежит на 1,50 м ниже подошвы юго-западного угла. Северо-восточная, юго-западная и северо-западная стены постройки были поставлены без фундамента на освобожденную от дерна поверхность склона и нижние ряды их кладок повторяют его рельеф. Ширина этих стен соответственно равна 1,00 м, 0,75 м, 0,80 м (рис. 8). Кладка северо-западной и юго-западной стены состоит из двух лицевых рядов камня, настолько плотно подогнанных один к другому, что между ними практически нет места для забутовки. Камни клялись насухо, но швы между ними частично были промазаны известковым раствором, подобным тому, который употреблялся при строительстве оборонительной стены. Кладка северо-восточной стены представляет два панцирных ряда уплотненных блоков, в середину между которыми был засыпан бут, кладка также сделана насухо. Наиболее характерные размеры блоков, использованных в кладках этих стен: $0,50 \times 0,35 \times 0,30$ м, $0,50 \times 0,40 \times 0,20$ м; $0,40 \times 0,30 \times 0,20$ м (рис. 8).

От юго-восточной стены сохранились лишь несколько камней, которые прослежены по краю горизонтальной площадки, поднятой до уровня поверхности внутри постройки. Размеры площадки: длина 5—10 м, ширина — 1,30 м. Площадка была вымощена мелким бутом. Юго-восточная стена опиралась на подпорную стенку (крепилу), которая начиналась у северо-восточного угла постройки, проходила под стеной и продолжалась за пределами постройки в направлении башни. Ее протяженность 9,20 м. Максимальная высота — 0,70 м. Было прослежено три ряда кладки крепилы: нижний ряд состоял из крупных грубо обработанных блоков, он на 5—10 см выступал из-под линии верхнего ряда, второй и третий ряды были сложены на извести и из ровных квадратных блоков средних размеров, хорошо пригнанных один к другому. Крупные грубо обработанные камни, выступавшие из-под линии стены, были прослежены также и в кладке северо-восточной стены.

Внутри постройки в центральной части ее на равном расстоянии от стен был выделен квадратный участок площадью $2,50 \times 2,40$ м, обрамленный с юго-запада, северо-запада и северо-востока, т. е. двойным рядом плит, поставленных «на образок». Расстояние между плитами внешнего и плитами внутреннего ряда — 0,20—0,30 м, высота плит внешнего ряда 0,30—0,25 м, плиты внешнего ряда несколько выше (до 0,10 м) плит внутреннего ряда (рис. 8). С юго-востока, т. е. со стороны пло-

щадки, опирающейся на подпорную стену, внутрь квадратного участка вела ступенька, образованная плитами внешнего ряда обрамления, поставленными так же, как и другие плиты, «на образок» и плитами внутреннего ряда, положенными плашмя.

Пол внутри помещения за пределами выделенного квадрата прослеживался с большим трудом, поскольку остатки постройки дошли до нас в сильно деформированном состоянии. Тем не менее удалось проследить, что мощеная площадка в юго-восточной части была несколько выше пола между обрамлением квадрата и стенами (разница около 0,20 м). Квадрат представлял собой утрамбованную поверхность из суглинка и крошки песка. Внутри квадрата пол оказался земляным (гумусированный суглинок), с большим содержанием золотисто-углистой супеси, при его зачистке обнаруживались слабо выраженные, но достаточно определенные пятна горения, угля и золы. Внутри постройки было сделано исключительно мало находок: при разработке завала и расчистках пола встречались единичные фрагменты красноглиняных амфор IX—X вв., обломки лощеных сосудов, среди которых преобладали фрагменты раннесредневековой столовой керамики, единичные фрагменты костей животных (некоторые со следами пребывания в огне).

К западу от северо-западного угла постройки был расчищен небольшой участок кладки (длина 2,00 м, ширина — 1,00 м), которая была пристроена к оборонительной стене и направлена в сторону постройки. Кладка была завершена в 1,20 м от ее северо-западного угла. Возводилась кладка значительно позднее оборонительной стены и постройки. Об этом свидетельствует мощный пласт (до 0,50 см) грунта, накопившийся около оборонительной стены к моменту возведения кладки.

Кладка выполнена по системе: два лицевых ряда блоков на глине и значительный массив бута между ними без специального связующего раствора. Кладка сохранилась на высоту 0,50—0,70 м (рис. 8).

Топографическое положение постройки и ее планировка заставляют нас предполагать ее на необычное, не бытовое назначение. Постройка расположена вне внутренней территории поселения, между первой и второй линией обороны вблизи от того места в системе внутренних оборонительных сооружений, где должен был расходиться въезд в крепость или, во всяком случае, один из важнейших ее участков. Постройка ориентирована преднамеренно в разрез с ориентировкой оборонительных сооружений, ее юго-восточная сторона направлена строго (видимо, не случайно) в сторону летнего восхода солнца. Возведение постройки и подпирающей ее крепиды должно было потребовать значительных усилий и достаточно квалифицированного коллектива строителей. Постройка реконструируется как помещение зального типа с открытой внутрь галереей — айваном. Вход в нее, вероятнее всего, находился в юго-восточной части юго-за-

падной стены, где подход к нему обозначен камнями — продолжением крепиды. Возможно, здесь был подъем пандуса, который приводит на галерею — айван.

В непосредственной близости от нее был сделан ряд интересных находок. При расчистке завала между юго-западным углом и оборонительной стеной было обнаружено на уровне ее нижних камней скопление костей животных, в том числе крупного рогатого скота (череп, кости ног, часть костей туши). Здесь же были найдены обломки костей человека — обломок правой верхней челюсти, трехгранная кость запястья. Рядом был найден фрагментированный чернолощеный кувшинчик с прочерченным на поверхности тамгообразным знаком в виде кружка с отходящими вниз в разные стороны двумя черточками-угольниками. При расчистке подошвы оборонительной стены между башней и постройкой было найдено золотое кольцо из витой проволоки. Вместе с этим следует отметить почти полное отсутствие культурных остатков и содержащего их слоя в районе постройки, так резко контрастирующие с обилием культурных остатков в слое, примыкающем к стене с внутренней стороны.

Все вышеприведенные наблюдения дают право предполагать культовое назначение постройки. Планировка позволяет сопоставить ее с зороастрийскими храмами, в которых центральное положение занимал стабильный или переносный жертвенник с горящим огнем, ориентированный на солнечный восход. Если наше предположение верно, то представляется весьма интересным, что возник храм не ранее VIII в., т. е. в период разгрома арабами основных центров зороастризма. Он мог быть разрушен раньше гибели всего населения и раньше начала разрушения крепостных стен, но он, несомненно, существовал в начальный период бытования поселения, в период постройки оборонительной линии вокруг горного отрога Калез, который продолжался, как свидетельствуют наблюдения, не одно десятилетие. Представляемая храмом группа занимала, судя по его положению у ворот крепости, важное положение для населения, обитавшего в укреплении. Если наши рассуждения верны, то уместно поставить вопрос о миграции в горные районы Большого Кавказа в период усиления арабо-хазарских войн поклонников зороастризма из соседних районов, захваченных арабами.

РАСКОП «Б»

На раскопе «Б», как и предполагалось при наружном осмотре участка, были также раскрыты остатки оборонительного архитектурного комплекса. Он состоял из башни с проходом («калиткой»), пристроенной к башне наружной лестницы, и примыкающих к ней с двух сторон отрезков (рис. 9). Общая протяженность раскрытого участка 24,00 м, его ширина — 16,00 м. Участок находится на самом краю плато, между основанием

ХУМАРИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ 1974-г
ПЛАН РАСКОПА .Б.

Рис. 9. План раскопа Б.

башни и обрывом сохранилась лишь узкая площадка скалы шириною от 2,00 до 3,00 м.

Как и при раскрытии сооружений на раскопе «А», на раскопе «Б» дерновой покров и гумус не снимались в тех местах над раскрываемыми сооружениями, где их удаление могло бы повлечь за собой разрушение архитектурных остатков. Расчистке сверху подверглись, главным образом, те части комплекса, которые испытывали значительные разрушения и исследование которых было необходимо для понимания его структуры (рис. 9). По обе стороны от башни и примыкающих к ней отрезков стены участок был исследован максимально полно, до материковой скалы. Ни со стороны обрыва, ни со стороны плато явно выраженных следов культурного слоя обнаружено не было.

Занимающая центральную часть исследованного участка башня имела контур основания, близкий по очертаниям к многоугольнику, образованному двумя поставленными на основания трапециями. Длина башни равна 10,70 м, ширина — 9,00 м (взяты максимальные величины) (рис. 10). Длинные стороны башни были обращены на юг (к обрыву) и на север. С южной стороны башня оказалась сильно разрушена, здесь сохранился один, максимально два нижних камня кладки (высота 0,30—0,75 м) (рис. 10). С северной стороны сохранилось пять рядов кладки (высота 1,60 м), в северо-восточном углу — семь рядов (высота — 2,30 м). Стены сохранившейся части башни представляют собой выложенную из хорошо стесанных блоков пес-

Рис. 10. Общий вид раскона Б.

чаника панцирь-облицовку (рис. 10). Для него использовались разномерные квадраты, которые укладывались «тычком», плашмя — «ложком» и ставились «на образок». Строители стремились чередовать рядами приемы разнотипной кладки. Например — первый — «тычком», второй — «на образок», третий — «ложком» или первый — «тычком», второй «ложком» и т. д., что, однако, им плохо удавалось, поскольку размеры заготовленных для строительства блоков были слишком различны (рис. 10). В кладке панциря башни были использованы блоки размерами $1,40 \times 0,30 \times 0,20$; $0,90 \times 0,40 \times 0,40$ м, $0,50 \times 0,340 \times 0,30$ м. На углах, как правило, укладывались более крупные квадраты, в середине фронта стены шли камни поменьше. Нижний ряд камней укладывался обычно «тычком» (рис. 10). Кладка панциря была выполнена на известковом растворе, который, однако, был распределен и сохранился очень неравномерно. В основном растворе были приложены только камни самых нижних рядов. Как показала расчистка боковых ступ башни, раствор в основном применялся для внешней обмазки стен и затирки швов. Значительные пятна раствора сохранились на внешней поверхности стен, их толщина достигает 1,0 см (рис. 10).

В восточной части башни был сделан проход, выводивший за пределы укрепления. Ширина прохода — 1,45 м, его стены сохранились на высоту до 1,75 м — 1,90 м. Проход расчленил основание башни на два неравных массива. О внутреннем заполнении восточного малого массива судить трудно, так как он не

был расчищен сверху. Западный большой массив оказался разделенным на два отсека. Внутри него была возведена стена, шириной 0,70 м, сложенная из грубо обработанного разномерного камня, которая рассекла массив вдоль по линии продолжающей линию фронта примыкающей к этой части башни оборонительной стены (рис. 10). Полости обоих отсеков были заполнены необработанным крупным камнем, который был использован в качестве бута. Камень был уложен без известкового раствора, с применением глиняной заливки, которая превратилась в засыпь, состоящую из сравнительно мелких песчаниковых отесов, щебня, крошки и глинистой супеси.

Раскопанная часть башни, видимо, представляет основание, на котором были возведены верхние этажи, служившие помещением для стражи. Вдоль северной стороны отрезка оборонительной стены, подходившего к башне с востока, были обнаружены остатки лестницы, ведущей на второй этаж башни. Лестница была пристроена к оборонительной стене и северо-восточному углу башни со стороны стены — с востока. Пристройка — основание лестницы — представляла собой однорядную облицовочную кладку, выполненную в основном «ложком». В кладке были преимущественно использованы плитообразные блоки, которые придали ей облик, отличный от облика облицовочного панциря башни (рис. 10). Промежуток между кладкой пристройки и стеной был заполнен крупными грубыми кусками песчаника и щебнем, наподобие забутовки основания башни. Длина пристройки — 7,25, ширина 1,70—1,60 м (сужается кверху), высота сохранившейся части (около северо-восточного угла башни) — 1,50 м. В нижней части лестницы сохранились плиты, служившие ступенями, всего было прослежено четыре ступени (рис. 10).

В отличие от башни, остатки которой были раскрыты на раскопе «А», башня раскопа «Б» не была вынесена за линию оборонительной стены, она была встроена в толщу стены и только выступала за линию ее внешнего и внутреннего фронта. К югу к краю плато она выходила из толщи стены на 3,50 м, к северу, внутрь городища, она выдавалась на 1,90 м. Мощность стены на этом участке обороны оказалась несколько более слабой, чем на северо-восточном участке. Здесь толщина стены была равна 3,30 (3,50 м). Максимально она сохранилась до высоты 2,60 м. Стена была сложена из песчаниковых блоков, которые образовывали два лицевых панцирных ряда. По верху стены расчистка не производилась в связи с опасностью ее разрушения, но, как можно судить по разрезу стены, обнажившемуся при расчистке башни, ее внутреннее пространство между лицевыми рядами было заполнено грубыми разномерными блоками, пересыпанными щебнем, которые не составляли столь правильных и четких рядов, какие были зафиксированы при расчистке стены раскопа «А». Внешние ряды кладки здесь

также были уложены с применением слабого известкового раствора. Блоки, использованные в кладке стены, здесь, как правило, меньше, чем на раскопе «А». Их размеры $0,60 \times 0,40 \times 0,25$ м, $0,50 \times 0,30 \times 0,20$ м, иногда — $1,10 \times 0,40 \times 0,20$ м. Методы постановки блоков здесь те же, по преимуществу «тычком» и «ложком», но кладка менее тщательна с менее регулярным соблюдением чередования последовательности укладки камней и рядов. Создается впечатление, что кладки стен, открытых на раскопах «А» и «Б», были не одновременными, кладка каждого участка обороны по своему характеру ближе к кладкам, которые наблюдаются на памятниках X—XII вв., в то время, как кладка стен на северо-восточном участке ближе к кладкам IV—VII вв.⁵

Как и на раскопе «А», при расчистках на раскопе «Б» были обнаружены многочисленные знаки, выбитые тупым орудием или процарапанные острием. Знаки встречались на внешних и на внутренних (обращенных внутрь кладки) плоскостях блоков, они были встречены на стенах прохода, на плитах лестницы, на камнях кладки стен под слоем известковой обмазки. В большинстве своем знаки имеют облик тамг и мало отличаются от знаков, обнаруженных в северо-восточной части городища (рис. 7).

Раскоп «Б» оказался чрезвычайно беден находками. Здесь были найдены несколько фрагментов красноглиняных амфор типа яйцевидных амфор с зонами рифления в верхней части тулова (4 фрагмента ручек, 1 фрагмент горловины с ручкой, 8 фрагментов стенок с зонами рифления) и фрагмент кухонного горшка с характерным рифлением поверхности. Два фрагмента амфоры с зонами рифления бытуют в основном в первой половине X в.⁶, возведения укрепления в южной части городища на краю плато, видимо, следует датировать тоже этим временем.

С внутренней стороны городища, у стен, как и на раскопе «А», было найдено большое количество округлых галек-боллов, у основания стен здесь также были обнаружены следы кострищ,

⁵ См. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, вып. 63, М.—Л., 1952, с. 67—124; М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, сс. 129—131.

⁶ По данным страграфий Саркела амфоры «с зонами рифления» одновременно приземистым бороздчатым амфорам с грушевидным корпусом, которые датируются X—началом XI вв. В Херсоне они датируются монетами Романа I Локапина (919—944 гг.). Ранее X в. не может быть датирована амфора из Гнездовского могильника, которая представляет несомненно один из вариантов этого типа амфор; А. Л. Якобсон склонен относить их к VIII—IX вв. См.: С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. МИА, вып. 75. М.—Л., 1959, сс. 242—244, 265, 266, рис. 28; Г. Д. Белов. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее (рас. 1948 г.). МИА, вып. 34. М.—Л., 1953, сс. 253—254, рис. 26.

но выраженные значительно слабее. Фаунистические находки здесь, как и находки керамики, весьма малочисленны.

Помимо стабильных раскопных работ на раскопах «А» и «Б», в 1974 г. на городище был заложен ряд небольших раскопок и поисковых шурфов с целью определить характер напластований на различных участках. Раскопы «В» (площадь $1,00 \times 8,00$ м) и «Г» (площадь $2,00 \times 4,00$ м), заложенные в южной возвышенной части городища, и раскоп «Д» (площадь $2,00 \times 16,00$ м), заложенный в северной части у подножия холма-цитадели, показали отсутствие культурного слоя, вскрыв материк под слоем гумуса, достигающим $0,20—0,40$ м. В гумусе встречались отдельные фрагменты керамики и костей животных. Шурфы 1, 2, 3, 4 (площадь $1,00 \times 1,00$ м), заложенные в низменной северо-восточной части городища вдоль хода оборонительной стены по направлению север—юг, показали иную картину отложений. Здесь материк был обнаружен на глубине $0,80—1,40$ м. Над ним залегают два культурных слоя, разделенные стерильной прослойкой: нижний слой мощностью $0,30—0,40$ м содержит фрагмент черной лощеной и коричневой лощеной керамики, датированной VIII—VI вв. до н. э., и верхний слой мощностью $0,15—0,25$ м, который содержит фрагменты керамики VIII—X вв. н. э. Один из шурфов (4) был расширен и превращен в раскоп «Е» (площадь $4,00 \times 4,00$ м). Он был привязан к сетке раскопа «А», от которого он отстоит на расстоянии $9,00$ м. В раскопе была прослежена также последовательность культурных напластований, что в шурфах. В средневековом слое раскопа удалось обнаружить фрагментарные остатки однорядовой каменной кладки шириною $0,25$ м, сложенной насухо из не крупного бутового камня, и две хозяйственные ямы. При расчистке этого слоя было собрано значительное количество фрагментов кухонных горшков с рифлением и красноглиняных амфор, были найдены фрагменты железного ножа и типичная салтовская серьга с удлиненной подвеской, стерженьком, на который была надета бусина, серьга характерна для конца VIII — первой половины IX в. (по С. А. Плетневой)⁷, (рис. 11—4).

Раскопки 1974 г. на Хумаринском городище, как явствует из приведенных выше данных, подтвердили высказанное В. А. Кузнецовым, после его обследования в начале 60-х годов, мнение об исключительной важности этого памятника для понимания исторических и этнокультурных процессов, происходивших в центральных районах Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья.

Два участка в системе обороны древнего поселения, раскопанные и исследованные в ходе раскопок, представили образцы монументальной крепостной архитектуры, которой до сих пор

⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, с. 141, рис. 36.

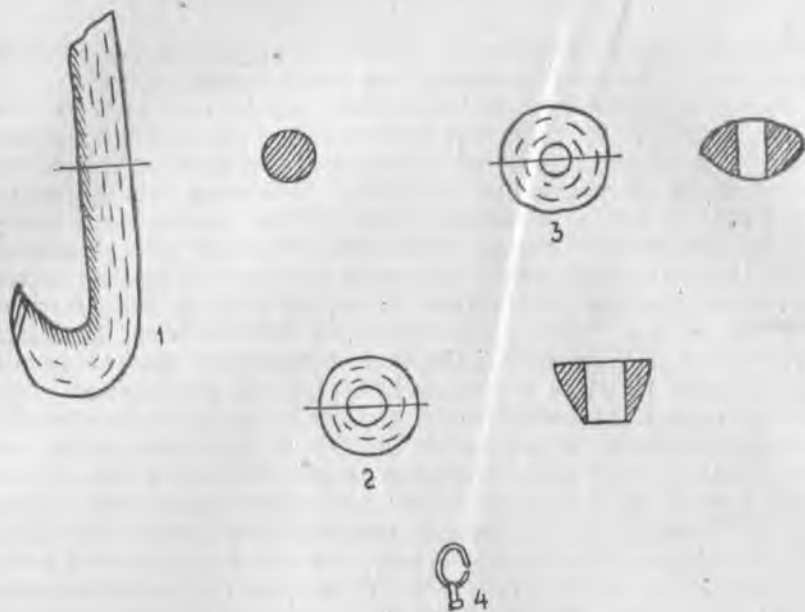

Рис. 11. Вещи из раскопа А.

не знала археология Северного Кавказа. Вскрытые архитектурные объекты уже сейчас на первом этапе их изучения приобрели характер первоклассного исторического источника. На современном уровне наших знаний о раннесредневековой архитектуре юга Восточной Европы и Кавказа они могут быть наиболее обоснованно сопоставлены с памятниками крепостного строительства в северо-восточных областях распространения салтовомаяцкой культуры (Правобережное Цымлянское городище, Маяцкое городище и др.). Указание на это же встречалось и в литературе⁸. Исследование памятника, очевидно, способствует разработке проблемы этнокультурной и политической взаимосвязи предгорий Северного Кавказа степи и лесостепного Подонья в эпоху Хазарского каганата. Вместе с тем положение нашего памятника на стыке Закавказского и шире Ближневосточного, древнего культурного региона и Восточно-Европейской степи определенно указывает направление, в котором следует вести поиски истоков архитектурной традиции, воплотившейся в салтовомаяцких крепостях северо-восточной Хазарии и близких к ним архитектурных памятников Дунайской Болгарии.

Раскопки 1974 г. позволили уточнить хронологию памятника и тем самым твердо определить его положение среди других

⁸ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, сс. 35—44.

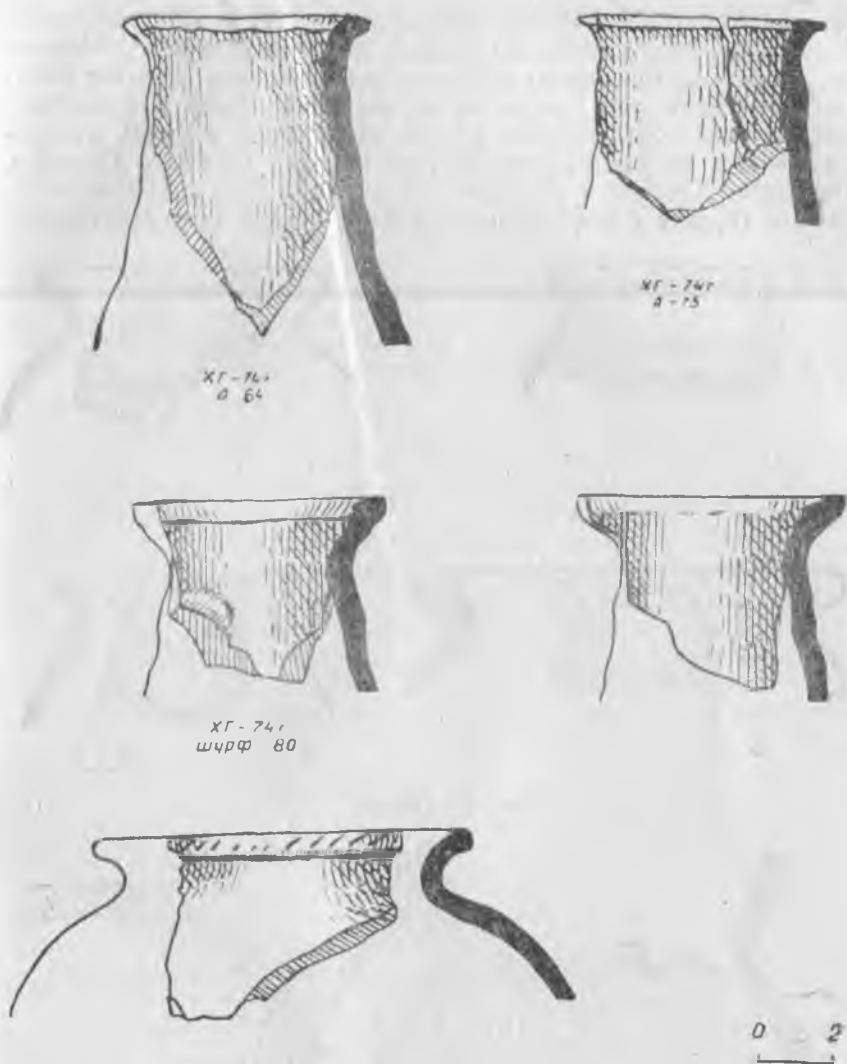

Рис. 12. Кувшины и горшок.

раннесредневековых городищ Верхнего Прикубанья, и шире, всего Северного Кавказа.

Е. П. Алексеева предполагала наличие на городище двух культурных горизонтов, из которых первый нижний она датировала IX—XI вв., а второй верхний — XII—XIII вв. Основанием для этого явилось ее представление о том, что «серая нелощеная керамика, орнаментированная врезным линейным, иногда линейно-волнистым узором, и красноглиняная керамика, укра-

шенная линейно-волнистым орнаментом», среди которой, по ее замечанию, много обломков амфор, не одновременны⁹. Керамика, собранная при новом исследовании городища, не дает никаких оснований для такого ее расчленения. Здесь в комплексе представлен почти полный ассортимент типов и форм, распространенных на салтово-маяцких поселениях Нижнего Подонья, Восточной Таврики и степного Ставрополя. Это кухонная керамика — горшки с отогнутым венчиком, иногда орнаментирован-

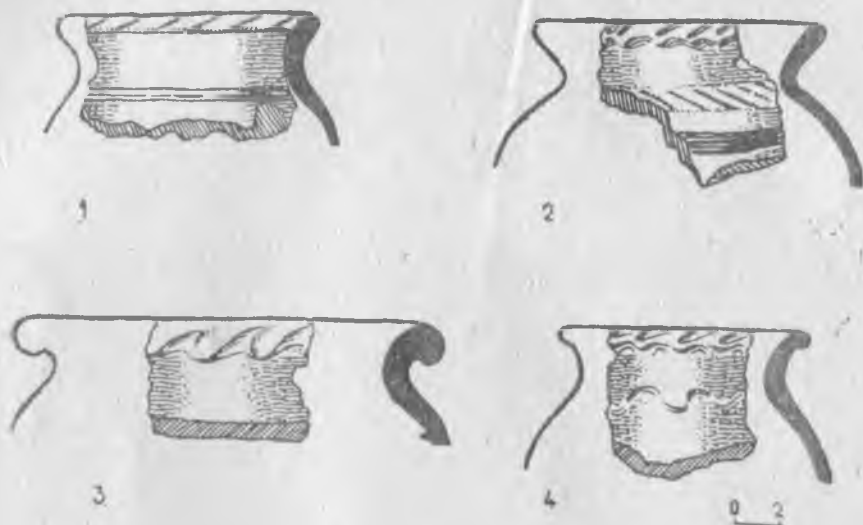

Рис. 13. Горшки.

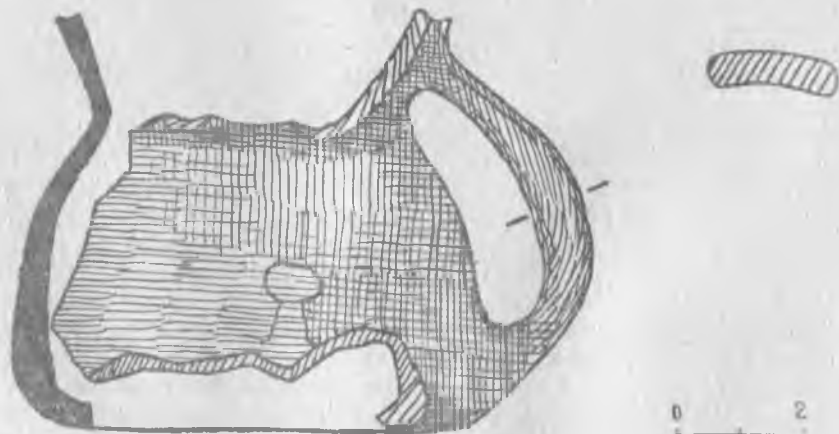

Рис. 14. Чернolощенный кувшинчик со знаком.

⁹ Е. П. Алексеева. Указ. соч., сс. 133—134.

ным, украшенные по тулову гребенчатым декором (горизонтальное рифление, волнистые линии, пучки волнистых линий, ряды отпечатков гребня), неправомерно выделенные Е. П. Алексеевой в особую хронологическую группу. Это столовая керамика — серые и черные лощеные кувшины, миски (очень мало), кружки и пр., орнаментированные по тулову различными вариациями лощеных полос. Это тарная керамика — большие пифосообразные сероглиняные сосуды с треугольным в сечении венчиком, изготовленные из плотной, хорошо обработанной глины (очень мало), пифосообразные горшки с витым венчиком и рифленой поверхностью тулова (мало) и амфоры (рис. 12, 13, 14). Амфор на городище оказалось очень много, что верно было замечено Е. П. Алексеевой. По фрагментам удалось предварительно выделить пять типов амфор, которые завозились на городище. Все они имеют аналогии в материале салтово-маяцких памятников Нижнего Подонья и Крыма и датируются в пределах VIII—середины X вв. Среди них много обломков от характерных яйцевидных амфор с зонами мелкого частого рифления по плечикам и верхней части тулова. Их-то Е. П. Алексеева и определила, как тип, представляющий XII—XIII вв. на городище.

Не точны оказались и сопоставления керамики Хумаринского городища с керамикой Верхнекубанских памятников, исследованных Т. М. Минаевой, сделанные В. А. Кузнецовым¹⁰. Керамика, подобная керамике Кубинского городища, которую в качестве аналогии приводит В. А. Кузнецов, за исключением некоторых форм, не была нами встречена, следовательно, и датировка, ориентировочно предложенная для памятника X—XI вв., также не точна.

Таким образом, керамический материал, собранный на городище, как и приемы строительства, применявшиеся при возведении его крепостных сооружений, указывают, что возникновение этого мощного оборонительного комплекса было связано не с узко локальными этническими и социально-политическими явлениями, имевшими значение только для бассейна Верхней Кубани, а с широким кругом исторических процессов, проходивших в VIII—X вв. на просторах всего Восточно-Европейского юга, которые охватывали также и предгорья Северного Кавказа. Дальнейшие исследования памятника позволят уточнить и конкретизировать многие другие наблюдения, возникшие в ходе его исследования.

Задача настоящей первой публикации ограничена, ее цель скорейшее введение нового важного исторического источника в научный оборот.

---

¹⁰ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. СА, 1963, № 1. с. 300; Т. М. Минаева. Городище близ аула Кубины в Черкесии.—Изв. СОНИИ», т. XXII, вып. IV, 1960, сс. 183—184.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЛЕМЕН СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНИЯ

За последние годы в Верхнем Прикубанье были произведены раскопки трех крупных курганных могильников близ города Усть-Джегутинский и у станицы Суворовской. Добытые материалы позволяют не только уточнить, но и по-новому взглянуть на ход исторических событий, происходивших здесь во II тыс. до н. э.

В раскопанных 56 курганах исследовано 227 погребений северокавказской культуры (в Усть-Джегутинской группе 119 могил, Холоднородниковской — 30, в Суворовской — 78). Эти захоронения являлись как основными под курганными насыпями (30 погребений), так и впускными в эти же насыпи и в курганы майкопской (23 кургана), или ямной культуры (2 случая). В одном кургане (Усть-Джегутинский курган № 1) из-за плохой сохранности принадлежность центрального погребения осталась невыясненной.

Курганы, воздвигавшиеся племенами северокавказской культуры, представляли собою сооружения различной формы и размеров из земли, камня и дерева. Чаще всего это расплывшиеся и распаханые насыпи округлой или овальной формы, вытянутые с севера на юг. Поэтому северная сторона кургана оказывалась более крутой, а южная пологой, а в результате центр насыпи непременно смещался. Размеры курганов колеблются от 0,3 м до 4 м высотой и от 9 м до 54 м в диаметре. В среднем насыпи имеют 15—25 м в диаметре, при высоте 1—1,5 м. Особой закономерности в расположении курганов не прослежено. Только в двух случаях отмечено, что несколько курганов (Усть-Джегутинские курганы № 16—20; суворовские курганы № 11—13, 15) располагались компактно единой группой. Структура насыпей не отличалась однородностью. Четко выделяются две группы: а) насыпи, состоящие из чистой земли, б) насыпи с преднамеренным включением камня.

К первой группе могут быть отнесены 10 насыпей Суворовского могильника (курганы № 5—13, 15). Два кургана из этой группы (№ 11 и 13) имели вокруг насыпи кольцевой ровик, глубиной 0,5 м, шириной 0,6 м, диаметром 22—24 м.

Вторую группу составляют 25 курганов из всех трех могильников. В ней можно выделить несколько подгрупп, отличающихся некоторыми конструктивными деталями. Прежде всего, курганы, сооруженные из чистого булыжника; это малочисленная первая подгруппа, состоящая из трех курганов, выделяется только в Усть-Джегутинском могильнике (курганы № 15, 34, 38). И погребальные ямы под такими курганами были забиты булыжником (рис. 1).

Вторая подгруппа объединяется наличием центральной ка-

Рис. 1. Станица Усть-Джегутинская, курган № 15.
Разрез насыпи по линии север—юг.

менной наброски над основной могилой. Наброски имеют аркообразный вид или вид конической шапки. Диаметр и высота их меняются в зависимости от размеров перекрывающих насыпей. Это как бы каменный курганчик в кургане. Могила под ними также заваливались камнем (Усть-Джегутинские, курганы № 17, 20, 23, Суворовский курган № 17). К этой же подгруппе относим курганы, имеющие так называемые каменные пояса, состоящие из булыжника и из мелкобитого известняка. Пояса окаймляют полы земляных насыпей, предохраняя их от оползания. Ширина каменных поясов колеблется от 1 до 3 м, толщина в один или несколько камней, обычно по подошве от 0,5 м до 1 м, а, поднимаясь по насыпи, утоньшается до 0,2—0,4 м (Усть-Джегутинские курганы № 23, 4, 35, 40 и Холоднородниковский курган № 1), (рис. 2).

Рис. 2. Курган № 40. Профиль кургана по линии восток—запад.

Рис. 3. Курган № 42. Вид могилы после снятия насыпи.

Один из таких курганов имеет не пояс, а сплошной каменный панцирь в один булыжник по насыпи (Усть-Джегутинский курган № 37). Ко второй подгруппе относим такие же курганы, но с кромлехами и с центральной каменной наброской (Усть-Джегутинские курганы № 19, 29, 42). Кромлехи в виде массивных колец, выложенных из речных валунов, а иногда вертикально поставленных плит из песчаника, известняка, ракушечника или сочетания самого различного камня располагались в основании кургана на древнем горизонте. Ширина кромлехов 0,4—1 м, диаметры в основном 14—20 м, в одном кургане диаметр достигал 34 м.

Различие между поясами и кромлехами мы объясняем разным их назначением. Если пояса, как нам кажется, имели не только культовый, но и конструктивный характер (служили крепидой), то кромлехи имели лишь культовое назначение, окаймляли сооруженную могилу, священное место погребения. Особенно ярко это проявилось в кургане № 42 Усть-Джегутинского могильника. Здесь удалось выяснить, что до возведения насыпи на древнем горизонте было сооружено замкнутое каменное кольцо округлой формы из известняковых плит. Эти плиты из битого известняка, иногда слегка подтесанные, образовали сложенную насухо каменную стенку — ограду вокруг могилы. Диаметр кромлеха 6,4 м, высота 0,6 м, толщина 0,5 м. В центре кромлеха вырыта неглубокая прямоугольная яма. Вдоль северной ее стороны стояла крупная известняковая плита длиной 1 м, шириной 0,4 м, толщиной 0,1 м, другие стороны выложены известняковыми плитками насухо в виде стенки, так же как и кромлех, причем южная стенка делала небольшой, но заметный выгиб. После совершения погребения могила была завалена известняковыми плитами, а поверх них сооружена округлая наброска из таких же плит, диаметром по линии север — юг 1,7 м, по линии восток—запад — 2,1 м, высотой 0,5 м (рис. 3). Затем это первоначальное сооружение засыпали землей и джеганас-

ским гравием. Диаметр насыпи по линии север—юг 19 м, по линии восток—запад 14 м, высота в самой наивысшей точке 0,7 м. Насыпь оказалась сильно вытянутой к югу и распавшейся.

Выделяемая третья подгруппа курганов отличается от предыдущих отсутствием центральной каменной наброски над могилой, но сходна с ними наличием только кромлеха (Холодно-родниковский — курганы № 3, 5) или каменного пояса (Усть-Джегутинский курган № 31, Суворовский курган № 14).

Особо следует остановиться на устройстве кургана № 16 Суворовского могильника, отнесенного к третьей подгруппе. Этот курган был расположен на возвышающемся над равниной невысоком холме. Место будущего погребения было отмечено каменным столбом — менгиром. Это исключительный случай среди раскопанных курганов. Менгир возвышался над поверхностью древнего горизонта на 1,4 м и уходил в грунт на 0,2 м. Он имел почти округлую форму в диаметре 0,5—0,6 м. Высечен столб был очень грубо, только с небольшой подтеской громадной каменной глыбы. Выходы пород такого камня имеются в нескольких километрах от места кургана, где и сейчас ведется его выработка местным колхозом «Гигант».

В расстоянии одного метра от столба была вырыта прямоугольная яма. Длина ямы по линии восток—запад 4 м, а ширина 3 м. На глубине 2,3 м она делала уступ, суживаясь до 2 м длины, 1—0,75 м ширины и углубляясь еще на 1 м, так что дно могилы находилось на глубине 3,3 м от древнего горизонта. Эта нижняя часть ямы, после совершения в ней погребения, была перекрыта древесно-камышовым настилом, который сверху был обмазан глиной. Над настилом, положенном на уступе, верхняя часть ямы была заполнена камнями, вплоть до горизонта. И только после этого была возведена насыпь из глины диаметром 56 м, высотой 1,5 м. Полы насыпи были укреплены замкнутым каменным поясом, состоявшим из битых кусков ракушечника, песчаника, известняка. Ширина пояса 2 м, поднимался он по насыпи на высоту 0,5 м, толщиной в 1—2 камня (рис. 4). Такова архитектура этого сооружения.

Наблюдая за конструктивными особенностями курганов Верхнего Прикубанья, мы не можем проследить хронологических различий, которыми бы объяснялись архитектурные особенности исследованных насыпей. По-видимому, различия в структуре насыпей зависят больше от территориального их расположения. Так прослежено, что первая группа насыпей, состоящая из чистой глины, расположена на северной окраине Верхнего Прикубанья, ближе к степным районам. Возможно, этим частично и объясняется отсутствие в насыпях камня. В курганных группах, расположенных в районах, обильных речным булыжником, естественными выходами пород известняка или ракушечника, непременно в надмогильных сооружениях исполь-

Рис. 4. Станица Суворовская. Кургan № 16. Разрез насыпи по линии восток—запад.

зовался камень, будь то кромлехи, пояса, наброски или то и другое.

Подобная структура курганов племен северокавказской культуры наблюдалась не только в описанных трех могильниках, но и в других пунктах изучаемой территории. Так, в курганной группе, расположенной по самому краю второй террасы М. Зеленчука, в полутора километрах к северу от а. Адыге-Хабль, под насыпью кургана № 2, раскопанного Т. М. Минаевой¹, на древнем горизонте оказался круг (кромлех) из плит мергеля и крупного булыжника. В центре круга в грунт уходила яса глубиной 1,2 м, заполненная плитами мергеля и засыпанная в верхней части песком с гравием слоем 0,3 м. Данные по устройству насыпи имеются и в полевых отчетах Е. П. Алексеевой², дообследовавшей курганы на р. М. Зеленчук и Кубани в а. Жакко, Бесленей, Эркен-Юрт, у хутора Дружба и на южной окраине г. Черкесска.

На северо-западе Прикубанья устройство курганов, по отчетам проф. Н. И. Вессловского, очень близко к верхнекубанским³.

«Большая гробница, обнесенная каменной оградой» (думаю, кромлехом — Л. Н.), обнаружена в небольшом кургане к юго-востоку от группы «Семи Братьев» в Темрюкском отделе Кубанской области, исследованной Тизенгаузенем⁴. У селения Армавир в кургане № 1 «обнаружилась кладка из голышей в виде вала, шедшего кругом»⁵. Ближе всего этот вал ассоциируется с каменными поясами Усть-Джегутинских курганов. В кургане ст. Гастагаевской⁶ в центре оказалась груда ломаных

¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Труды ЧНИИ, вып. 2. Черкесск, 1954, сс. 276—278.

² Е. П. Алексеева. Отчет о работе археологической экспедиции Черкесского НИИ летом 1953 г. Архив КЧНИИ, р. 1, оп. 1, д. 2, инв. № 17, с. 30; ее же. Отчет о работе археологической экспедиции Черкесского НИИ и Черкесского областного музея летом 1954 г., Архив КЧНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 4, инв. № 18, с. 44; ее же. Отчет о работе археологической экспедиции КЧНИИ летом 1956 г., Архив КЧНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 6, инв. № 19, сс. 19—22, 33; Ее же. Отчет о работе археологической экспедиции КЧНИИ летом 1957 г., Архив КЧНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 8, инв. № 20, сс. 16 и 31.

³ Отчеты Археологической комиссии (в дальнейшем — ОАК) за 1896 г., СПб., 1898, с. 54; ОАК за 1897 г., СПб., 1900, с. 22; ОАК за 1906 г., СПб., 1909, сс. 103—104.

⁴ ОАК за 1878 г. и 1879 г., СПб., 1881, сс. 6—7.

⁵ ОАК за 1902 г., СПб., 1904, с. 86.

⁶ ОАК за 1903 г., СПб., 1806, с. 80.

мелких кампий местного известняка длиной 4,25 м, шириной 2,12 м, высотой 1,06 м. Несомненно, это была центральная каменная наброска над погребением, оказавшаяся под нею.

Такое устройство курганов характерно для всего Кавказа и Закавказья в эпоху бронзы. Обычай сооружать каменные кромлехи, центральные наброски, укреплять насыпи каменными поясами, заваливать булыжником ямы восходит здесь к глубокой древности и хорошо известен еще в куро-аракской⁷ и майкопской⁸ культурах.

На обширной территории степных культур этот обычай также встречался довольно часто: на многих курганных и грунтовых могильниках Украины⁹, в позднетрипольских усоватских и памятниках древнеямыной культуры. Известен этот обычай и в Поволжье¹⁰ и на Дону, а чаще всего в Предкавказье¹¹.

Таким образом, рассматриваемый обычай бытовал у многих племен на очень широкой территории и появление его в эпоху бронзы в Верхнем Прикубанье явление не новое, а только продолжение предшествующих традиций.

К востоку от бассейна Кубани в районах центрального и северо-восточного Кавказа прослеживаются те же особенности в конструкции курганов. В. И. Марковин¹², характеризуя структуру насыпей Пятигорья, отмечает в них большое количество камня и считает это явление локальной особенностью курганных погребений на всех этапах. Сравнивая структуру насыпей Пятигорья и Кубани, приходим к выводу, что в них много общего и считаем их в основном соответствующими второй группе наших верхнекубанских курганов.

Технические и конструктивные особенности погребальных сооружений Верхнего Прикубанья довольно сложные и разнообразные. В зависимости от устройства, могилы могут быть раз-

⁷ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— Материалы и исследования по археологии СССР (в дальнейшем — МИА) 100, М., 1961, табл. XXII—XXIII; А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА 125, 1965, с. 163; рис. 12—13; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, сс. 83—85.

⁸ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. Советская археология (в дальнейшем — СА), № 3, 1966, сс. 134—147.

⁹ О. Ф. Лагодовска. Раскопки Усатівського кургану I—II, 1940 р., Записки інституту історії, археології, т. II, Київ, 1946, сс. 42—43; Э. Ф. Патоква. Обряд погребений усатовских курганных могильников. Записки Одесского археологического общества (в дальнейшем — ЗОАО), т. II(35), Одесса, 1967, сс. 12—17; Н. М. Шаглый, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1970, с. 56, рис. 43.

¹⁰ В. П. Шилов. Калининский курганный могильник, МИА 60, т. I, М., 1959, сс. 324, 326, 406, 408.

¹¹ И. В. Силин, У. Э. Эрднєв. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, сс. 41, 82, 112.

¹² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА 93, М., 1960, с. 39.

делены на ямы, каменные гробницы, бревенчатые срубы, среди которых в свою очередь выделяется ряд типов. Прежде всего ямы грунтовые и в насыпи, кроме этого имеются отличия и в форме ям.

В количественном отношении преобладают грунтовые ямы удлиненно-прямоугольной формы с отвесными, тщательно обработанными стенками, с прямыми или слегка округленными углами. Таких могил обнаружено 69. В трех из них ямы расширялись к изголовью и сужались к ступням погребенного, так что торцовые стенки имели разницу в ширине 0,2—0,3 м (Холоднородниковский курган № 3, погр. 10; Суворовский курган № 1, погр. 14 и курган № 4, погр. 9).

Исключение составляет совершенно круглая в плане яма диаметром 5 м (Усть-Джегутинский курган № 24, погр. 5).

Встречаются и овальной формы ямы. Их всего 19, все они впускные как в насыпи, так и в грунте, что свидетельствует об их позднем возрасте. Отмечено 49 прямоугольных ям только в насыпях.

Одной из разновидностей грунтовых ям являются могилы с боковыми уступами или заплечиками. Их оказалось 35. Размеры верхних частей ям от 1,5 до 5 м длиной, от 1 до 3,6 м шириной и от 0,4 м до 2,5 м глубиной. Размеры нижних частей ямы соответственно: 1—2,6 м длиной, 0,7—1,2 м шириной, 0,3—1,1 м глубиной. Как правило, все нижние части ям перекрыты древесно-камышовым или растительным травянистым настилом, реже бревнами, положенными поперек могилы. Иногда настил обмазывался глиной с мелкой галькой, видимо, с целью забить все щели, чтобы земля не затекала в могилу (Суворовская, курган № 16, погр. 1 и 5). В некоторых случаях нижние части ям перекрывались крупными каменными плитами — по 3 или 4, положенными поперек нижних ям (Суворовская, курган 5, погр. 11 и курган 17, погр. 1). В одном случае нижняя часть ямы была перекрыта камышовым настилом, поверх которого были положены впритык друг к другу 6 дубовых бревен, толщиной 0,4 м. И все это сверху оказалось укрепленным пятью каменными плитами (Суворовский курган 11, погр. 11).

Встречаются 1—2 крупных камня, лежащих на заплечиках, чаще по углам, вероятно, служивших для поддержания настилов из тонких прутьев и камыша (Суворовский курган № 17, погр. 13 и курган № 11, погр. 1). Очень редко (можем указать только два примера), когда западную стенку нижних частей ям укрепляли или плитами, поставленными вертикально вдоль стены, или мелкими плиточками, сложенными насухо в виде стеночки (Суворовский курган № 5, погр. 11 и курган № 17, погр. 12). Имеются четыре могилы, когда поверх обычного настила над нижней частью ямы верхняя заполнялась камнем и булыжником (Суворовский курган 1, погр. 1 и 5; курган № 16, погр. 5; Холоднородниковский курган № 1, погр. 5).

Следует также отметить некоторую особенность нижних частей ям, выражающуюся в выгнутости во внутрь боковых стенок. Их насчитывается одиннадцать из 35-ти. Подробнее остановимся на описании одной из таких могил у Суворовской (курган № 5, погр. 2). Под центром двухметровой земляной насыпи, с очень редким вкраплением камня, оказалась прямоугольная с закругленными углами яма, длиной по линии восток—запад 5,2 м, шириной по линии север—юг 3,6 м. На глубине 1,1 м яма сузилась до 2 м длины и 0,7 м ширины. Боковые стенки могилы (особенно южная) были заметно выгнуты вовнутрь, так что ширина по центру могилы была 0,6 м. Глубина нижней части ямы 1,1 м. Она была перекрыта камышовым настилом. Верхняя (что является исключительным случаем) была перекрыта древесным настилом, поверх которого лежал камыш. Над северной стенкой верхней части ямы лежало крупное бревно 1,1 м длины и 0,3 м в диаметре. Бревно оказалось сильно обугленным. Над восточной стенкой лежало несколько крупных камней, которыми, возможно, укрепляли древесный настил от перекрытия верхней части ямы. Вдоль северной и западной стенок верхней части ямы на древнем горизонте встречались уголки, обожженные обломки дерева, возможно, от погребального костра.

Итак, рассмотренные погребальные ямы, как один из видов погребальных сооружений, объединяются некоторыми общими особенностями, которыми следует считать перекрытие могил бревнами, жердями, камышом, иногда каменными плитами, а также навалом из булыжника, известняка, песчаника. Каменные навалы объединяют их со следующим видом могил — каменными гробницами, которые, как правило, заваливались различными породами камня. Гробницы оказались впущенными в материк (31), в насыпи (11) и на горизонте (1), причем впускные погребения конструктивно ничем не отличались от материковых. Захоронения большей частью производились в каменных гробницах, стенки которых сложены из известняковых, песчаниковых или ракушечниковых плиток небольшого размера, положенных плашмя, а в трех случаях — из плоского булыжника.

Реже встречаются каменные ящики из массивных плит, перекрытых такими же плитами (семь из 43-х). Иногда стенки гробниц и ящиков складывались на глиняном растворе (Усть-Джегутинский курган № 14, погр. 4 и 1; курган № 16, погр. 1; курган № 32, погр. 1 и 3; курган № 36, погр. 4 и 5; курган № 39, погр. 1). В некоторых случаях дно гробниц устилалось плитами (Усть-Джегутинский курган № 16, погр. 2; курган № 19, погр. 1) или обмазывалось глиной (Усть-Джегутинский курган № 3, погр. 3; курган № 18, погр. 2). В редких случаях гробницы перекрывались древесным настилом (Усть-Джегутинский курган № 12, погр. 2), а чаще каменными плитами. Из особенностей каменных гробниц нужно отметить расширяющуюся часть могилы к изголовью и сужающуюся к ступням погребенного, что мы

уже отмечали и для грунтовых ям (Усть-Джегутинский курган № 17, погр. 1; курган № 20, погр. 1; курган № 29, погр. 1; курган № 42, погр. 2, 6, 7). Кроме этого в трех гробницах оказалась выгнутой наружу одна из продольных стенок (Усть-Джегутинский курган № 42, погр. 1, 2, 4), а в суворовских могилах с заплечиками были выгнуты во внутрь обе боковые стенки.

Мы кратко рассмотрели гробницы, впущенные в материк и в насыпи. Одна из гробниц Усть-Джегутинского кургана № 19, бывшая в кургане основной и единственной, была сооружена на древнем горизонте, поэтому дадим ее полное описание. Под подошвой 32-метровой насыпи располагалось кольцо из булыжника, известняковых плиток, из камня-ракушечника, поставленных на ребро. Диаметр кольца 19,5 м, ширина 0,2—0,4 м. Почти в центре кольца-кромлеха — с небольшим смещением к северу, стояла наземная гробница. Все стенки ее сложены из известняковых плиток на глиняном растворе. Толщина стенок 0,55 м, высота 0,7 м. Длина могилы 2,3 м, ширина — 0,9 м, у изголовья 0,8 м, у ног — 0,7 м. Дно могилы тщательно выстлано известняковыми плитками. Все неровности плит заглажены глиной. Накрыта гробница двумя массивными плитами из ракушечника, размеры одной 1,9×1,47 м, второй 1,0×1,4 м, толщина их 0,2 м. Поверх этих плит набросаны куски битых известняковых плиток на высоту 0,65 м, и над всем этим наброска из булыжника до гумусного слоя. Диаметр этой наброски 6,4 м, высота 1,8 м (рис. 5).

Особую группу составляют могилы в виде срубов. Их оказалось 9, причем все, за исключением одного, были впускными (Усть-Джегутинский курган № 32, погр. 8, 10; курган 24, погр. 1 и 2; курган 33, погр. 1 и 2; курган 36, погр. 6; курган 33, погр. 2). И только в кургане № 1 Холоднородниковского могильника сруб был поставлен в глубокую широкую яму и был основным под курганной насыпью. Срубы представляли собой сооружения из круглых толстых дубовых бревен, в диаметре 0,2—0,4 м, длиной 1,5—2,5 м. Они перекрывались такими же бревнами (Усть-Джегутинский курган № 24, погр. 2; курган № 36, погр. 6) или камышом и тонкими веточками, обмазанными глиной (Усть-Джегутинский курган № 32, погр. 10) и заваливались камнем. Иногда дно сруба обмазывалось глиной (Усть-Джегутинский курган № 24, погр. 1 и 2). Так, в Усть-Джегутинском кургане № 24 сруб был впущен в насыпь и находился на высоте 0,8 м от древнего горизонта. Для него почти в центре была вырыта яма 2×2 м, глубиной 1,9 м, на дно которой, предварительно обмазанное глиной, был поставлен прямоугольный сруб из дубовых бревен толщиной 0,25 м и перекрыт такими же бревнами (погр. 2). Затем яма была завалена булыжником.

И еще одно центральное погребение было совершено на горизонте, но устроено совершенно по-другому (Суворовский курган № 14, погр. 4). На древнем горизонте была выстлана из

Рис. 5. Станица Усть-Джегутипская, курган 19, п. 1.

известняковой гальки прямоугольная площадка длиной по линии восток—запад — 2,1 м, шириной 1,1 м. На эту площадку, покрытую растительной подстилкой, был положен погребенный, прикрытый древесным слоем, и сверху возведена 12-метровая в диаметре насыпь, высотой 0,6 м, полы которой были укреплены мелким битым известняком, толщиной 0,3 м, который поднимался по насыпи на высоту 0,2 м.

Таково устройство погребальных сооружений, выявленных в последние годы на территории Верхнего Прикубанья.

Анализируя данные погребальных сооружений Верхнего Прикубанья, можно прийти к выводу, что они ближе к кабардино-пятигорской группе, хотя здесь и встречаются элементы обоих вариантов, например, перекрытие ям древесным настилом и камнем. Кроме этого на территории Верхнего Прикубанья отмечен особый тип ям с заплечиками. «Погребения в ямах с уступами на Северном Кавказе появляются еще в энеолите, например, в кургане № 6, погр. 9 у станицы Мекенской¹³, а на юго-востоке встречаются в древнеямной культуре¹⁴.

На территории Верхнего Прикубанья выявлены также захоронения в срубах. О них теперь, при наличии новых данных, можно говорить более определенно, чем ранее. Работами нашей экспедиции установлен ряд конструктивных деталей в сооружении насыпей, прежде всего наличие каменных поясов из известняка, ракушечника, булыжника, неглубоких ровиков вокруг кур-

¹³ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, сс. 36, 39.

¹⁴ В. А. Фисенко. Племена ямной культуры юго-востока.— «Основы археологии». Саратов, 1970, с. 18.

танов и совершение погребений на горизонте на специальной меловой галечной площадке.

В некоторых случаях нами сделаны стратиграфические наблюдения, представляющие интерес для истории создания погребальных памятников. Ряд северокавказских могил был впущен в уже готовые курганы, в которых основными погребениями, составляющими первый древнейший горизонт, были майкопские¹⁵.

В кургане № 33 Усть-Джегутинского могильника основное майкопское погребение было перекрыто северокавказской грунтовой ямой (погр. 3). Над этой ямой были совершены погребения в срубах, один из которых непосредственно располагался над ямой (погр. 2), другой над ним, на высоте 0,8 м от горизонта (погр. 1). Здесь прослеживается два горизонта: первый — это основное погребение, второй — составляют погребения, впущенные в эту насыпь.

Нужно отметить, что центральными могилами северокавказских курганов являлись, как правило, грунтовые ямы (за исключением трех), которые, следовательно, можно считать наиболее древними по сравнению с другими типами северокавказских могил.

Очень показательным в стратиграфическом отношении оказался курган № 28 Усть-Джегутинского могильника, который насыпался дважды. Первоначальная насыпь была сделана для основного майкопского погребения (№ 4). Она имела в диаметре 15 м, высоту 1 м. Диаметр булыжниковой наброски 4 м, высота 1 м. По поверхности насыпь была укреплена булыжниковым панцирем в два камня. Булыжниковую наброску разрезала яма северокавказской культуры, проходящая до древнего горизонта и заваленная камнем. Затем над центром этого кургана, над ямой был поставлен сруб, над которым также возведен каменный наброс и досыпка кургана, так что диаметр насыпи увеличился вдвое — до 34 м, а высота до 2,65 м. Полы уже второй насыпи были укреплены булыжниковым поясом шириной 1,8 м, толщиной по подошве 0,8 м. В эту вторую насыпь был впущен каменный ящик (погр. 3). Следовательно, в данном случае четко прослеживаются три горизонта. Первый — основное погребение 4, майкопский, второй — погребения 2 (яма) и 1 (сруб), впущенные в первоначальную насыпь, и третий — погребение 3, связанное уже с верхним слоем кургана, перекрывавшим первоначальную насыпь.

Небезынтересен в стратиграфическом отношении курган № 36 Усть-Джегутинского могильника. В нем основное майкопское погребение перекрывалось ямой северокавказской культуры. В этом же кургане дубовый сруб разрезал центральную каменную наброску над основным погребением, а сам сруб был

¹⁵ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры, с. 144.

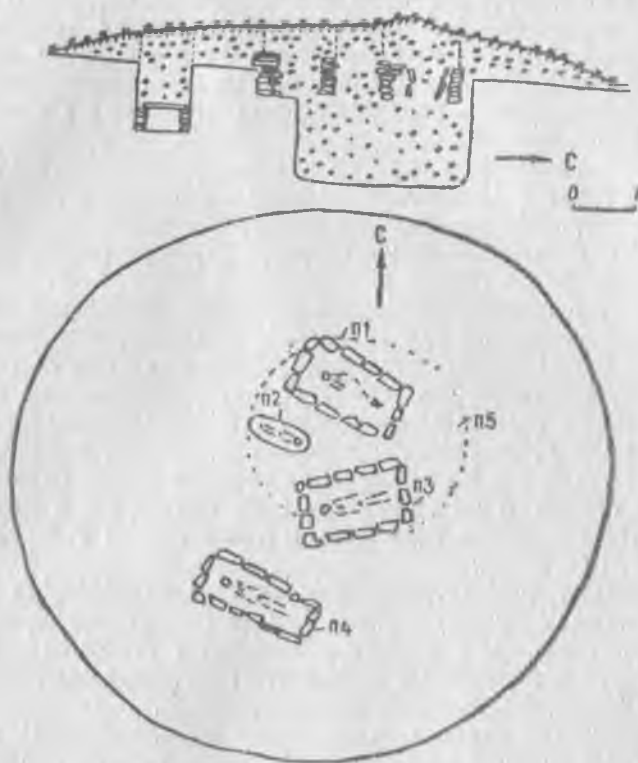

Рис. 6. Профиль и план кургана № 34.

перекрыт и частично разрушен впущенной каменной гробницей.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что ямы перекрывались срубами, а срубы — каменными ящиками или гробницами. Отмечен случай, когда яма перекрывалась гробницами. Так, в кургане № 34 Усть-Джегутинского могильника в круглую яму диаметром 5 м, глубиной 2,3 м, заполненную кубанским булыжником (погр. 5), врезались две каменные гробницы (погр. 1 и 3), (рис. 6).

В кургане № 35 этого же могильника центральным являлось погребение в яме, впускным — каменная гробница. Таким образом, ямы оказываются более ранними, чем каменные гробницы, ящики и срубы.

Были случаи прорезания центрального погребения в грунтовой яме впускным в такой же яме (Усть-Джегутинский курган № 23, погр. 3 и 2).

Установить стратиграфическое соотношение между простынями ямами и ямами с заплечиками не представляется возможным,

так как и те и другие являлись как центральными, так и впускными, и случаев перекрытия их друг другом не установлено. Видимо, часть ям с уступом сосуществовала с грунтовыми прямоугольными ямами, а срубы, судя по стратиграфическим данным, были, несомненно, ранее каменных гробниц, а в некоторых случаях одновременны ямам.

Обряд захоронения у племен северокавказской культуры в пределах Верхнего Прикубанья в целом характеризуется большим сходством. Однако полного единства в таких деталях, как положение и ориентировка костяков по странам света, здесь не наблюдается. Всего учтено 222 могилы с 229 скелетами. В зависимости от положения умерших в могиле, все погребения могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся погребения в вытянутом положении. Руки при этом лежат свободно вдоль туловища «по швам». Такое расположение рук наиболее типично. Вместе с тем имеются и незначительные отклонения. Иногда руки лежат кистями на тазовых костях, реже согнуты в локтях (3) и положены на грудь, в одном случае руки согнуты в локтях и кистями лежат на ключицах, в другом — правая вытянута вдоль туловища, а левая слегка согнута и кистью лежит под тазом.

Захоронения рассматриваемой группы встречаются как в простых могилах прямоугольной формы или овальной, так и в ямах с заплечиками, в срубах и каменных гробницах. Нужно подчеркнуть, что различий в положении погребенных между женскими и мужскими костяками не наблюдается.

В большинстве случаев захоронения индивидуальны, однако встречаются и парные погребения, но такие случаи немногочисленны, их всего восемь. В пяти из них оказалось сочетание мужского и женского костяков, в двух — женского и детского, в одном — было два детских скелета, в другом оказалось четыре скелета: мужской, женский и два детских (Усть-Джегутинский курган № 32, погр. 10).

Рассматриваемая первая группа погребений в количественном отношении самая большая, она насчитывает 191 погребение.

Ко второй группе относятся небольшое количество впускных погребений (7) в положении на спине со слегка согнутыми в коленях ногами, но лишь в левую сторону; не путать с поднятыми вверх и затем упавшими, подобно тому, как это наблюдается в погребениях древнеямной культуры. Других отличий от погребений первой группы нет. Три из них лежат в овальных ямах, одно в яме с заплечиками, одно в гробнице, стенки которой выложены небольшими плитками песчаника, и одно — в каменном ящике из крупных известняковых плит. Погребения в ямах были впущены в курганы, в которых центральными оказались погребения в вытянутом положении на спине в обычных прямоугольных с закругленными углами ямах. Случаев перекрытия впускных овальных ям, содержащих скелеты со слегка со-

гнутыми влево ногами, прямоугольными ямами с вытянутыми на спине костяками, не зарегистрировано, что говорит об их старшем возрасте.

К третьей группе относятся погребения в скорченном положении преимущественно на правом боку, за исключением пяти погребенных, положенных на левом боку. Таких захоронений немного, всего 19. Положение рук погребенных самое различное: в трех случаях они сильно согнуты в локтях и кистями лежат перед лицом, в двух случаях согнуты в локтях под прямым углом и сложены на груди, иногда встречается сочетание первого и второго положений, или левой руке придавалась сильная согнутость, а правая была вытянута вдоль туловища. В трех случаях обе руки были вытянуты вдоль туловища, имеются и единичные сочетания описанных положений. И здесь никакой разницы между женскими и мужскими костяками не наблюдалось. И те и другие лежат скорченно с тем же положением рук.

Захоронения третьей группы расположены чаще всего в ямах овальной формы (10), реже в прямоугольных с закругленными углами, одно погребение встречено в яме, стенки которой выложены известняковыми плитками на глиняном растворе в виде каменной гробницы, и одно в каменном ящике, составленном из крупных, вертикально поставленных известняковых плит. Преимущественно погребения третьей группы являлись впускными, за исключением трех могил. Нужно отметить, что если могила со скорченным костяком была центральной, то впускными оказывались только погребения в овальных ямах в насыпи или грунте и тоже со скорченными костяками. Например, Суворовский курган № 9, погр. 2 (центральное) и погр. 1 и 3 (впускные). Случаев перекрытия овальных ям со скорченными костяками, могилами прямоугольной формы с вытянутыми скелетами не зафиксировано.

Каменная гробница со скорченным костяком была центральным, но единственным погребением (Усть-Джегутинский курган № 31, погр. 1). Поэтому именно в этом случае нет стратиграфических данных. Однако ранее прослеживалось перекрытие ямы с вытянутым костяком каменными гробницами со скелетами в вытянутом положении (Усть-Джегутинский курган № 34). Каменные гробницы по своему устройству совершенно одинаковы. Такие косвенные данные позволяют каменную гробницу со скорченным костяком отнести к более поздней группе. Исходя из этого, можно полагать, что каменные гробницы с вытянутыми костяками позднее грунтовых ям с вытянутыми погребениями. Случаев перекрытия каменных гробниц ямами не отмечалось.

Что же касается каменных ящиков со скорченными костяками, то в стратиграфическом отношении они занимают третий горизонт. На этом мы подробнее останавливались, рассматривая типы могил и их стратиграфическое положение (Усть-Джегутинский курган № 28, погр. 3).

На основании вышесказанного можно сделать пока только предварительные выводы, которые, несомненно, будут уточнены после рассмотрения инвентаря. Итак, погребения в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища в могилах прямоугольной формы с закругленными углами, в ямах с заплечками и в срубках можно считать наиболее ранними в рассматриваемой группе памятников. За ними следуют погребения в том же положении в каменных гробницах. Следующая группа погребений на спине со слегка согнутыми влево ногами располагалась в различных типах могил, кроме прямоугольных ям. И, наконец, заключительная, наиболее поздняя, третья группа скорченных на правом и изредка на левом боку погребенных, большей частью впускных и в овальной форме ямах замыкает собой эволюционный ряд выделенных нами типов захоронений.

Согласно схеме В. И. Марковина, для Прикубанья на всех трех этапах северокавказской культуры характерны групповые ямы, содержащие на первом этапе скорченные костяки, на втором — вытянутые, на третьем — носящие смешанный облик под влиянием степных культур¹⁶. Для Кабардино-Пятигорской группы В. И. Марковин отмечает для ранних погребений ямы, перекрытые камнем, затем распространение каменных ящиков и склепов. Положение костяков в могилах не отличается от одновременных им погребений Прикубанья и других областей Северного Кавказа¹⁷. Памятники Верхнего Прикубанья ближе к Кабардино-Пятигорской группе. Однако случаев скорченности скелетов на более раннем этапе не отмечено. Видимо, это объясняется локальными особенностями верхнекубапских погребений. Кроме того, выделяется совершенно новая группа погребений, лежавших на спине, но со слегка согнутыми влево ногами. Этот тип погребений не был известен до сих пор на территории Северного Кавказа.

Исключение составляет погребение в положении на спине со скрещенными берцовыми костями (Усть-Джегутинский курган № 16, погр. 1). Аналогии ему на Северном Кавказе пока не известны. В таком же положении скелет открыт в катакомбе кургана № 9 (погр. 28), раскопанного у Красноперекопска в Северном Присивашье¹⁸.

Для территории Северного Кавказа некоторые исследователи считали вытянутое положение погребенных признаком более позднего возраста¹⁹. Это отмечалось Б. Е. Дегенем для Кабардино-Пятигорского района, который обнаружил два вытянутых погребения (2 и 5) в кургане № 4 Кабардинского парка Нальчи-

¹⁶ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, с. 122.

¹⁷ Там же, с. 125.

¹⁸ А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, с. 206, рис. 74.

¹⁹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, с. 287.

ка²⁰. После находки вытянутого погребения в кургане у с. Старый Лескен Е. И. Крупнов отмечал редкость подобных погребений²¹. В настоящее время нет оснований считать вытянутые погребения редкостью, так как они имеют глубокие древние традиции и на Кавказе, и в Предкавказье, и в Северном Причерноморье, которые восходят к энеолиту²².

На территории Северо-Западного Кавказа, в Прикубанье, отмечено также раннее появление вытянутых костяков, например, в погребении № 1 кургана № 5 Ульского аула, где лежал скелет подростка в вытянутом положении на спине, головой на север, с незначительным отклонением к востоку, сопровождаемый знаменитыми глиняными и алебастровыми статуэтками и посоховидными булавками²³. Это погребение В. И. Марковин вполне обоснованно ставит в ряд памятников переходного типа от майкопского к северокавказской культуре²⁴.

Таким образом, выделение по стратиграфическим и другим признакам ранней группы северокавказских погребений в вытянутом положении на территории Верхнего Прикубанья, как нам представляется, вполне естественное и закономерное явление.

Ориентировка исследованных погребений довольно разнообразна и неустойчива. Однако чаще всего покойников клали головой на запад или северо-запад. На долю этой группы захоронений приходится 50% учтенных нами погребений (111 из 221). Это дает право считать такую ориентировку наиболее характерной для памятников северокавказской культуры Верхнего Прикубанья. Сравнительно часто умерших клали головой на юг (36) и юго-запад (18). Встречаются покойники, ориентированные на север (29), северо-восток (6) и восток (15). Как видим, каждая из этих групп немногочисленна, но вместе с тем составляет половину погребенных. Для скорченных погребений наиболее частая ориентировка западная, изредка восточная.

Говоря об обряде и ритуале захоронений северокавказской культуры изучаемого района, нельзя не указать на такую особенность, как обычай посыпать покойников красной краской. Три четверти могил (147) оказались с охрой. Причем скорченные погребения в единичных случаях имели охру. Чаще всего засыпались охрой колени и фаланги ног, иногда охра шла вдоль берцовых костей обеих ног, часто встречаются пятна охры на черепе, у черепа, под ним, на груди, иногда у кистей рук, и в

²⁰ Там же, сс. 230—231.

²¹ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции в 1947 г. в Кабардинской АССР, УЗ КНИИ, вып. IV. Нальчик, 1948, с. 286.

²² К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 82, рис. 29, 19; М. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ, 1933, с. 11; Д. Я. Телегин. Днепр—донецкая культура. Київ, 1968, сс. 241, 244.

²³ ОАК за 1909 и 1910 гг., СПб., 1913, сс. 152—154.

²⁴ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, с. 31.

редких случаях все дно сплошь засыпано краской. Охра встречена разных цветов — от ярко-красного до темно-бурого. Вместе с краской встречается порошок мела, покрывающий дно могилы, и древесные угли, рассыпанные по дну могилы. В редких случаях краска встречается с одним из этих компонентов, чаще просто без них. Кроме этого под скелетами дно могил первоначально, и, как правило, в ямах покрывалось древесно-растительной подстилкой, от которой часто сохранялись следы в виде светло-серого и коричневого тлена.

Выразительной особенностью погребального обычая изучаемых племен является наличие заупокойного инвентаря. Он представлен глиняными сосудами, изделиями из камня, кости и металла. Располагается инвентарь, как правило, у изголовья погребенных или в одном из углов могилы.

При погребенных встречаются кости жертвенных животных, чаще кости мелкого рогатого скота.

Рассмотренный выше погребальный обряд племен северокавказской культуры Верхнего Прикубанья продолжает древние традиции племен майкопской культуры, ранее здесь обитавших и оставивших многочисленные памятники. Устройство курганов северокавказской культуры совершенно аналогично предшествовавшим майкопским. Здесь такие же кромлехи, каменные центральные наброски, каменные пояса — крепиды. Подобны майкопским и грунтовые ямы, если у «майкопцев» они обкладывались мелким булыжником, то у «северокавказцев» выложены в виде стенок. Указанные выше черты сходства погребальных конструкций, а также стратиграфические наблюдения позволяют говорить о племенах северокавказской культуры как непосредственных приемниках племен майкопской культуры.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ

Древности бассейна Верхней Кубани, в частности, ее правых притоков — Индыша, Джалан-кола, Кёкле — давно привлекают внимание исследователей. В конце XIX века на Индыше побывал археолог В. М. Сысоев. Он опубликовал довольно подробные отчеты, снабженные хорошо выполненными иллюстрациями¹. Из отчетов видно, сколь насыщено памятниками раннего средневековья ущелье Индыша, одного из самых укромных уголков Верхней Кубани². Это не случайно: в годы жестокой борьбы

¹ В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года. МАК VII, 1898, сс. 115—136. Его же: Археологические экскурсии по Закубанью. МАК IX, М., 1904, сс. 89—162.

² Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая.—«СМОМПК», вып. 45. Махачкала, 1926, сс. 233—245.

с хазарами, кипчаками, монголо-татарами коренное земледельческое население укрывалось в ущельях Кубани, Терека и их притоков. Одним из таких убежищ были и ущелья притоков Верхней Кубани, в том числе Индыша. В 1965 году, через семьдесят лет после экспедиции В. М. Сысоева, ниже течение Индыша обследовала экспедиция Исторического факультета МГУ³. Тогда же там побывала ленинградский археолог Л. Г. Нечаева. В 1966 году в верховьях р. Индыш работала экспедиция под руководством И. М. Мизиева⁴. В 1975 году наша экспедиция⁵ расширила район исследований за счет других ущелий кубанского правобережья в Приэльбрусье. Поводом послужили сообщения местных жителей, а также известная характеристика Низам ад-Дин Шами «области эльбрусцев» в его «Книге Побед». Он писал: «Все это были области эльбрусцев, и крепости их были на вершинах гор, а дороги (к ним) крайне трудны и тяжелы, так что из-за их большой высоты у наблюдающего темнело в глазах, а у смотрящего шапка падала с головы... стрела не достигала снизу до верху крепости...»⁶. Если, по свидетельству Шами, Тимуру не только удалось достигнуть крепостей «эльбрусцев», но и овладеть ими, то почему бы нам не попытаться хотя бы разведать руины некогда мощных крепостей «эльбрусцев», продолжив тем самым исследования наших предшественников. Таковы были предпосылки наших работ в правобережных ущельях Верхней Кубани 1975—1976 годов.

Первым объектом разведок стало ущелье Кёкле (14-й км Учкуланского шоссе). Здесь, в урочище Джанукку, примерно в шести километрах от шоссе, было обнаружено городище, а рядом с ним обширный могильник, состоявший из наземных гробниц и скальных катакомб.

Городище располагалось на труднодоступном мысу узкого плато. Его почти отвесные склоны были высотой не менее ста метров.

Северовосточный склон был пологим и представлял собою перемычку, связывающую плато с «материком». Здесь сохранились остатки древних дорог, идущих к городищу. Одна, основная, шла с севера к северо-западному склону плато, имела около 2,5 метра ширины. Другая тропа шириной около 1,5 метра шла вдоль юго-восточной границы городища в сторону

³ Я. А. Федоров. Аланское городище и могильник Джашырын-кала в верховьях Кубани. МАДИСО, том II. Орджоникидзе, 1969, сс. 112—119.

⁴ И. М. Мизиев. Археологические разведки в верховьях р. Индыш Карачаево-Черкесской АО в 1966 г. Труды КЧНИИ, вып. VI. Серия историческая. Ставрополь, 1970, сс. 436—449.

⁵ Верхнекубанский археологический отряд Северо-Кавказской экспедиции Исторического ф-та МГУ работал в составе: У. Ю. Эльканова — начальника отряда, лаборантов А. Зарецкого, А. Полевого и А. Фомина. Общее руководство лежало на Я. А. Федорове, начальнике экспедиции.

⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, с. 122.

могильника. На городище удалось обнаружить 9 остатков зданий разной величины (рис. 1), по-видимому, жилых. Вероятно, их было больше, но из-за густого травостоя найти их развалы не удалось.

Могильник № 1 находился непосредственно рядом с городищем, на перемычке, соединяющей плато с «материком». Он состоял из расположенных рядами наземных гробниц. Все они были разрушены. Сложены гробницы (их мы насчитали 8) были из камня-плитняка, перекрыты большими плитами — от 2-х до 3-х плит, все плиты были необработанными. Входное отверстие, судя по одной, менее разрушенной гробнице, было прямоугольное. В гробнице № 8, среди завала камня, был обнаружен фрагмент бронзового зеркала. Орнамент звездчатый, зеркало с центральной петлей, что позволяет датировать его VII—IX вв. н. э.⁷ В гробнице № 7 найдена половинка пастовой бусины синего цвета, бусина украшена параллельно идущими линиями желтого, красного и белого цвета, в середине — красный кружок.

Могильник № 2 расположен несколько в стороне от городища и представляет собою скальные катакомбы. Их насчитывается 25. Расположены катакомбы рядами — ярусами. Ярусов 2, по числу расщелин скалы, ибо катакомбы на городище Джанку не обычного типа⁸, не высечены в скале, но сложены в расщелине из рваного плитняка на глиняном растворе. Может быть, вернее их было назвать скальными гробницами. Все они начисто ограблены.

Второе городище было обнаружено в верховьях реки Индыш уже в зоне альпийских лугов. Расположено оно в урочище Сылар-арт, на труднодоступном плато. От него по гребню, соединяющему плато с «материком», сохранились следы древней дороги шириной до 2-х метров. На самом городище прослежены остатки сильно разрушенных домов. На восточном, относительно пологом, склоне плато найдено множество сильно фрагментированной керамики. Керамика, в основном, чернолощенная, но встречается краснолощенная и нелощенная. Керамика настолько фрагментарна, что форму сосудов восстановить трудно. Зато прекрасно сохранился орнамент: волнистый, гребенчатый, сетчатый (ромбиками). На венчиках — семечковидные зацепы. Прямые аналогии нашей керамике можно найти в публикации В. А. Кузнецова⁹. По характеру лощения наша керамика должна быть отнесена к раннему периоду: большинство керамики черного лощения. Но по орнаменту керамику с городища Сылар-арт можно отнести к X—XII вв. Это относится к фрагмен-

⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА № 106, М., 1962, сс. 20—21, рис. 6, изобр. 5.

⁸ Ср. Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 16.

⁹ В. А. Кузнецов. Указ. соч., рис. 15, 34.

там с гребенчатым линейным орнаментом, к сетчатому орнаменту, а также — к волнистому.

Так же, как и на городище Джанукку, на Сылла-арты непосредственно рядом с плато, на западном его склоне, расположен могильник, состоящий из наземных гробниц. Их насчитывается более двух десятков. Целыми сохранилось лишь четыре гробницы. Все они сложены из необработанного камня-плитняка, входные отверстия прямоугольные. Несмотря на тщательный осмотр, никаких вещей обнаружено не было: все гробницы начисто ограблены.

На север от городища, примерно в 200 метрах от плато и от перемычки, находится высокая скала. Она отвесная. В скале высечены классические скальные катакомбы. Мы насчитали их 23. Все катакомбы начисто ограблены. Входные отверстия катакомб разной формы — прямоугольные, овальные, подтреугольные. Катакомбы разных размеров, встречаются двойные, соединенные между собою высеченным в скале лазом.

Большая группа наземных и полуподземных гробниц обнаружена нами в урочище Баба-ёзен в 17 км от селения Верхняя Мара. Этот памятник находится на перевале между Пятигорской группой древностей (район Кисловодска) и Верхнекубанским районом. Видимо, в раннем средневековье через Гум-баши проходил хорошо известный тракт. Склепы-гробницы Баба-ёзен сложены из больших, хорошо отесанных каменных блоков. Здесь же обнаружен склеп (гробница), сложенный из вертикально поставленных камней-плит типа каменного ящика. Другой склеп был двойной, между камерами стояла огромная каменная плита. Гробницы размещались группами. Вокруг одной из групп сохранились следы каменной ограды. Большинство погребальных сооружений разрушены до основания. Полуразрушенными сохранилось только семь гробниц.

Примерно в 300-х метрах от могильника Баба-ёзен нами было обнаружено каменное изваяние. Фигура человека была высечена из песчаниковой плиты. Сохранилось только туловище: голова и ноги отбиты, и мы их не смогли найти. На изваянии можно различить подплечики. Рядом был найден каменный, хорошо обработанный столб, на котором изображена сабля и какой-то треугольный предмет.

В самом селении Верхняя Мара был осмотрен подземный склеп. Он был сложен из больших каменных плит, плиты были необработанными. Сверху склеп был перекрыт цельными плитами из песчаника. Никаких вещей, ни керамики найдено не было.

Последний маршрут нашего отряда был в ущелье правого притока Верхней Кубани — Джалан-кьол. Примерно в 10 км от шоссе Карачаевск—Учкулан был обнаружен могильник, состоявший из восьми гробниц. Три из них были полуподземными. Все гробницы сложены из необработанного камня-плитняка. Ника-

ких вещей не найдено. Не удалось обнаружить и поселения. Разведки в ущелье Джалан-кьол должны быть продолжены.

В самом урочище Джалан-кьол, в двух км от бывшего кара-чаевского зимнего коша, в естественной пещере, на неприступной скале было обнаружено погребение в деревянной колоде. Колода была укрыта в пещере. Погребение ограблено. Сохранился скелет с остатками мумифицированной кожи на ногах и руках. На ногах были кожаные чарыки, на запястьях сохранились шитые рукавички. Найдены остатки деревянного блюда и деревянной основы пожен. Погребение было обозначено как № 1. Под ним было второе погребение в колоде. Кости были в беспорядке. Череп подростка деформирован искусственно.

В соседнем ущелье — Амап-кьол, на водоразделе сохранились остатки паземных гробниц. Всего их насчитывается 8. Все гробницы сложены из прекрасно обтесанных каменных блоков. Гробницы довольно большого размера.

Как явствует из краткого доклада, наши разведки производились в некогда густо населенном районе Верхней Кубани. Как городища, так и погребальные сооружения по своему облику вполне укладываются в нормы, характерные для аланских памятников Западного варианта, выделенного В. А. Кузнецовым¹⁰, и для памятников в подробной сводке, опубликованной Т. М. Минаевой¹¹. Мы сознаем, что наш отряд проделал лишь первые шаги по исследованию обширного района Верхней Кубани. Работа должна быть продолжена с тем, чтобы можно было бы прежде всего ответить на вопрос, как объяснить сосуществование разнотипных погребальных сооружений? По-видимому, все усилия должны быть направлены прежде всего на открытие антропологического материала. Единственный череп, найденный в погребении в колоде, оказался искусственно деформированным. Известно, что искусственная деформация черепов практиковалась аланами. На городище Гиляч также был в свое время обнаружен Т. М. Минаевой такой же череп¹². Но кого же хоронили в гробницах? Второй вопрос, что послужило причиной гибели верхнекубанских городищ, почему запустел ранее густо населенный край? Трудно себе представить, чтобы причиной запустения были феодальные смуты, о которых сообщает доминиканец Юлиан¹³. Уцелело, по-видимому, население горных районов Кавказа, в том числе Верхнего Прикубанья, во время монголо-татарского погрома. О долголетней и безуспешной осаде монголами аланских крепостей свидетельствует Плано Карпини¹⁴. О тщетных

¹⁰ В. А. Кузнецов. Указ. соч., сс. 43—75. Рис. 14, 15.

¹¹ Т. М. Минаева. К истории алан Верхнего Прикубанья.

¹² Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, МИА № 23, М.—Л., 1951, с. 283, рис. 9.

¹³ Рассказ доминиканца Юлиана. «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. V, 1863, с. 999.

¹⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма де Рубрика. М., 1957, с. 64.

попытках завоевателей подчинить своей воле население Северо-Западного Кавказа говорит и Гильом де Рубрук: «Черкесы, Аланы, или Аас,— по его словам,— все еще борются против татар»¹⁵. Оба свидетельства относятся к середине XIII века. Аланские поселения в горах Кавказа продолжали существовать и в XIV веке: о многочисленных и труднодоступных крепостях аланов-асов в верховьях Кубани, в Приэльбрусье говорят цитированные выше персидские авторы, участники походов Тимура, Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди. В хрониках, составленных по поручению самого Тимура, они подробно описывают военные экспедиции, предпринятые знаменитым полководцем из Прикубанья, из страны Абаза в сторону Эльбруса. После жестокой осады укрепленные поселения асов-алан были разгромлены ценою больших усилий и жертв¹⁶. Остальное довершило время...

О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАЗИН

Прошлое ныне немногочисленного абазинского народа таит в себе загадки, не разгадав которые нельзя понять некоторые весьма существенные вопросы истории Северо-Западного Кавказа.

Давно уже была нами выдвинута гипотеза о длительном процессе сокращения численности абазин из-за многовековой ассимиляции их адыгами и о том, что ряд адыгейских «племен» (шапсуги, абадзехи, бжедуги) были прежде абазинами и говорили на абазинском языке. Соображения в пользу этой гипотезы были опубликованы¹ и до сих пор никем не опровергнуты, а поэтому здесь нет необходимости к ним возвращаться. Обратимся к другим вопросам этнической истории абазин.

В настоящее время господствует мнение о том, что абхазы сложились в результате консолидации апсидов, абазгов, санигов и некоторых других племен, обитавших на Черноморском побережье в начале нашей эры². Подобную же точку зрения некогда высказывал и автор этой статьи³.

¹⁵ Путешествие в восточные страны..., с. 111.

¹⁶ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., с. 181, сл.

¹ Л. И. Лавров. Обезы русских летописей. «Сов. этнография», 1946, № 4, сс. 164—167; Его же. Абазины.— «Кавказский этнографический сборник», I. М., 1955, сс. 8—9.

² З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, с. 69; Его же. История и культура древней Абхазии. М., 1964, сс. 178, 183; Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1. Сухуми, 1960, сс. 63, 64; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1960, сс. 36, 58; Х. С. Бражба. Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», XXVII. Сухуми, 1956, с. 283.

³ Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сборник статей по истории Кабарды», вып. III. Пальчик, 1954, сс. 202, 207.

Однако если бы абазги слились с апсилами, то их этнические названия не дожили бы до наших дней в качестве самоназваний двух родственных, но все же разных народов — абазин (абаза) и абхазов (апсуа)⁴, причем абазинны до недавнего времени были северо-западными соседями абхазов, подобно как и абазги были такими же соседями апсильов.

Ряд исследователей считает, что абазинны — это часть абхазов, которая обособилась от остальных абхазов лишь после своего переселения на Северный Кавказ, примерно около XIV в.⁵ Но так как уже в начале нашей эры абазги были известны отдельно от апсильов, то значит уже и тогда не смешивали протоабазин и протоабхазов.

Это последнее обстоятельство не позволяет согласиться и с Е. П. Алексеевой, которая в одних своих работах утверждает, что абазинны как особая народность складывались с конца I тысячелетия нашей эры по XIV в.⁶, а в других, — что они сложились в конце I тысячелетия нашей эры, «еще до переселения их основной массы на Северный Кавказ»⁷. Начало этого переселения она относит к VII—VIII вв., потому что связывает его с появлением тогда в Закубанье, в частности в Гоначхирском ущелье (в Карачае), погребений с трупосожжением, которые раньше были распространены в Абхазии и на Черноморском побережье Краснодарского края⁸. Заметим, что Гоначхирское ущелье связано (через Клухорский перевал) с бассейном р. Кодора, то есть с коренной Абхазией, а не с территорией абазин, которые, как пишет сама Е. П. Алексеева, тогда «занимали определенную

---

⁴ Н. Я. Марр убедительно доказал, что в этнониме «абазги» содержатся само название абазин «абаза» и суффикт «г», однотипный и, очевидно, однозначный с суффиксами в этнонимах «саниг», «зих», «колх» и некоторых других. Суффикс этот скорее всего является показателем множественного числа, аналогичным суффиксу «х» в адыгских языках. Полная форма этнонима «абазги» сохранилась в названии и самоназвании абадзехов — «абадзэх» (см.: Н. Я. Марр. История термина «абхаз». «Известия имп. Академии наук», 1912, № 11, сс. 697 и 698), одного из тех подразделений адыгейцев, которых другие адыгейцы в XIX в. считали «абадзами» или «абазами», так как они, судя по всему, были абазинского происхождения, но забыли свой язык.

Не вызывает сомнения общепринятая точка зрения, согласно которой термин «апсиль» состоит из абхазского самоназвания «апс(уз)» и грузинского суффикса «ели», указывающего, в частности, на этническую принадлежность (например, в словах: картвели, мегрели, имерели и т. д.).

⁵ З. В. Анчабадзе. Из истории..., с. 256; Очерки истории Абхазской АССР, ч. 1, с. 98; Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь, 1967, с. 134.

⁶ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, с. 134; Е. П. Алексеева. К вопросу о происхождении абазин. «Труды Карачаево-Черкесского Научно-исследовательского института», вып. VI, серия историческая. Ставрополь, 1970, сс. 308, 334.

⁷ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 190.

⁸ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, сс. 135—139; Е. П. Алексеева. К вопросу о происхождении абазин, сс. 311—332; Ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, сс. 191—197.

территорию между Бзыбью и Туапсе»⁹. Несмотря на это гоначирские погребения Е. П. Алексеева приписывает абазинам.

Мы далеки от мысли отрицать возможность отдельных переселений через Клухорский перевал в бассейн Кубани. Но то могли быть абхазы, а не абзины, и нет оснований приписывать этим переселенцам значительную роль в сложении северокавказской группы абазин. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что трупосожжения в средневековых погребениях Закубанья встречаются редко. Более того, сам обряд трупосожжения нельзя считать абхазским или абазинским, так как он бытовал и на территориях, на которых абхазы и абзины никогда не жили, например, под сел. Октябрьским в Адыгее, у ст. Пашковской и других местах. Кроме того, известно, что территория распространения того или иного обряда не обязательно совпадает с этнической территорией, особенно, если это касается территории родственных народов, издавна проживающих по-соседству. История и этнография знает множество подобных примеров.

Так как античные и раннесредневековые источники отличали абазгов от апсиров, санигов и других племен, то напрашивается вывод, что каждое из них отличалось своими культурно-бытовыми особенностями, в том числе, очевидно, и языковыми. Это, на первый взгляд, не согласуется с тем, что нынешний «абазинский язык вместе с абхазским составляет одну языковую единицу в строго лингвистическом смысле»¹⁰, то есть, иначе говоря, абазинский язык настолько близок к абхазскому, что его диалекты можно считать диалектами абхазского языка. Это кажущееся противоречие можно устранить, если примем во внимание судьбы соседнего убыхского языка¹¹. Источники XVIII—XIX вв. причисляли убыхов обычно к абазинам, а уже тогда исчезающий убыхский язык был известен адыгейцам под названием «абзэбзэ», то есть «абазинский язык». Показательно, что в 1641 г. на этом языке говорило одно из обществ причерноморских абазин-садзов (джикетов)¹², обитавшее на востоке от известной нам территории убыхов, а это, как писал А. Н. Генко, делает вероятным «первоначальную принадлежность джикетов-садзен к убыхам, с последующей сильной абхазизацией»¹³. Сви-

⁹ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 190.

¹⁰ К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык. «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967, с. 123.

¹¹ Н. Альбов. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. «Записки Кавказского отдела имп. Русского географического общества», вып. XVI. Тифлис, 1894, с. 142; Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. «Сов. этнографич.», 1936, № 4—5, с. 131; Его же. Этнографический очерк убыхов. «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», т. VIII. Майкоп, 1968, с. 6.

¹² А. Н. Генко. О языке убыхов. «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук», 1928, № 3, сс. 239—241; R. Bleichsteiner. Die kaukasischen Sprachproben in Evliya Celebi's Seyahetname. «Caucasica» II, Leipzig, 1934, ss. 86, 87, 110—116, 125, 126.

¹³ А. Н. Генко. Указ. соч., с. 235.

детельством былого распространения убыхского языка в северо-западной части Абхазской АССР служит название реки Бзыбь, до сих пор звучащее по-убыхски¹⁴.

Таким образом, есть основание считать, что убыхский язык в прошлом был распространен шире той территории, на которой его застал XIX в., причем им некогда пользовались причерноморские абазины.

Правда, Ш. Д. Инал-Ипа, противореча существующим источникам, объявил причерноморских абазин абхазами и при этом ссылаясь на то, что их передко называли джикетами и садзами в то время, как абазины, обитавшие на северных склонах Кавказского хребта, «никогда... не называли себя ни джикетами, ни садзами»¹⁵. Но аргумент этот не убедителен, так как, во-первых, причерноморские абазины называли себя не «апсуа», а «абаза». Во-вторых, «садзен» или «садзуа» — это чисто локальное наименование, не относившееся и к абхазам. В-третьих, термином «джикеты» или «джикеты» никто, в том числе и садзы (причерноморские абазины), никогда себя не называли. Напомню, что «джикетами» называли садзов только русские, заимствовавшие и неточно понявшие грузинское слово «дикети», которое означает «Страна джиков». А джиками грузинские источники называли абазин.

Возвращаясь к вопросу об убыхском языке, отмечу, что сужение границ его распространения на абазинской территории в последние века дает основание предполагать, что убыхский язык прежде бытовал на более широкой территории и являлся языком древних абазгов.

После образования в VIII в. Абхазского царства сложилась странная, на первый взгляд, ситуация: основное население этого царства и его потомки — современные абхазы неуклонно называли и называют себя «апсуа», то есть апсилами, а чужеземные письменные источники (византийские, русские, грузинские, турецкие) стали именовать их абазгами или, что то же самое, — обезами, абазой, апхазами, абхазами. Более того, вскоре после образования Абхазского царства этими же именами называли даже грузин¹⁶. Это будет неудивительно, если предположить, что Абхазское царство основала династия из абазинских князей. Примеры наименования государств и народов по правящим династиям хорошо известны (Болгария, Франция, Англия и пр.). Не случайно, что после распространения власти абхазского царя Леона II на Грузию, ее также стали называть Абхазией.

Сообщения источников о том, что Абазгия или Грузия в X—XII вв. простирались на севере до Никопсии или до «большой

¹⁴ Х. Г. Бгажба. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964, с. 255.

¹⁵ Ш. Д. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, с. 281.

¹⁶ Последняя работа на эту тему: Г. В. Цулая. Обезы по русским летописям. «Сов. этнография», 1975, № 2.

хазарской реки»¹⁷, следует рассматривать не как указание на абхазскую или грузинскую экспансию на северо-западе, а как свидетельство о распространении власти абазинской (абазской) династии на юго-востоке, в Абхазии и Грузии. Еще С. Н. Ашхацава писал, что «не может быть речи, чтобы абхазские цари могли столь успешно продвигаться на восток, не опираясь на силу своей северо-западной части» страны¹⁸. Есть известие, что Леон II был по матери внуком хазарского хакана и с помощью хазар покорил Абхазию и Западную Грузию¹⁹. Это указывает на естественную для абазин связь с Предкавказьем и на значительный вес абазских феодалов. В этих условиях не удивительно, что абазским феодалам Леону I, а затем Леону II удалось распространить свою власть на соседних апсильов и тем самым дать ипостасцам основание называть Абазгией всю подчиненную им территорию.

Адыгский и абазинский фольклор неслучайно приписывает абазинам большую роль в судьбах Северо-Западного Кавказа²⁰. Роль эта определялась их былой политической активностью, многочисленностью и расселением на широкой территории.

После утверждения абазинских правителей в Аписилии должны были установиться родственные связи между абазинской и абхазской ветвями одного и того же феодального рода. На это указывают, во-первых, сходство фамилии крупнейшей абазинской феодальной династии Лау (по-русски Лоовы, а по существу христианское имя Лев) с именем основателя Абхазского царства Леон (так же происходящего от более краткого Лев), во-вторых, топонимические следы пребывания Лау в Абхазии и в районе Сочи²¹, в-третьих, предание о родстве Лау со старейшей в Абхазии феодальной фамилией Ачба (Анчабадзе)²², которая сама, будто бы, переселилась в Абхазию с севера²³, и, наконец, в-четвертых, одинаковая родовая тамга (в виде круга) у Лау и Ачба.

Аписилы, находившиеся в постоянных сношениях с Грузией и Византией, имели более развитую культуру, чем их соседи абазги, поэтому образование в Аписилии Абхазского царства должно было сопровождаться ростом апсильского влияния на горцев — абазгов. Это, очевидно, и положило начало вытеснению

¹⁷ Картлис цховреба, т. I. Тбилиси, 1955, с. 242 (на груз. яз.).

¹⁸ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории, Сухум, 1925, с. 12.

¹⁹ Картлис цховреба, т. I, с. 251 (на грузинском языке).

²⁰ И. Дебу. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или вообще замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах, СПб., 1829, с. 121; Кабардинский фольклор. М.—Л., 1936, с. 295; Ш. Ногмов. История адыгейского народа. Тифлис, 1861, сс. 69, 82, 98.

²¹ Л. И. Лавров. Из поездки в Черноморскую Шапсугию, с. 163; К. С. Шакрыл. К генезису наименования «Лыхны». «Труды Абхазского института языка, литературы и истории», XXXI. Сухуми, 1960, сс. 179—183.

²² К. С. Шакрыл. Указ. соч., с. 180.

²³ Д. Гулия. История Абхазии, т. I. Тифлис, 1925, сс. 207—210.

древнего языка абазгов (протоубыхского) и распространению среди них абхазских диалектов.

Однако южная ориентация политики Леона II и его преемников привела к превращению Абхазского царства в Грузинское и к политической независимости абазин (то есть собственно абазгов). Это совпало с усилением соседних адыгских племен (особенно возросшим с XIII в.) и распространением адыгского влияния на абазин, многие из которых стали постепенно переходить на адыгейский и кабардинский языки.

Изложенная в этой статье точка зрения является всего лишь рабочей гипотезой, которая в дальнейшем может быть в чем-то и подправлена. Но на данном этапе наших знаний о прошлом Северо-Западного Кавказа только с позиций, изложенных выше, может объяснить, почему самоназвание абазин сохраняет связь с абазгами, а самоназвание абхазов — с апсилами, почему самоназвание абхазов не согласуется с тем, что чужеземные источники считали последних (и грузин) абазгами; почему у одной части абазин сохранялся реликтовый убыхский язык и, наконец, почему его называли «абазинским языком»?

БРАК И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КАРАЧАЕВЦЕВ В XIX—НАЧАЛЕ XX В.

В литературе до сих пор отсутствует описание традиционной карачаевской свадьбы. В дореволюционное время специально этой теме посвящена лишь небольшая заметка М. Алейникова¹. Ценные сведения по свадебной обрядности балкарцев и карачаевцев приводятся в статье Н. Д. Грабовского². В целом же исследователи горского быта ограничивались описанием семейного быта карачаевцев и балкарцев в общих чертах, поэтому в их работах можно найти лишь фрагментарные сведения по интересующей теме³.

¹ М. Алейников. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и похоронах.— «Кубанские областные ведомости» (в дальнейшем — КОВ), 1880, № 7, 19.

² Н. Ф. Грабовский. Свадьба в горских обществах кабардинского округа.— «ССКГ», вып. II, 1869.

³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974; Ф. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. 1. Одесса, 1882, сс. 281—284; Г.-д., Поездка к южному откелу Эльбруса в 1848 году. «Библиотека для чтения», СПб., 1849, т. 97, сс. 63—64; И. Ивановов и М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса.— «Вестник Европы», СПб., 1886, кн. 1—2; Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев.— «ЭО», 1902, № 1—3, сс. 10—12; Н. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды.— «Терский сборник», вып. V. Владикавказ, 1903; В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терска.— «СМОМПК», вып. 14, 1892; В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.— «СМОМПК», вып. 43, 1913; И. С. Шуккин. Материалы для изучения карачаевцев.— «Русский антропологический журнал», вып. 1—2, 1913.

В предлагаемой статье, в основу которой положены полевые этнографические материалы, делается попытка в какой-то степени дать картину брачных условий и свадебных обрядов карачаевцев в прошлом, в условиях полунатурального хозяйства.

Брак у карачаевцев строго регулировался экзогамными запретами⁴. Запрещались брачные отношения между представителями одной фамилии или различных родственных фамилий, входящих в группу «къауум», имевших когда-то в прошлом одного общего предка «тин ата» или даже родственные связи в своих генеалогических преданиях «къарнаш тукъумла». Ограничения браков по мотивам родства имели место как по отцовской «ата джуукъ», так и по материнской линии «ана джуукъ». Нарушение экзогамии рассматривалось как явление, не допустимое против обычая, позор и преступление⁵.

Браки не допускались между родственниками по воспитанию, т. е. связанные узамы (аталычества) «эмчек джуукъ». Молочное родство в известной мере даже превосходило по значению кровное родство. Нарушитель сурово наказывался: его приговаривали к позорному столбу «къара багъана», сажали на осла и водили по аулу «эшек бедиш» или взымали штраф. Обычно штрафы взымались не деньгами, а медной посудой, в особенности большими котлами⁶. Иногда кровосмесителя приговаривали к изгнанию за пределы селения. Редкие случаи нарушения экзогамных запретов встречались, главным образом, в среде высшего сословия. Стремясь сохранить чистоту своей крови, княжеская фамилия Крымшамхаловых, например, предпочитала искажение традиционных обычаев народа. Допускались браки и внутри отдельных многоатаульных фамилий, проживающих в селениях Дуут и Джазлык. Экзогамные ограничения дольше всего сохранялись среди поколения паурузов. Адурхаевцы смотрели на случаи нарушения ее более снисходительно⁷.

Сильными были сословно-имущественные ограничения браков. Богатые отдавали своих дочерей только в состоятельные семьи «къарыулу юйдеги», а с другой стороны, для богатых считалось позором отдавать бедняку свою девушку. Князя (бин) считали ниже своего достоинства вступать в брак с представителями узденской фамилии. Представители «чистых» крестьян (таза ёзден) в свою очередь избегали браков с лицами из более низших категорий трудящихся — непочетных узденей «сыйсыз ёзден», а также кулов «къул тукъум». Среди крестьян выделялись и так называемые «родовитые» («сырма тукъум» — букв. «почетная фамилия»), «эски тукъум» — «старые фамилии». Девушек из таких фамилий выдавали замуж также в семьи равного с ними общественного положения. По свидетельству В. Я.

⁴ Б. Миллер. В Карачае. — «ЭО», № 1—2. М., 1899, с. 395.

⁵ И. С. Шукин. Материалы для изучения карачаевцев, с. 56.

⁶ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 57.

⁷ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, с. 11.

Тепцова, «отказывают жениху вовсе, главным образом, по следующим причинам: если он принадлежит к низшему сословию, если он безразличен по горским понятиям и если между обеими домами существует явная или скрытая вражда...». И далее путешественник замечает, что в горской среде сословность играет весьма видную роль в брачных делах и служит причиной смут»⁸.

И. Иванюков и М. Ковалевский сообщают правила вступления в брак, ограниченные по мотивам сословного неравенства. Они пишут, что «сословные различия строго принимаются в расчет при заключении браков. Таубий или князь может жениться только на дочери таубия или чужеземного узденя; каракиши, т. е. вассал князя, может жениться на ком угодно, за исключением рабыни. Такое же исключение делается и для браков чагаров, т. е. простых крестьян. Браки рабов и рабынь устраиваемы были их господами, получившими за это калым. Провинившийся раб лишался права вступать в брак, ему дозволялось только временное сожителство и притом каждый раз с ведома господина, который ежечасно вправе был его расторгнуть»⁹. В. М. Сысоев также отмечал, что карачаевцы «смещения сословий и экономического положения избегают: так, бии выбирают невест у биев, уздени у узденей, кулы у кулов. Изредка бывают отступления и от этого порядка»¹⁰. Наблюдения В. Сысоева, И. Щукина и Б. Городецкого свидетельствуют о том, что к началу XX в. в реальной жизни брачные запреты имели тенденцию к ослаблению.

Наконец, следует заметить, что в XIX веке в брачных отношениях карачаевцы придерживались и религиозных мотивов. Однако, как показывает этнографический материал, в прошлом, до усвоения догм магометанской религии (середина XVIII в.) карачаевцы ограничений браков по мотивам религиозной принадлежности не знали. С принятием ислама браки с представителями других национальностей ограничились. Тем не менее среди карачаевцев было немало смешанных браков между карачаевцами и соседними народами, в том числе и русскими. В особенности княжеские фамилии бии охотно роднились с кабардинцами, абхазцами, абазинами, ногайцами, сванами, осетинами. Об этом повествуют почти все генеалогические предания карачаевцев, а также архивные данные. Так, в одном из архивных документов конца XIX в. говорится, что «в брачные союзы бии вступали или между собою, или с фамилиями султанов, бесленевских князей, сванетских князей, ногайских мурз и с знатными лицами других горских племен»¹¹.

У карачаевцев не принято было жениться или выходить за-

⁸ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, сс. 171—172.

⁹ «Вестник Европы», СПб., 1886, кн. 2, сс. 3, 5—6.

¹⁰ В. М. Сысоев. Карачай..., с. 52.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1284; оп. 60, д. 106, л. 47.

муж слишком рано. Брачный возраст для мужчины начинался с 18—20 лет, а девушка объявлялась невестой в 14—15 лет¹², но обычный брачный возраст приблизительно определялся для мужчины 22—23 года, а для девушки — 18—19 лет¹³. Брачный возраст регламентировался шариатом, вместе с тем действовала и обычно — правовая регламентация. Поэтому, в зависимости от конкретных условий, эти цифры колебались. Хотя ранние браки были редким исключением, но этнографический материал дает ряд фактов, когда девушек выдавали замуж и в 13—14 лет, а мужчины вступали в брак в значительно старшем возрасте. Нередко мужчины ходили в холостяках и за тридцать лет. Столь относительно позднее вступление в брак объясняется главным образом социально-экономическими условиями. При этом в семье строго соблюдалась очередность: младшую не выдавали замуж, пока не выйдет ее старшая сестра. Это правило («тамадалыкъ сакълау») распространялось и на женитьбе мужчин.

Свадьбы устраивались преимущественно осенью и зимою. Для брака у карачаевцев было характерно патрилокальное поселение супругов, но встречался переход мужчин по той или иной причине в дом родителей невесты (матрилокальное поселение). Подобные браки не одобрялись в обществе и такого зятя не без иронии называли «юй кюеу» (букв. «домашний зять»). В данном случае мы находим прямое отражение идеологии патриархально-родового строя.

Несмотря на то, что карачаевцы исповедовали ислам, многоженство в Карачае не получило большого распространения. Только в отдельных семьях бывало по две¹⁴, очень редко — по три жены¹⁵.

По свидетельству В. М. Сысоева, в Карачае: «многоженство не развито. Из всего населения Карачая 3 жены имел (в 1898 году) только Эдиев в Карт-Джурте, который не считался в числе богатых людей аула. По 2 жены имели 34 карачаевца, главным образом из числа наиболее достаточных лиц»¹⁶. По словам В. Я. Тепцова: «Многоженство среди горцев — большая редкость: оно обуславливается зажиточностью и стало привилегией дворянства, т. к. обыкновенные горцы по своей бедности не в силах были прокормить и себя, не только нескольких жен»¹⁷. По мнению В. Сысоева, «карачаевцы остерегались иметь по 2 жены ввиду того, что обе они по положению считались равными, а потому постоянно ссорились»¹⁸.

Отмечая моногамию среди горцев, В. Я. Тепцов в этом находит следующие причины: трудности подбора жены, связанные

¹² В. М. Сысоев. Указ. соч., с. 52; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 179.

¹³ И. С. Щукин. Указ. соч., с. 57.

¹⁴ Б. М. Городецкий. Очерки по Кубановедению, с. 304.

¹⁵ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 83.

¹⁶ В. М. Сысоев. Карачай..., с. 53.

¹⁷ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, с. 83.

¹⁸ В. М. Сысоев. Карачай..., с. 53.

со сложностью ритуала, большие издержки (уплата калыма и последующее содержание нескольких жен), главное же,— «предки наши не знали этого обычая»¹⁹. Некоторые исследователи горского быта, как, например, М. Ковалевский, в моногамии горцев склонны были видеть «остатки христианских традиций»²⁰. Другие (Н. Тульчинский и В. Тепцов)—приверженность к коренным обычаям народа²¹.

Факты двоеженства в крестьянской среде имели место в том случае, когда от первой жены крестьянин не имел детей, или же в случае необходимости иметь в доме работоспособную жену, если случалось, что первая жена по старости или же по болезни была прикована к постели. К двоеженству прибегали в основном пожилые и материально обеспеченные люди. Вторую жену приводили в дом по согласию первой. Об этом свидетельствуют и материалы медицинской экспедиции, проведенной в Карачае в 1927 году²².

Наибольшим уважением и почетом пользовалась всегда первая, старшая жена. Вторая же во всем «должна была подчиняться первой, исполняла более тяжелые работы в доме. Только с первой женой советовался муж о хозяйственных делах, о том, как женить сыновей и отдавать замуж дочерей. Вторая же жена не имела и в семье права голоса. «Чем выйти второй женой, лучше дома остаться» («Къатын юсуне баргъандан эсе, тыбырда къалгъан игиди»)»²³,— гласит карачаевская пословица.

Существовало несколько форм заключения брака: 1) брак по сватовству, при котором семьи брачующихся предварительно договаривались. Сюда относились: а) браки путем сговора и уплаты калыма; б) левират и сорорат; в) брак обменом невестами; 2) тайные браки или браки путем похищения. Здесь различались: а) насильственное похищение «къачырыу»; б) мнимое похищение или брак «убегом» (джашыртын).

Сговор был также в нескольких формах. Практиковались обычаи наречения невесткой малолетних детей, находящихся в колыбели²⁴ «ауз бла бир—бирине сез берну»; бывали случаи просватывания еще «не родившихся» детей родителями. Обе эти формы, уходящие своими корнями в глубокую древность, были тесно связаны с «калымным» браком. «В старину,—отмечал И. Щукин,—часто бывали такие случаи, что два хороших приятеля еще в детстве обручали своих малолетних детей с целью породниться; еще и теперь в Карачае... встречаются люди обоего пола, которые были обручены в детстве родителями»²⁵. Существование у карачаевцев обычая люлечного обручения, которое

¹⁹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 179.

²⁰ «Кавказ», 1903, № 301.

²¹ «Терский сборник», в. V, 1903, с. 206.

²² Н. А. Алфеев. Материалы для изучения..., с. 159.

²³ С. Алиев. Нарт сёзле, с. 176.

²⁴ «КОВ», 1880, № 7.

²⁵ И. С. Щукин. Материалы для изучения карачаевцев, с. 57.

отмечалось и горским жителем М. Алейниковым²⁶, находит полное подтверждение и в наших полевых записях. Обычно после такого сговора родители считались породненными друг с другом и взаимно оказывали материальную и моральную поддержку. И. С. Шукин в качестве примера приводит следующий способ заключения браков, практиковавшийся в Карачае. Он состоял в том, что молодой «жених вручал свой нож брату девушки, которую он хотел иметь женою, и если тот принимал его, то брак считался решенным и отказаться от него считалось уже бесчестным»²⁷. При этом, нареченные не знали друг друга до свадьбы.

При сговоре малолетних, который практиковался обычно среди господствующих слоев населения — кулаков, а также среди близких друзей, в доме родителей мальчика устраивали угощение, а затем семьи желающих породниться скрепляли будущий брак соответствующими подарками, которые назывались «белгизат». Родители таких детей и в дальнейшем постоянно обменивались незначительными подарками, а при увозе девушки отец жениха уплачивал калым.

К числу пережиточных форм брака, зародившихся еще в период матриархата и теряющих свою обязательную силу в быту карачаевцев, следует отнести так называемый левиратный брак «тултой». В феодальном обществе левират, или деверство (брак вдовы с братом покойного мужа) проявлялось в том, что после смерти мужа вдова оставалась в семье умершего мужа, поскольку за нее был заплачен калым, и выходила замуж за деверя — неженатого брата мужа или его родственника. Нередко родители вынуждали сына жениться на вдове умершего.

Бытовала и такая форма левиратного брака: если жених умирал до свадьбы и девушка оставалась засватанной в доме отца, а калым был уже выплачен, то на ней мог жениться брат умершего жениха. При этом ни его возраст, ни ее чувства, конечно, не имели значения при заключении этого неравного брака. Горцы руководствовались одним понятием, а именно: вдова «тулкъатын» — «собственность семьи покойного, которая, поэтому, с прочим наследством должна перейти к оставшимся после его смерти членам двора»²⁸. Такой брак давал возможность сохранения в целостности домашнего имущества, жилья, а также женить следующего сына без определенных затрат для устройства свадьбы.

Бытовали среди карачаевцев также вымирающие пережитки другого древнего института сорорат (брак вдовца с сестрой своей умершей жены). Согласно обычаю, вдовец после смерти первой жены предпочитал жениться на младшей сестре жены или ее двоюродной сестре. Как и при левирате брачные сторо-

²⁶ «КОВ». 1880, № 7.

²⁷ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 57.

²⁸ М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 567.

ны имели в виду для оставшихся детей заменить возможную мачеху родной тетей.

Первоосновой левирата и сорората, генезис которых уходит в патриархально-родовое общество, были экономические интересы семьи: боязнь лишиться рабочих рук, приобретенных на калымные средства данной семьи, а также учет родственных интересов — стремление сохранить и воспитать малолетних детей и тем самым продолжить семейный культ. Соглашаясь на женитьбу на сестре умершей, мужчина обычно руководствовался тем соображением, что в роли мачехи родная тетка будет воспитывать детей лучше, нежели чужая для них женщина.

Очень частыми были случаи женитьбы двух родных братьев на единоутробных сестрах («эки эгеч эки къярнашда»). Особую форму заключения брака представлял собой так называемый обменный брак, т. е. обмен родственниками. В таких случаях семьи обменивались дочерьми, выдавая их замуж за сыновей другой стороны, или же один из них отдавал дочь за сына другого, а тот отдавал свою сестру за брата первого. Равным образом юноши обменивались и сестрами или же девушками более отдаленных степеней родства. Указанные формы брака, генетически возводимые к экзогамии в условиях дуальной организации под влиянием патриархально-феодалных отношений, несколько видоизменились, сводя до минимума материальные затраты на свадьбу, прежде всего уплату калыма.

Отметим еще и такую форму заключения брака, к которой прибегал батрак «джалчы». Мужчина, прожив и отработав по найму у скотовладельца 5—10 лет, мог в виде исключения рассчитывать на безкалымную женитьбу на дочери хозяина. Если хозяин находил, что его работник весьма старательный, то он не только паделял его причитающимся количеством скота, но и вступал с ним в кровное родство, выдав за него свою дочь.

Одной из древнейших форм брака в прошлом было умыкание («къыз къачыру»). Похищение девушки с целью вступления в брак вызывалось, в первую очередь, опасением безуспешности попыток положительного решения вопроса мирным путем, или же ввиду отказа девушки от своего обещания выйти замуж, а иногда, если у засватавшего девушку не хватало средств на уплату калыма и слишком оттягивалось время свадьбы²⁹. По словам В. Я. Тепцова, похищение невесты женихом «применялся в том случае, если родители невесты не согласны на брак или принуждают девушку к браку с неправящимся ей женихом, или, наконец, если они требуют чересчур большой калым, которого жених не в состоянии выплатить³⁰. Аналогичное сообщение читаем мы и на страницах газеты «Терские ведомости» за 1894

²⁹ И. С. Щукин. Материалы для изучения карачаевцев, с. 57.

³⁰ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, с. 170.

год³¹. Во всех этих случаях авторы склоняются к тому, что чаще всего тайный увоз совершался «с согласия девушки путем подкупа окружающих ее женщин и при содействии похитителя»³². «Как только похищение обнаруживается,— пишет И. С. Шукин,— начинается преследование похитителей родственниками увезенной девушки, но отец ее сам никогда в этом участии не принимает. Вся задача похитителя заключается в том, чтобы успеть лишить девушку невинности, после чего он помещает ее у кого-нибудь из своих приятелей и вступает в переговоры с родственниками невесты. Родителям девушки представляется на выбор: либо согласиться на брак, либо взять опозоренную дочь обратно: обыкновенно они предпочитают первое»³³.

Несмотря на строгое преследование законом, практиковалось также, хотя и не широко, насильственное похищение девушки без согласия ее родителей и ее самой³⁴. И в этом случае похитивший невесту получал право на брак с нею. Если же похититель обнаруживался до того, как он успевал лишить невинности увезенной, то, по словам В. Тепцова, «невеста возвращается родителям, а жених расплачивается за бесчестье или головой, или в лучшем для него случае, карманом»³⁵. Наряду с тем, похититель лишался «права на получение невесты даже и в том случае, если он приготовит требуемый калым. Доставить ему жену и извинить его от общего презрения может только вторичное удачное похищение»³⁶.

Удачное похищение приводило к тому, что юноша получал согласие на брак как невесты, так и родных ее. Больше того, жених иногда и вовсе избавлялся от платы калыма. Но иногда родители девушки годами не признавали своими родственниками родителей жениха, а жених, в свою очередь, также избегал встречи с родителями невесты.

Похищение девушек считалось геройством, удалством джигита, поэтому на этот шаг решались самые «отважные из молодежи»³⁷. Обычно жених прибегал к похищению в том случае, когда был уверен, что его родственники, будучи влиятельными людьми, могли поддержать его. Неудачное похищение и возвращение невесты ее родственникам рассматривалось как позор для жениха и его родных. Обратное отвознение невесты, вызванное необходимостью удовлетворения оскорбленного достоинства, так-

³¹ Горец. Калым и его последствия.—«ТВ», 1894, № 147.

³² И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 171; И. Иванов и М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 566; К. Ф. Ган. В верховьях Кубани и Теберды.—«Кавказ», 1893, № 344; газ. «Северный Кавказ», 1902, № 4.

³³ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 171; И. Иванов и М. Ковалевский. Указ. соч., с. 566; К. Ф. Ган. Указ. соч., «Кавказ», 1893, № 344; «Северный Кавказ», 1902, № 4.

³⁴ В. М. Сысов. Указ. соч., с. 52.

³⁵ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 173.

³⁶ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 174.

³⁷ Там же, с. 174.

же ложилось тяжким позором на жениха и его родственников. С другой стороны, похищение девушки считалось оскорблением для ее родных и унижением достоинства девушки³⁸. Поэтому в создавшийся на этой почве конфликт втягивался широкий круг родственников и сородичей обеих сторон, которые прилагали все усилия для успокоения родственников невесты. В первую очередь, доверенные лица стремились выудить согласие девушки на данный брак, т. к., по народному воззрению, девушка, однажды «схваченная» («сюйрелген» — букв. «увезенная волоком»), на всю жизнь теряла счастье. Поэтому в большинстве случаев увезенная и припрятанная девушка, даже не побыв с похитителем, сама уже редко соглашалась вернуться к родителям домой, т. к. считала себя уже «опозоренной» на всю жизнь.

Заручившись таким образом согласием девушки, доверенные, часто пожилые почетные люди «джарашыуну келечилери», шли на мирные переговоры с родственной группой невесты³⁹. Как правило, многократные визиты и переговоры заканчивались примирением сторон, а жених сверх калыма платил «еще известную пеню за бесчестье»⁴⁰.

В противном случае возникала вражда, приводившая к тяжелым последствиям. По словам В. Тепцова, «иногда смуты, возникавшие на почве разногласия, порождали вражду, кровную месть и резню»⁴¹.

Похищение или умыкание женщины, бытующие в различных вариантах в житейском обиходе, у многих народов представляют собой первобытный способ добывания молодой жены⁴². По мнению исследователя семьи Н. А. Кислякова, брак с умыканием практиковался «в эпоху существования военной демократии, поскольку похищение женщины было связано с войнами»⁴³.

«В детстве всех народов... похищение невесты было общепринятым способом заключения брака»⁴⁴.

Обычай похищения девушек даже в его позднейших формах — похищение с согласия девушки (брак уходом «къачыб барыу») или по предварительному сговору обеих сторон (фиктивное похищение «джашыртын къачыб барыу») — в массе народа никогда не находил поддержки. Основной же формой создания семьи являлись браки, совершаемые по свободному соглашению вступающих в него и их родителей, основанные на обычном праве с неременной уплатой калыма⁴⁵. По свидетельству Ю. Клапрота, у карачаевцев «когда девушка выходит за-

³⁸ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 174.

³⁹ Н. А. Караулов. Балкары на Кавказе, с. 19.

⁴⁰ И. Иванов, М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 566.

⁴¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 173.

⁴² «Кавказ», 1902, № 2.

⁴³ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М., 1959, с. 204.

⁴⁴ М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895, с. 29.

⁴⁵ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 57.

муж, родители, по обычаю других татар, получают калым, пазируемый здесь «ценой крови»⁴⁶. Обычай уплаты калыма («къялын берлу») возник в эпоху разложения первобытнообщинного строя как классическая форма брака периода господства патриархальных семейных общин⁴⁷.

По мнению М. О. Косвена, обычай уплаты калыма возник на базе экономических факторов в эпоху расцвета родового строя, когда с уходом в замужество женщины сокращалась рабочая сила в хозяйстве, и это, естественно, пагубило материальный ущерб роду. Поэтому, отпуская ее, род (семья) требовал за нее известной компенсации в виде выкупа⁴⁸. Первоначально в Карачае калым уплачивался не семье или отцу, воспитателю девушки, а целой родовой группе — «къяуму», к которой она принадлежала, позднее — более узкому кругу родственников — «атаулу» и, наконец, семье девушки «къыз юйюне». При этом уплата калыма была не только делом одного жениха или его отца, а целой группы его родственников. Об этом свидетельствует бытовавший в дореволюционном прошлом обычай укомплектования имущества жениха, известный под названием «союм джыйуу». Сущность его заключалась в том, что жених с товарищем объезжал соседние коши. Каждый, к кому они обращались, давал что-нибудь из своего стада. Отказать было нельзя. Таким путем многие бедняцкие семьи преодолевали материальные затруднения, возлагаемые на них свадебными обычаями. Что же касается кулацкой верхушки, то для них этот обычай существовал как форма сбора дани с зависимого населения.

В условиях господства патриархально-феодальных отношений и фактическом преобладании малой семьи калым приобрел огромное значение, потому что служил прямым отражением развития соборнических отношений. Сохранению калыма способствовало не только натуральное хозяйство, но и падастройка в виде обычного права, нравов, религии и т. д. Несмотря на распад — патриархальной семьи «юйюр бирге», разложение натурального хозяйства и внедрение товарно-денежных отношений, в Карачае вплоть до победы Советской власти не наблюдалось каких-либо признаков отмирания калыма.

По достоверному свидетельству Н. П. Тульчинского, в горской среде не замечалось «стремления уничтожить неестественного обычая или, по крайней мере, уменьшить размеры его, напротив, с каждым годом этот обычай крепчает, и величина калыма обнаруживает повышательное движение»⁴⁹.

Сложившись в условиях укреплявшихся классовых отноше-

⁴⁶ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях, с. 247.

⁴⁷ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 66.

⁴⁸ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, сс. 134—135.

⁴⁹ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., с. 210.

ний, калым был с течением времени навязан идеологией и практикой господствовавших классов всему обществу. Если в глубокой древности калым рассматривался как материальное вознаграждение семье за потерю рабочей силы, то в феодальную эпоху он превратился в сделку по приобретению девушки, в акт купли-продажи невесты. Размеры калыма, определяемые обычным правом, находились в прямой зависимости от социального и имущественного положения родителей жениха и невесты.

Различные источники дают сведения, указывающие на эволюцию института калыма как продукта общественного развития, а также приводят разноречивые данные о его размерах. Размеры калыма никогда не были постоянными. В зависимости от договаривающихся сторон они то повышались, то понижались. Так, в адатах карачаевцев и балкарцев мы находим, что у князей «по древнему обряду калым заключался в 15 предметах: 5 крестьянах, 5 штук железными вещами и на 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, двух быков и двух лошадей»⁵⁰. В 1807 году, по прекращении чумы, было условлено выплачивать калым «у старшин за девушку 500 руб., за вдову — 300 руб., у каракишей за девицу — 220, за вдову — 150 руб., у кулов за девуку — 150 рублей, за вдову — 100 рублей»⁵¹. Однако впоследствии приговором было установлено: у князей 800—600 рублей серебром, который уплачивался большей частью скотом, у каракишей — 300 рублей серебром, у кулов калым состоял «из числа баранов, равняющегося в цене одной паре двухлетних быков, из двух кулов, одного ружья (ценою в 20 руб. серебром или в две скотины), из медного котла (в котором можно сварить одного барана), из одной коровы, без телка, из трехлетнего быка, из пары—двухлетних телков и из одной сабли»⁵². Анонимный автор первой половины XIX в. отмечает, что карачаевцы «для уплаты калыма разделяются по сословиям и по богатству на три разряда: первый платит до ста пятидесяти томанов (150 рублей серебром), последний разряд вносит не менее двухсот монет или рублей серебром за невесту ее родным, средний разряд расплачивается по взаимному договору»⁵³.

В архивном документе за 1890 год отмечается, что «фамилии Крымшамхаловых за норму калыма принято 1500 рублей, 2 быка и 2 лошади, в фамилиях Дудовых и Карабашевых калым не превышал 800 рублей»⁵⁴. К. Ф. Ган сообщает, что в Теберде калым состоял деньгами или скотом в размере от 350 до 1000 рублей, мулла за свадьбу получает 5 рублей⁵⁵.

⁵⁰ Ф. А. Леонтович. Адаты кавказских горцев, с. 274.

⁵¹ Там же, с. 274.

⁵² Ф. А. Леонтович. Указ. соч., с. 275.

⁵³ «Библиотека для чтения», СПб., 1849, т. 97, с. 64.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 60, д. 106, л. 47.

⁵⁵ К. Ф. Ган. В верховьях Кубани и Теберды.

По сведениям В. М. Сысоева, относящимся к началу XX в., в Большом Карачае размер калыма для знати колебался от 1500 до 2000 рублей, а для низших слоев — от 300 до 350 рублей, а в остальных селениях — от 50 до 600 рублей. Калым за вдову выплачивался вдвое или втрое меньше, чем за девушку⁵⁶. И далее он уточняет, говоря, что «по шариату калым не должен превышать 300 руб., но богатые платят по своему состоянию»⁵⁷. Побывавшему в Карачае и Балкарнии В. Я. Тепцову старики рассказали, что древние их предки не знали бытового обычая калыма и что он привился им уже под влиянием магометанства и теперь этот обычай настолько укоренился, что от «калыма» (цена за невесту) не избавляет жениха и похищение своей суженой⁵⁸.

Выдача девушки замуж без калыма считалась позором для ее семьи и рода. Взимание калыма в одинаковой степени вошло в норму обычного права карачаевцев и балкарцев. Н. П. Тульчинский, например, сообщает, что у балкарцев «таубин вносят калым до 1500 рублей, пару быков, две лошади, а по совершении некиха еще одну хорошую лошадь, называемую передовою «алат»⁵⁹. Каракиши выплачивают от 600 до 800 рублей и тоже пару быков и лошадь, простой народ не свыше 200 рублей и также скотом.

«Калым в широких размерах — это бич горского населения, т. к., разоряя одну семью, он не обогащает и второй, который все полученное в калым с прибавлением своего тратит на подарки и различные угощения»⁶⁰, — замечает в своем отчете начальник участка в Карачае. Отмечая бремя калыма, он пишет, что «не лишним было бы установить плату калыма для бедных классов от 40 до 80 рублей, средних — от 80 до 200 рублей и богатых — не более 500 рублей»⁶¹.

Что касается подарков, вносимых женихом во время сватовства, то в «некихах» выговаривали лошадь в пользу отца или дяди невесты («ана къярнаш»), лошадь в пользу ее брата («эгечден туугъан») и лошадь в пользу молочной матери («сиут ана») ⁶².

Переговоры о калыме и подарках «берне», их размерах велись во время сватовства. Взаимные соглашения сторон происходили между сватами в доме невесты. На церемонии обычно вносилась первая часть калыма в качестве задатка, а затем происходил обряд венчания («некиха»), совершаемый эффендием⁶³.

⁵⁶ В. М. Сысоев. Карачай, с. 52.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, с. 168.

⁵⁹ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды, с. 209.

⁶⁰ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 1229, л. 50.

⁶¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1229, л. 50.

⁶² М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 565.

⁶³ И. С. Щукин. Указ. соч., с. 58.

Уплата основной части калыма производилась в течение нескольких сроков. Калым мог уплачиваться деньгами, оружием, скотом и другими ценностями⁶⁴. Нередко (в силу отсутствия денег) калым уплачивался скотом или же $\frac{1}{3}$ деньгами и $\frac{2}{3}$ скотом по оценке на деньги⁶⁵. Немало примеров, когда в качестве калыма приходилось платить до 100 голов скота.

Вместо денег или скота иногда калым уплачивался участками пахотной и покосной земли, но тоже в пересчете на деньги. По обычаю, весь калым должен был поступить в собственность невесты⁶⁶, но на деле им распоряжались ее родители. Поэтому некоторые предусмотрительные отцы женихов старались «вместо денег или скота давать земельные участки», т. к., отделившись от своих родителей, они имели право «взять калымный участок в свое пользование»⁶⁷.

Если по каким-либо соображениям бывшие собственники земли желали вернуть калымный участок в свое пользование, то они уплачивали молодым оценочную сумму. «Отдавая в калым земельный участок,— замечал Н. Тульчинский,— родители молодого руководствуются благоразумными побуждениями сохранить что-либо из калыма для сына и его жены. Кроме того, при отдаче калыма землею и скотом соблюдаются и материальные выгоды: обыкновенно в подобных случаях посредники принимают все меры к тому, чтобы как можно дороже оценить скот и земельные угодья, дабы хоть этим немного парализовать тяжелые обязанности, налагаемые на женихов и их родителей»⁶⁸.

Если случалось, что жених умирал еще до свадьбы, то родные девушки вправе были требовать половину оговоренного калыма, точно такой же частью калыма она пользовалась, если жених по каким бы то ни было обстоятельствам отказывался от нее⁶⁹.

Уплата калыма для бедной семьи была делом очень трудным. Немало крестьянских семей в результате больших свадебных расходов доходило до грани разорения. Обременительность расходов на брак особенно тяжело отражалась на положении батраков, наемных пастухов. Некоторые из них так и умирали неженатыми, не успев скопить средства для уплаты калыма, многие были вынуждены откладывать брак на долгие годы. Из-за трудности уплаты калыма сплошь и рядом можно было

⁶⁴ Г. Ю. Клапрот. Указ. соч., с. 250; Г.-Д., Указ. соч., с. 64.

⁶⁵ И. П. Тульчинский. Указ. соч., с. 209.

⁶⁶ Здесь уместно отметить, что в Карачае получило некоторое признание шариатское решение права жены на калым. Согласно идее шариата калым должен был служить обеспечением жене на случай развода и на образование отдельного имущества замужней женщины. См.: Б. Миллер. В Карачае, с. 398.

⁶⁷ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., с. 210.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 19; Ф. А. Леонтович. Указ. соч., с. 283; И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 564.

видеть супружеские пары, в которых муж был старше жены на 15—20 лет⁷⁰.

Бремя калыма иногда облегчалось благодаря помощи близких родственников и растягивания сроков уплаты калыма. Последнее обстоятельство приводило к тому, что между сговором о браке и свадьбой проходили годы—от одного года и до 10 лет⁷¹: смотря по тому, в какое время жених мог уплатить определенный калым, а невеста подготовиться для супружеской жизни. Более продолжительные сроки допускались в том случае, «когда будущие супруги находятся в колыбели»⁷², т. е. были обручены малолетними.

До отмены крепостного права взнос от калыма составлял одну из повинностей зависимого крестьянского сословия. Адатами было определено, что «при выдаче дочерей, каракиши дают из калыма своему старшине две скотины...»⁷³. Эта часть калыма присваивалась владельцем под предлогом «подарка от эмчекмена», что означает «плату за молоко». Точно так же сказано, что «из калыма, получаемого кулами, отдается старшине 3 скотины», в то же время «пользовавшись калымом за дочерей, он обязан за жену свой калым уплачивать сам»⁷⁴. Хозяин, женивший своего дворового человека, не имевшего собственного хозяйства, по обычаю, калым уплачивал сам⁷⁵. Но владелец мог разрешить и не разрешить своему домашнему рабу обзавестись семьей, а кул по обряду имел право «в уплату за жену отдать в калым дочь свою»⁷⁶.

Зажиточная верхушка населения с помощью калыма нередко приобретала по нескольку жен из семей бедняков, превращая их затем в своих наложниц «тос».

В связи с тем, что устройство свадьбы требовало значительных затрат, юноша уже в возрасте 15 лет вынужден был подумать о женитьбе и начать готовиться к ней. По сообщению В. Я. Тепцова, калым и все остальные расходы он должен был «заготовить сам, своими руками»⁷⁷. Если он думал выделиться из семьи, то необходимо было построить новую саклю и завести новое хозяйство. На все это, как отмечает тот же автор, «нужны были годы терпения и труда, особенно для бедняка»⁷⁸.

С институтом калыма в какой-то степени связаны «приданое» («юй керек») и подарки, преподносимые невестой в дом жениха «берне». Эта связь заключалась в их мнимой эквивалентности. В отличие от калыма («къалын») состав приданого

⁷⁰ И. Тамбиев. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону, 1931, с. 15.

⁷¹ «КОВ», 1880, № 7.

⁷² Там же.

⁷³ Ф. А. Леонтович. Адаты кавказских горцев, с. 276.

⁷⁴ Там же, с. 277.

⁷⁵ Там же, с. 283.

⁷⁶ Там же, с. 77.

⁷⁷ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 170.

⁷⁸ Там же, с. 169.

и «берие» не были строго определенными, все зависело от отца или матери девушки. Приданое девушка начинала собирать чуть ли не с самого детства. Из различных подарков, преподносимых ей родственниками в разных случаях, а также от сбора личного имущества составлялся свадебный наряд и приданое девушки. Среди карачаевских девушек и парней существовал обычай «джашартыи хабчюк джыйгъан адет». Девушкам разрешалось иметь в личной собственности негласные вещи, приобретенные путем реализации украденной шерсти, сукна и т. д., а юноши, в свою очередь, тайно от отца и матери продавали скот из отары. Обычай этот именовался «шёнчю».

Отмечая указанный обычай, В. Я. Тепцов писал: «Живя еще в доме родных, девушка может иметь свое особое имущество и приращать его. У нее есть овца или корова (полученные ею в подарок — И. Ш.), приплод с которых обращается в деньги, а на последние заготавливаются подушки, перины, одеяла, белье и прочее. У нее есть куры, приносящие ей небольшой доход, для нее отделяется часть пряжи и она обращает ее, смотря по необходимости, или в деньги, или в вещи. Сметливые, практичные девушки за время пребывания собирают таким путем небольшие капиталчики, обеспечивающие их на черный день»⁷⁹.

Приданое девушки состояло главным образом из одежды — ситцевого белья, шелковых рубашек, бешметов, серебряного нагрудника, платков, шалей и т. д., постельных принадлежностей — ковров, кошм, сундуков, шкатулок, различной величины тазов, кумганов, котлов и другой посуды⁸⁰. Все это, поступая в пользование молодой семьи, в различные сроки, считалось личным имуществом невесты и «должно было возвращено ей в случае развода»⁸¹. Представители высшего сословия своим дочерям при выходе замуж давали иногда крепостных «къарауаш».

Особое место в составе приданого занимал «берие», т. е. подарки, привозимые ювобрачной для родных мужа — предметы одежды, различные мелочи — кисеты, шнуры для шаровар, пистолетов, часов, а также предметы одеяния для родственников жениха, и т. д. Эта сторона свадебных расходов достигала значительных размеров и не бывала меньше предварительного калыма. Отец невесты должен был заготовить и наделить подарками «всех членов жениховой семьи, как бы она велика ни была»⁸². Прежде всего, по обычаю, отцу и матери жениха предлагались полные национальные костюмы. Для бабушки жениха шили бешмет «сырылгъан къабдал», заменявший собой пальто, дедушке — кафтан «къантал», затем братьям, сестрам, племянникам и племянницам жениха приготавливали по одной или две принадлежности одеяния, для молодых девушек — всевозмож-

⁷⁹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 169.

⁸⁰ «КОВ», 1800, № 7.

⁸¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 169.

⁸² Н. Грабовский. Указ. соч., с. 20.

ные мелкие предметы: серьги, кольца, пояса, зеркала, наперстки, платки, шкатулки и т. д. Отец девушки особо отмечал сватов, надевая их сукном, одеждой, скотом, оружием, т. к. при совершении брачного обряда сваты вносили некоторую долю калыма из личного кармана. Затем следовали подарки, привозимые женихом к дому невесты, подарки невесты родственникам жениха, подарки дяде жениха, доставившему так называемый «той мал», т. е. необходимый для устройства свадьбы скот, подарки отца невесты жениху и т. д.

Несмотря на то, что браки в большинстве случаев совершались путем свободного договора с родителями невесты, однако в условиях господства патриархальных отношений в семье выбор невесты для юноши зависел от воли родителей, нередко даже не требовалось согласия жениха и невесты⁸³. Прежде всего, когда юноша достигал брачного возраста, собирался семейный совет, на котором обсуждался вопрос, на ком бы его женить.

Хотя при выборе невесты учитывались и личные качества девушки (красота, возраст, воспитанность в духе этикета, прилежание к рукоделию), но нередко о невесте судили по родителям. Об этом говорит выражение «Анасын кёр да кызын ал» (приглядишься к матери и женишься на дочери). В наиболее ранних сведениях по этому вопросу, которые приводятся Г.-Ю. Клапротом и М. Ф. Бларамбергом, находим следующее сообщение: «Если молодой человек хочет взять себе жену, то он своим родителям ничего не говорит об этом, чтобы они не могли помешать его выбору и испортить дело. Но обычно родители сами подыскивают для него такую жену, которая подходит ему по его положению и богатству»⁸⁴. Обыкновенно жених сообщал предварительно кому-либо из участников совещания о своем выборе⁸⁵ или же «подходящую пару» для своего сына подбирали мать, отец или их ближайший родственник. На семейном совете высказывали свое отношение к роду невесты, к ее семье. Если по справкам это семейство удовлетворяло всем условиям обычая, то сообщали об этом сыну.

Сын мог объявить о своем выборе матери или посреднику («селештирген адамгъа»). Затем друзья и товарищи начинали «усиленно предлагать намеченную женихом девушку, расхваливать ее достоинства» и неволью склоняли «в ее пользу и родителей жениха»⁸⁶. Случалось и так, что с желанием юноши могли не посчитаться, и тогда отец и мать передавали сыну о выборе невесты. Но бывало и так, что ни отец, ни мать, ни жених сам предварительно не смогли наметить невесту и тогда ему «давали дорогу» («джол берну»), намечали определенный срок для

⁸³ «КОВ», 1880, № 7; Н. А. Караулов. Балкары на Кавказе, с. 146; В. М. Сысоев. Карачай..., с. 52.

⁸⁴ Адыги, балкарцы и карачевцы в известиях, с. 247, 426.

⁸⁵ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58.

⁸⁶ Там же.

выбора невесты. Юноша разъезжал по родственникам в окрестных селениях, посещал танцы, устраиваемые на свадьбах или праздниках, участвовал в различных состязаниях. Молодые люди устраивали своеобразные негласные смотрины («джашыртын кыыз сайлау») и свидания с «кыыз керюу», где гостю представляли возможность рассмотреть девушку и показать себя.

Остановив выбор на той или иной девушке и обсудив ее в узком кругу семьи, приступали к предварительному сговору; о кандидатуре наводили стороною справки, как смотрят на предполагаемый брак родители невесты. Если последние ничего не имели против брака, то приступали к официальному сватанью «кыыз тилеу». Для этого родственникам жениха поручалось отправиться к родителям выбранной девушки и начать сватовство. Самым почетным доверенным («келечи») считался дядя по матери⁸⁷.

Доверенные, прибыв к родителям девушки, смотря по обстоятельствам, или прямо объявляли о своем намерении, или же давали знать о нем намеками. Обыкновенно с первого или даже со второго раза родители не давали своего согласия на брак дочери. Сваты настойчиво излагали свою просьбу, а родители девушки («кыыз юю») давали уклончивый ответ; отговаривались тем, что к этому делу семья не подготовлена, что ей еще не к спеху, давали обещания спросить о согласии самой невесты и т. д. Полевые материалы подтверждают литературные сведения о том, что если соглашение между доверенными жениха и родителями невесты состоится, то «невесту обыкновенно действительно об этом спрашивают»⁸⁸. Если семейным советом принималось предложение доверенных жениха, то призывали девушку из семейства аталыка невесты и вместе с нею посылали доверенного жениха к самой невесте узнать лично от нее, желает ли она вступить в предлагаемый брак. Доверенный жениха после трехкратного вопроса о согласии девушки на брак, получивши удовлетворительный ответ, возвращался к родным девушки и объявлял им об этом⁸⁹.

О нежелании невесты догадывались только по второму ответу. Поскольку, по обычаю она не имела права отвечать отказом, то она старалась дать понять, что жених ей не по вкусу.

И. С. Шукин сообщает, что «если последнее средство не достигает цели, то она иногда бежит с тем, кто ей нравится»⁹⁰. В. Я. Тепцов замечает, что если родители действительно добры «к своей дочери, то они отказывают доверенным, несмотря на состоявшееся уже соглашение в случае второго ответа»⁹¹. При

⁸⁷ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 175.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Н. Грабовский. Указ. соч., с. 12; М. Ковалевский. У подошвы Эльбурса, с. 564.

⁹⁰ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58.

⁹¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 175.

этом, во избежание обиды со стороны родственников жениха. истинную причину своего отказа родители девушки не называли, поэтому сватам и приходилось еще по нескольку раз являться в семью девушки за получением окончательного ответа «ахыр сёз».

Если жених ей нравился, то она отвечала, что «я исполняю волю моих родителей». Назначался день, в который должен был состояться официальный стговор «сёз таусуу». В условленное время семья жениха посылала своих представителей в дом невесты. Гостей встречали с теплыми приветствиями и рассаживали в кунацкой. С ними в комнате в это время присутствовали соседи и родственники из семьи девушки. Прежде чем приступить к угощению, гости изъявляли свое желание видиться с хозяевами дома и решить порученное им дело. Пока женщины приносили угощение, часть уполномоченных переходила в большую комнату дома («уллу юй»), где находились родители и ближайшие родственники невесты. Здесь происходила церемония стговора, составление брачного условия «некях» — уговаривались относительно размеров калыма и тут же вносили задаток, совершали обряд венчания, устанавливали срок свадьбы. У тех, кто не совершал описанный выше обряд, дети считались незаконными («некяхсызла»).

После «некях» стороны готовились к свадьбе. Девушка и ее семья готовили приданое, наряды и «берне», а сторона жениха начинала выплачивать по частям калым⁹². Обычно при акте совершения «некях» сторона жениха выплачивала $\frac{1}{3}$ калыма, а также делались соответствующие подарки. В зависимости от состояния, отцу или брату невесты дарили лошадь и пару быков, а эфенди, писавшему условие, одну лошадь или 10 рублей⁹³. Несмотря на помощь, оказываемую односельчанами и родственниками, многие не могли в положенный срок уплатить калым, и невеста несколько лет оставалась в доме родителей.

Все это время жених и невеста не могли открыто видиться, визиты наносились тайно при содействии родственниц невесты⁹⁴.

За несколько дней до свадьбы начинались приготовления к празднику как в доме жениха, так и в доме невесты: выделялись специальные лица для оповещения и приглашения гостей, готовили угощение, резали баранов и быков, пекли ритуальные пироги — «берекле», «кыырым хычыла», «чыкьыртла», варили бузу, пиво «сыра». Из приглашенных родственников назначались ответственные за торжественную часть («кэуанчны тамадасы»), другие — за продовольственную часть («гёзен бийче»), третьи — ответственными за столы («шапала»), четвертые — «за безопасность» свиты жениха, пятые — за освещение и отопление и т. д. Лучшим и счастливейшим днем для свадьбы считалась

⁹² И. С. Щукин. Указ. соч., с. 58.

⁹³ Н. Грабовский. Указ. соч., с. 15.

⁹⁴ Н. П. Тутьчинский. Указ. соч., с. 207.

пятница «Байрым куп»⁹⁵ («день святой Марии»). Перед отпавкой людей за невестой устраивалось угощение («атланган аяк»), определяли желающих участвовать в свадебной процессии. Участники перевоза невесты («кюеудженгерле»), снарядившись в целую группу верховых, с флагами («байракъ»), на которых изображалось родовое тавро жениха над родовым тавром невесты, с песней «Орайда» направлялись за невестой⁹⁶. В некоторых случаях свадебный поезд направлялся «в сопровождении жениха, но большею частью без него»⁹⁷. Свиту сопровождаителей невесты возглавлял почетный мужчина («тамада кюеудженгер») — ближайший родственник жениха.

Увоз невесты из ее дома в дом жениха носил характер как бы насильственного действия: во дворе происходила шуточная борьба за невесту, ее как бы «силой» отнимали у родных⁹⁸. Так, за день-два до прихода свиты во дворе вырывали яму, которую наполняли грязной водой. Родственники невесты, вооружившись хворостинами, били кюеудженгеров, стаскивали их с лошадей и старались гостя спихнуть в эту яму⁹⁹. Ударить при этом лошадь джигитам считалось неприличным, хотя они и старались смять толпу конями и проникнуть во двор.

По свидетельству М. Алеиникова, в такие минуты многим приходилось побывать в грязной ванне и быть на некоторое время предметом всевозможных насмешек веселого общества¹⁰⁰. Чтобы избавиться от всех этих неприятностей, приходилось откупаться подарками¹⁰¹, но никто из участников свадебной процессии не протестовал и не выражал своего неудовольствия.

Проникнув во двор, «кюеудженгеры» находили двери сакли закрытыми и около них стоял кто-либо из родственников невесты, чаще всего мальчик. К нему подходил один из джигитов и просил пустить их за выкуп, на что охраняющий двери отвечал вопросом: что ему обещают за это дать и кто поручается, что обещание будет исполнено. Кто-либо из рядом присутствующих поручался, обещая теленка или что-либо подобное¹⁰². Наконец, кюеудженгерле попадали в дом невесты. Здесь для прибывших накрывали столы, их поили пивом и бузой, для гостей устраивали танцы.

При этом у кюеудженгеров могли забирать седла, сбрую, девушки выпрашивали кинжал, часы, пояс и другие вещи. Дружкам жениха приходилось исполнять требования девушек, т. е. по обычаю отказывать считалось неприличным. Во время тан-

⁹⁵ Н. А. Караулов. Балкары на Кавказе, с. 19.

⁹⁶ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 58.

⁹⁷ «КОВ», 1880, № 7.

⁹⁸ М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 566; «КОВ», 1880, № 19.

⁹⁹ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 59; Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 166.

¹⁰⁰ «КОВ», 1880, № 19.

¹⁰¹ Там же; И. С. Шукин. Указ. соч., с. 59.

¹⁰² И. С. Шукин. Указ. соч., с. 60.

цев существовал обычай выкупать девиц: подводили к какому-нибудь из молодых парней девицу и заявляли, что она взята в плен и что он должен ее выкупить¹⁰³.

Подобного рода инсценировки продолжались до тех пор, пока наряжали невесту. Невеста сама не одевалась, а наряжали ее подруги — молодые снохи, которым выдавали подарок деньгами «кийиндиргенлик». Переодевали невесту в нарядный национальный костюм «той чебкен», который сшивался из ярких шелковых тканей или бархата с галунами. На шее и на груди невесты красовались украшения из серебра и золота «түйме», талия опоясывалась металлическим поясом «кямар». На голове сверху шапочки «окъа бёрк» был шелковый платок «чилледжаулуқъ». Старшая из подруг сообщала, что невеста наряжена, но на голову ее требуется покрывало. Тогда шафер жениха преподносил покрывало («ау джаулуқъ») с обручальным кольцом. Затем проводился обряд «перевода невесты с циновки» («келини джегенден тюзюрюу»). Это поручалось близкому родственнику жениха — обычно его младшему брату. Он подходил к невесте, брал ее за руку и со словами: «Келиним, джаным, огъур аякъ бла атландырайым» («Невеста, душенька моя, я сопровождаю в добрый путь»), делали несколько шагов к выходу, за что родителям невесты преподносили определенные ценности, известные под названием «джегенден тюзюргенлик».

Во время вывода невесты из комнаты ее подруги становились у двери, требуя, чтобы гости заплатили плату за открытие двери («эшик ачхан сауғъа»).

Невесту, одетую в свадебную одежду, подруги выводили из саки и направлялись с ней к заранее приготовленной для нее лошади с провожатым. Под напутственные слова и благословения невесту усаживали на седло и передавали под покровительство сидящему сзади нее на той же лошади провожатому, обыкновенно человеку почтенных лет, который, придерживая одну рукой невесту, а другую управляя лошадью, направлялся в путь¹⁰⁴. Еще во второй половине XIX в. невесту увозили на арбе или подводе, украшенной войлоками, а рядом с ней сидела девушка, приехавшая со стороны жениха. Свадебный поезд не выпускали со двора, некоторое время продолжалась игра-бой молодежи. После специальной платы («къабакъ бегитгенлик») свадебный поезд выезжал со двора. На пути свадебного поезда, в каком-нибудь узком месте, молодые люди устраивали баррикады из камней и бревен. И каждый раз приходилось откупаться за невесту. Для этой процедуры сзади свадебного поезда следовал специальный выюк с пивом и бараниной¹⁰⁵. Аналогич-

¹⁰³ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 59.

¹⁰⁴ «ҚОВ», 1880, № 19; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 176; М. Б. Лето на Кавказе. — «Русская мысль», 1904, № 7, с. 3.

¹⁰⁵ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 177.

ные игры-инсценировки паблюдаются почти у всех соседних народов.

Все эти обычаи, будучи пережитками патриархально-родовых традиций, в какой-то степени служили далеким отголоском брака, в котором сородичи стремились получить свою долю в купле-продаже невесты.

Свадебная свита состояла из сопровождающих дружков жениха («кыздженгер джашла») и молодой женщины-паставницы («кыздженгер кьатыш»). Джигиты, сопровождающие свадебный поезд, гарцевали на лошади, пели песни, стреляли из ружей и пистолетов. Лошади паездников украшались разноцветными платками, полотенцами, которые известны под названием флаги («байракъ»). Впереди везли знамена с изображением тамги невесты и жениха. Потерять эти знамена считалось большим позором. Поэтому знаменосцы отделялись от свадебной свиты и на всем скаку подъезжали к дому жениха с пением свадебной песни «Орайда». Промчавшись сквозь толпу, стоящую во дворе, всадники на разгоряченных конях устремлялись в помещение («отоу» или «от юй»). Кое-кому удавалось проделать трюк и въехать верхом на лошади во внутрь помещения, за что он получал соответствующее вознаграждение¹⁰⁶.

На некотором расстоянии от дома жениха торжественный поезд останавливался¹⁰⁷. Навстречу выходила женщина из числа родственниц жениха «эки насыби болгъен тышырыу», которая брала ее под руки и вместе с девушкой направлялись медленным шагом в комнату, приготовленную для нее.

Когда невеста переступала порог (непременно правой ногой), раздавались возгласы: «Входит в дом счастье». Причем на пороге дома от «сглаза» клали кусок железа.

Ввод невесты в дом жениха («отоу») один из важнейших моментов брака — сопровождался рядом обычаев. Чтобы оградить молодую от нечистой силы, колдовства, прибегали к магической силе железного предмета: над головой девушки держали кинжал, а у порога ставили подкову. При входе молодой в дом мужа ее осыпали монетами, конфетами, орехами, зерном, «чтобы во всем было изобилие, богатство»¹⁰⁸. Магический прием, направленный для обеспечения богатства, сладости жизни и плодотворности новобрачных, известен многим народам Кавказа.

Невесту обнимали дети, затем пожилые женщины, свекровь и присутствующие девушки, а в это время дети собирали осыпанное с земли. Почтенный старик, держа в руках чашу с бузою («гоппан аякъ»), читал приветственную здравицу «алгъыш», в которой высказывалось пожелание, чтобы ее привод принес счастье для ее новой семьи. Содержание «алгъыша» составляли

¹⁰⁶ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 177.

¹⁰⁷ «Если жених имел аталыка, то невесту везли к нему в дом, где она оставалась несколько дней» — И. Ш.

¹⁰⁸ Антология карачаевской поэзии. Ставрополь, 1965, с. 74.

поучающие советы старших молодой чете, своего рода поэтический свод правил поведения в быту и в коллективе.

В старинных здравницах встает образ женщины — невестки, жены, матери, хозяйки, рисуемый в соответствии с требованиями обычного права горцев. Представляя собою как бы свод семейной морали, в них звучат поэтические призывы и любви, и уважения.

В комнате повобрачных («отоу») невесту ставили в угол, где она с лицом, закрытым шелковым платком («чилле джаулукъ»), находилась все время свадьбы. А рядом с нею находилась «къыз дженгер къатын», которая обслуживала ее нужды в течение 3—4 дней, а за столом сидели несколько юношей из числа ее ближайших родственников («къыз дженгер джашла»).

Свадьба («той») продолжалась 3—4 дня, а у зажиточных 6—7 дней. В доме жениха устраивали большие праздничные угощения, для чего резали несколько баранов или вола, в зависимости от состояния родителей жениха. На свадебный пир приглашались почти все жители аула. Это был праздник всех жителей соседних кварталов.

Свадьба была не только актом торжества, но нередко она становилась важнейшим фактором восстановления дружественных отношений среди членов тукума и соседей — односельчан. В такие дни старались помирить ранее враждовавших между собой лиц и родственников, т. к. считалось позором, если кто-либо из родственников оказывался в стороне от такого торжественного события «жуукъну къуанч кюню».

Для угощения составлялись столы и компании: для молодежи и пожилых порознь, отдельно для женщин, для невесты с подругой, для «къыз дженгеров». Каждую компанию возглавлял глава стола («тамада») и обслуживал его помощник «шапа». Все претензии к столу гости передавали тамаде, а с его разрешения и шапе, который словом и делом обязан был выполнить требования гостей.

Во время свадебного пиршества и танцев, как отмечали в свое время Г.-Ю. Клапрот и И. Д. Бларамберг, молодые люди заводили новые знакомства с девушками селения, в результате чего возникали «многие любовные истории, кончающиеся новыми свадьбами»¹⁰⁹.

Для ввода невесты в большой дом («улла юй») устраивался пир, посвященный вводу невесты в большой дом — помещению родителей («юйге киргенлик»). Это происходило через 7—10 дней, иногда через месяц-два после тоя. В этот день прибывала большая свита со стороны невесты («джыйын»), которая привозила с собой подарки к родителям жениха и его многочисленным родственникам («юй къач»), а также несколько платков («ау джаулукъла»).

¹⁰⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях, с. 247, 426.

Перед торжественным вводом невесты в дом родителей мужа в присутствии родственников и знакомых гости снимали с нее шаль («ауджаулукъ»), накинутый ей на голову родственниками жениха перед тем, как перевезти ее с родительского дома.

Молодую вели под двумя-тремя покрывалами («башына атахан ау джаулукъла») с падетыми на пальцах обеих рук кольцами, к которым привязывали (вдевали) по платку («кьол джаулукъ»)¹¹⁰. Под пение «Орайда» молодую торжественно заводили в большую комнату («уллу юй»). Сюда же заносили сундуки с приданым и «берне». Молодую встречали родители мужа: свекровь — с ритуальными пирогами («алгыш сахан»), свекор — с чашей бузы или медового напитка «алгыш чайк». Почтенный старик произносил в честь молодых здравицу («алгыш»). Затем кому-либо из родственников поручалось снять с головы молодой покрывала («ау»), что он и делал кончиком обнаженного кинжала¹¹¹. Произносивший «алгыш» обсыпал невесту орехами, конфетами, монетами, «чтобы у нее хорошо велось хозяйство»¹¹². Чаша с бузую и поднос с пирогами передавался в круг присутствующих. Причем первый глоток должен был сделать подросток — «счастливо растущий мальчик» («есюб келген насыблы сабийчик»), а затем чаша переходила от старших к более младшим, отпивая, высказывали пожелания благополучия молодым¹¹³.

По завершении ритуала «снятие шали» («аун Алгъан адет») невестку в сопровождении «къыз дженгер къатын» возвращали в свою комнату. С этого дня невестка получала право участвовать в хозяйственной жизни семьи. Она могла свободно входить во все комнаты, прислуживать родителям мужа, но говорить с ними еще не осмеливалась¹¹⁴. По свидетельству Н. Грабовского, с этого времени она остается навсегда с открытым лицом и если случается, что закрывает его иногда после, то это делается лишь при посещении ее особенно важными гостями»¹¹⁵.

Церемониал ритуала показа народу привезенного молодою приданого и «берне» был следующим. Присутствующим в церемонии демонстрации раздавались побочные подарки: женщинам — передники («хотала»), мужчинам — полотенца, детям — носовые платочки, кисеты и т. д. Затем открывали сундук, и, поименно называя одариваемых лиц, перечисляли подарки, которые откладывались в сторону. В отдельном узелке находились наряды невесты, предназначенные для «снятия». Совершался обряд замены девичьего наряда («чебген тешген»). Из всего девичьего наряда у невесты оставалось лишь одно или два пла-

¹¹⁰ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 62.

¹¹¹ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 174.

¹¹² «Кавказ», 1902, № 2.

¹¹³ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 62.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 17.

тя, а все остальное она снимала. Ближайшие родственницы жениха разбирали платья невесты, чем больше она «снимет», тем похвальнее отзывались родичи. Гости возвращались к рассвету. Их сундуки наполнялись продуктами свадебного пира («ау алыргъа баргъан гырджын»), различными пирогами, сладостями, кусками вареного мяса и т. д.

На следующий день или на третьи сутки приходили «дружки невесты» («къыз дженгерле»). Их также одаривали множеством яств из свадебного стола, так называемым «къыз дженгерни гырджыны». Гостей провожал жених, который знакомился с ними во время обряда («болушдан юйге джыйыу») — ввод жениха в родительский дом.

На седьмой-десятый день свадьбы к родителям невесты отправляли большие подарки свадебного стола «уллу сый» (сюда входили: бараны или бык «союм малла», большое количество мучных изделий «гырджынла» — пироги «къырым хычынла», «чыкъыртла», «бёрекле», халва, зерно в мешках, масло в ведрах, мед, отцу и матери невесты — сукно для костюма, платки и т. д.). «Сый», его обилие, разнообразие продуктов и изделий рассматривалось как показатель хозяйственной мощи жениха. Основная часть продуктов «сый хант» раздаривалась среди родных и соседей дома невесты.

С момента переезда невесты и до совершения обряда — при-вод жениха в родной дом «болушдан чыгъарыу» жених никому не показывался. Все это время он находился в доме своего хорошо знакомого человека или родственника, который с этого дня становился для него родственником, вроде аталыка и назывался «болуш юй»¹¹⁶. По этикету жених в свадебном поезде также не участвовал, а если и принимал какое-то участие, то следовал сзади и въезжал к своему «болушу»

По сведениям Грабовского и Алейникова, молодой супруг жил в доме своего приятеля «болуш юй» не только в свадебное время, но часто, по обычаю, оставался в этом доме несколько месяцев и даже год¹¹⁷. Когда молодой супруг покидал «болуш юй», то хозяева дома устраивали угощение аулу. В благодарность за гостеприимство новобрачный дарит при этом случае лошадь, а потом, от времени до времени, семейство болуш юй получает и другие подарки, более или менее ценные. Благодарность за гостеприимство вообще не ограничивается только материальным вознаграждением, но выражается также и покровительством семейству «болуш юй»...¹¹⁸. По мнению М. Ковалевского, проживание жениха в чужом доме, а также его отсутствие в свадебном поезде связано с сохранением следов старинного обычая похищения невесты¹¹⁹.

¹¹⁶ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 15; И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., с. 565—566; В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 177.

¹¹⁷ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 17; «КОВ», 1880, № 19.

¹¹⁸ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 17—18.

¹¹⁹ И. Иванюков и М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса, с. 565.

После совершения обряда «вывода из болуша» («болушдан чыгыару») новобрачный переставал избегать встречи со своими родителями, свободно занимался домашними работами.

Жених виделся с невестой на третий или же иногда на четвертый день привоза ее в его дом. К молодой супруге он отправлялся тайком ночью, в сопровождении дружка — молодого однопосельчанина. Если узнавали, что новобрачный прокрался к жене в саклю, то разыгрывали сцену «испытание терпения» молодых. Взирались на крышу и бросали в трубу каминна кошек, петухов, щенят и всякую мерзость¹²⁰, создавая тем самым помехи молодым. Невеста находилась в «отоу» в присутствии приставленной к ней молодой женщины «ккыз» дженгер къатын», которая надевала на нее вместо обычного корсета «тартуу» особый корсет «чуба». Утром жених уходил из «отоу» тайком до рассвета¹²¹.

Забавы ради, сверстники жениха и невесты, соседские парни до самого утра устраивали шумную обструкцию вокруг «отоу». С этого дня новобрачный считался нечистым. Лишь устроив «очистительный пир», он всенародно признавался законным мужем. Утром после первой брачной ночи женщина-наставница «ккыздженгер къатын» и дружок жениха «кюеудженгер джаш» должны были известить родителей невесты о ее девственности.

Новобрачная первое время не могла непосредственно говорить со старшими членами семьи мужа: отцом, матерью, старшими братьями и сестрами, также и новобрачный избегал встречи с родителями своей жены¹²². Молодая не разговаривала с родителями — свекровью, старшими братьями мужа до тех пор, пока они не одаривали ее за «держание языка» («тил тутханлык»).

По обычаю, в знатных фамилиях отец жениха и старшие его братья месяцами совершенно не видели свою невестку, нередко она была обречена на всю жизнь оставаться затворницей¹²³. Выходить на улицу и подышать свежим воздухом она могла только в сопровождении девочек ранним утром и поздним вечером. Мать и сестры мужа (и вообще родственники женского пола) могли свободно и во всякое время дня видаться с невесткой.

Существовали различные игровые сцены, устраиваемые в этот период соседской детворой по самым различным поводам, как, например, «кюл байлаган» (завязывание рук), «алтын тюк» (золотой волос) и т. д. Во всех этих случаях требовались подарки — выкупы со стороны невестки.

Молодая невестка постепенно включалась в хозяйственную жизнь. Исполняла отдельные поручения старших женщин в до-

¹²⁰ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 179.

¹²¹ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 60; «КОВ», 1880, № 19.

¹²² И. С. Шукин. Указ. соч., с. 62.

¹²³ «КОВ», 1880, № 19.

ме (ходила за водой, шила одежду, готовила пищу). К ней часто обращались соседи, чтобы она скроила и сшила детскую одежду или что-нибудь другое. Вообще невестка считалась как бы принадлежащей всему роду (фамилии) мужа, поэтому все члены фамилии были вправе требовать от нее услуг. Каждый член фамилии называл ее «наша невестка» («келинибиз»). Садиться в присутствии старших невестка позволяла себе лишь по особой просьбе.

В течение месяца с молодой неотлучно находились сестра мужа или ближайшая его родственница. Приходили к ней с гостинцами («саугъала») родственницы и родственники мужа, проживающие в соседних селениях. Всех гостей она также одаривала небольшими подарками (кьо́л керек) и обычно после этого начинала разговаривать с ними в полный голос.

До отмены крепостного права в знатных фамилиях вместе с невестой в дом жениха посылали ее воспитательницу (ата́лычку) или же женщину-путницу из крестьянской семьи («дегиза»), а также прислугу «эгет». Они обязаны были прожить в семье новобрачных от одного года до трех лет. Все это время они играли роль прислуги (компаньонки) новобрачной и свободно хозяйничали в ее доме¹²⁴. По истечении определенного срока «дигиза» возвращалась к себе домой, получив за услуги соответствующее вознаграждение, а «эгет» продолжала прислуживать¹²⁵.

Спустя дней 10—12, молодую навещали из родительского дома ее дружки и подруги. Они привозили с собой разные подарки молодым. Их принимали с большим радушием, устраивали гостеприимное угощение, организовывали танцы. Помимо основной цели: навестить молодую после ее ухода из родительского дома и выразить свое уважение к родителям зятя, визит преследовал и другую цель, а именно: разузнать самочувствие молодых, как приобщается молодая в хозяйственные дела новой семьи, каково отношение к невестке новых родственников.

К числу важнейших этапов свадебных церемоний относилось возвращение невестки в дом своего отца «ата юйюне къайытыу». Срок возвращения новобрачной в отцовский дом определялся по приезду кого-либо из родственников отца. Обычно ее отвозили спустя несколько месяцев, а иногда и год после свадьбы. Сноху, одетую в новый костюм, сопровождали родственницы мужа. С собой они везли различные подарки («юзына къайштаргъанлыкъ»). В доме отца устраивали угощение, а затем гостей одаривали подарками.

По данным авторов XIX века, новобрачная оставалась в доме отца до двух лет¹²⁶ и после этого она возвращалась в семью

¹²⁴ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 20; ГЦИАЛ, ф. 1284, оп. 60, д. 106, л. 28.

¹²⁵ Там же, с. 21.

¹²⁶ Г. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 18; К. Ф. Ган, В верховьях Кубани и Теберды.

мужа («башлаб къайытыу»). За это время она готовила или же дополняла приданое, а сторона жениха выплачивала оставшуюся часть калыма. Родственники навещали ее или же приглашали ее к себе на несколько дней и делали различные подарки, которые также входили в состав приданого, вместе со скотом, подаренным ей родителями. Одновременно с помощью родственников готовили подарки («четенни бернеси») для родственников мужа. Часть из них составляла личную собственность невестки— скот и домашняя утварь невестки, что в какой-то степени укрепляло ее экономическое положение в новой семье, а часть предназначалась для родителей мужа и его родственников.

Обязательным свадебным ритуалом было официальное приглашение зятя в семью невестки («кюсу чакъырыу»). Проведение этого обряда было связано с обычаем избегания молодых от старших с момента обручения. Получив приглашение, молодой зять отправлялся к ним в сопровождении своих родственников и друзей. Здесь их встречали целым рядом обрядовых игр.

Молодой зять и его дружки (обычно 15—20 человек) заходили в кунацкую, где был накрыт стол в честь приезда зятя. На званный вечер для угощения приглашались родственники как по отцовской, так и по материнской линии. После нескольких тостов и приветственных церемоний дружки заводили зятя в комнату родителей невестки. Здесь впервые зять показывал свое лицо «и обменивался рукопожатием с родными и близкими семьи невестки, в том числе со свекром и свекровью. В то время, когда зять в сопровождении дружков переступал порог комнаты, у него снимали шапку («берк алыу»), а кто-либо из провожатых тут же надевал на голову зятя запасной головной убор. Существовал и такой игровой момент, как виснуть на шее зятя. То и дело слышались возгласы: «Садись верхом на зятяка!»

Молодой зять, как бы над ним ни тешились, вынужден был, не теряя самообладания, молчаливо следовать под прикрытием своих дружков. В противном случае он становился предметом осуждения.

После церемонии рукопожатия произносились благословенные здравицы («алгъышы»). Зять подходил к старику, произносившему здравицу, брал из его рук чашу с пивом или бузой и передавал старшему из своих дружков. Отведав заздравную бузу, гости передавали чашу старикам. Гости выходили в кунацкую, а старший сопроводитель зятя перечислял присутствующим подарки зятя и дружков.

Зять обычно привозил оставшуюся часть калыма, а также подарки отцу, матери, старшему брату и сестре невесты. Отдельно одаривалась молодежь за «снятие у зятя шапки», за проведение увеселительных игр («оюнлары ючюн»). Во время пиршества представители дома (юй джаны) пытались напоить

зятя, а дружки его старались отвлечь шапу и родственников невестки словесными играми («сез чурум»), взять на себя все тяготы слов и дела.

За столом молодому зятю предлагалось разделить по костям целую сваренную тушу барана («кьой уча»). При этом внимательно следили за навыками по извлечению «ценных костей». Все это носило увеселительный характер. Спустя два-три дня зять посещал родителей жены в сопровождении одного или двух дружков. Теперь уже зять чувствовал себя вольней, мог без особого смущения принимать участие в беседе с родителями жены. Последующие поездки проходили свободно, без каких-либо церемоний, часто молодые прибывали вместе.

В дни традиционных и религиозных праздников родные жениха посещали родных невесты и преподносили родителям ее подарок, обрядовые печенья, халву и «курман мал» — скотину для убоя, обычно барашка.

Супруги продолжали жить в нераздельном хозяйстве родителей на протяжении ряда лет, пока не обзаводились семьями другие члены этого дома. Невестка почти не вмешивалась в хозяйственные вопросы, а большей частью являлась безвластной работницей. Такова вкратце свадебная обрядность, отличавшаяся некоторым своеобразием и этнической спецификой, но в целом характерная общностью ритуала для соседних народов Северного Кавказа.

Брак был связан с запретами и избеганиями, с некоторыми из которых мы уже познакомились. Невеста «скрывалась» не только от жениха, но и от его родственников, в свою очередь, жених делал то же самое. До этого момента существовало свободное общение молодежи: юноша мог видеть свою будущую невесту, разговаривать с ней, танцевать, шутить, обмениваться кольцами и т. д. Танцы, устраиваемые на девичьих вечеринках и свадьбах, составляли любимое развлечение карачаевцев. В них танцевали мужчины как холостые, так и женатые. Женщина же имела право участвовать в танцах лишь до тех пор, пока она не вышла замуж. Участие женщины в танцах считалось порочным явлением¹²⁷. По замечанию Г. Чурсина, замужняя женщина «лишалась права участвовать в общественных увеселениях»¹²⁸. Ей разрешалось лишь смотреть на танцующих или же играть на гармонике. Точно так же на вечерах время от времени танцы сменялись играми и песнями. В них участвовали исключительно незамужние девушки. На этих увеселительных сходках девушки и молодые люди относились друг к другу совершенно свободно¹²⁹.

В первые месяцы совместной жизни новобрачные не показывались вместе перед взрослыми представителями своей фами-

¹²⁷ «КОВ», 1880, № 7.

¹²⁸ Г. Чурсин. Обычаи и предрассудки карачаевцев. — «Кавказ», 1903, № 24; Его же. Музыка и танцы карачаевцев. — «Кавказ», 1901, № 270.

¹²⁹ Н. Тульчинский. Указ. соч., с. 204; Г. Петров. Указ. соч., с. 120.

лин и не разговаривали при старших. По традиционному этикету в новой семье невестка должна была обращаться с ее членами как можно более сдержанно и стеснительно. После возвращения в дом мужа молодая говорила шепотом, чтобы никто не слышал из старших. Если нужно было что-либо сказать кому-либо из старших в семье (за исключением свекрови), то она передавала через посредников (младших членов или своих детей). Считалось неприличным обращаться друг к другу по имени в присутствии третьего лица, особенно старших. Невестка не могла произносить имя супруга даже в тех случаях, когда этим именем называлось какое-либо иное лицо. Иногда невестка придумывала для своего мужа особое имя, которым порой звали отца и дети. Невестка не произносила имени свекра и свекрови и всех вообще старших родственников мужа как в их присутствии, так и в разговоре с кем-либо. Получив право разговаривать со свекровью, невестка звала ее мать (анам), а свекра — отец (атам). Мужа в разговоре со свекровью называла «ваш сын» (джашыгъыз), в разговоре с братьями и сестрами мужа «ваш брат» (къарнашыгъыз), «он» (ол) — отец такого-то. Старшего брата мужа называла «улла джашыгъыз» (ваш старший сын), младшего — по имени или же давала ласкательное прозвище. Малолетних сестер мужа звали «кызычкы» (девочка), замужних — жена того-то, имеющих детей — мать того-то.

Если у молодой спрашивали имя ее мужа, то она указывала на одноименного ее мужа. Всех других людей, носящих такие же имена, как свекор, свекровь, старший брат мужа, она также не называла, а заменяла словами «атабыз атлы», «анабыз атлы», «улла джаш атлы» (т. е. «носящие имя нашего отца, матери, старшего сына»). Таким же способом переименовывала она и имена умерших родственников мужа.

Муж в рамках семьи и общества не называл жену по имени, а обращался к ней по прозвищу или кличке, употребляя крик «Эй!», «говорю тебе» («сеннге айтама»). Вместо того чтобы сказать «мой муж» или «моя жена», говорили «хозяин головы» (баш иеси), «ваша невестка» (келинигиз), «сын такой фамилии» (аларланы джашлары), «дочь такого-то рода» (аларланы кызылары). При разговоре с кем-либо о жене муж называл ее девичью фамилию или же прозвище атаула. Широко распространенный у кавказских народов, в том числе и у карачаевцев, обычай «ат джашыргъан» (скрывание имени) Г. Ф. Чурсин рассматривал как проявление магии имени¹³⁰.

В знатных фамилиях обычай требовал, чтобы невестка всю свою жизнь скрывалась от отца мужа и его старшего брата¹³¹, если они не давали разрешения прекратить избегания и не да-

¹³⁰ Г. Ф. Чурсин. Магическое значение имени у кавказских народов, с. 21.

¹³¹ «КОВ», 1880, № 19.

рили ей в связи с этим какую-нибудь вещь. Даже на улицу она выходила в сопровождении служанки «эгет».

Старшие мужчины, зная, как неловко чувствует невестка в их присутствии, старались избегать встречи с ней. Считалось предосудительным свекру заходить в комнату новобрачных. Сообразно этикету, в случае захода свекра в «отоу» невестка должна была убежать в сторону и выйти наружу. При выходе из «отоу» она старалась быть незамеченной. В повседневной жизни невестка не могла показываться свекру с голыми ногами, непокрытой головой; она не могла сесть так, чтобы повернуться к свекру спиной, при его выходе она постоянно вставала и никогда не садилась при нем, пока он не сядет, не ела с ним за одним столом и т. д.

Молодая женщина не входила в дом старшего деверя и вообще родственников мужа. Жены старших братьев давали разрешение говорить с ними наравне со свекровью, т. е. после проведения ритуала «ввода в большой дом» и приподнесения подарка, разрешающего говорить. Стремление не показать интимной близости перед чужими определялось правилами внутрисемейного этикета: супруги не должны были вместе есть, вместе ходить куда-либо, не говоря уже о супружеской нежности в присутствии посторонних. Считалось непристойной слабостью, если муж проявлял особую заботу и ласкал своих детей. Боясь быть заподозренным в неумении скрывать свою любовь к детям, многие отцы не произносили их имен, а давали им какое-либо имя — прозвище.

Почвой для всевозможных семейно-брачных запретов и избеганий служило естественное чувство застенчивости, стеснения, которое испытывают вступающие в брак. Естественно, что для взрослого человека должно пройти какое-то время, чтобы устанавливалась атмосфера привычных отношений. В то же время можно допустить, что запреты и избегания в различных случаях и в разных конкретных ситуациях принимают различные формы, освящаются обычаем, традицией и этикетом.

В Карачае, в условиях господства в семье патриархальных отношений и мусульманских норм воззрения на женщину, семейно-брачные ограничения и запреты нередко посилили унизительный, оскорбляющий человеческое достоинство, характер. Семейно-брачные избегания здесь соединялись с основанными на шариатских воззрениях и нормах затворничества и угнетения женщины.

При соблюдении тех или других норм запретов и избеганий важное значение для супругов имело умение ориентироваться в категориях свойственников, т. к. по замечанию В. Тепцова, между брачующимися родами возникает свойство, равное по значению кровному родству¹³². У карачаевцев для обозначения систе-

¹³² В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 173.

мы свойства существует общетюркский термин «къаин». К нему прибавляются обычно термины родства, показывающие те отношения, которые существовали бы между говорящим и человеком, к которому обращаются, если б это был не свойственник, а родственник. Например, ата — отец, къаин — ата — отец мужа или отец жены; къарнаш — брат, къаин — брат мужа или жены, эгеч — сестра, къаин къыз — сестра мужа или жены и т. п., тамада къаин — старший брат мужа или жены, кичи къаин — младший брат мужа или жены, тамада къаин къыз — старшая сестра мужа или жены, кичи къаин къыз — младшая сестра мужа или жены. Родственники мужа употребляют для обозначения его жены термин келин, а родственники в отношении мужа — пользуются термином кюеу. Вся родня жены для мужа становится «къаин жуукъ». Точно так же вся родня мужа для жены — «къаин юй джуукъ». Мужья родных сестер (свойки) друг друга называют «баджа», а жены двух родных братьев «апсын». При многоженстве, а также разведенные жены выступали друг к другу как «кюндешле». Система свойства и родства свидетельствует о господстве у далеких предков карачаевцев материнского рода, основанного на материнском праве. Об этом повествуют такие следы аванкульта, под которым подразумевается теснейшая связь человека с дядей по матери. Карачаевцы считали родственников по линии матери более близкими, чем по линии отца. Это нашло свое отражение в том, что роль дяди по матери во время свадьбы была особенно велика¹³³. Дядя по матери не мог отказать в материальной помощи обратившемуся к нему племяннику. В одной из пословиц говорится: «Ана къарнаш сагъынылса, ара багъана къымылдар») («Если вспомнишь дядю по матери, то расшевелится центральный столб»).

Карачаевка вовсе не была такой бесправной, как это принято считать обычно в отношении всех женщин Востока¹³⁴. Она, как отмечают исследователи горского быта, проявляла значительную самостоятельность в домашнем быту¹³⁵. Бывали случаи, когда главой семьи признавалась женщина, если она вдова или если ее муж тяжело больной и т. д. Мы уже отмечали, что для карачаевских девушек была характерна некоторая имущественная самостоятельность. Сызмальства матери старались скопить своим дочерям «женское имущество» («тиширыу керек»), заключающееся в подаренном им скоте, войлочных и шерстяных изделиях, изготовленных самой девушкой и ее матерью. А также существовал обычай, по которому девушка отчуждала себе некоторую долю шерсти во время стрижки овец. Глава семьи не касался этого имущества и разрешал женщинам самим рас-

¹³³ Б. Миллер. В Карачае, с. 396.

¹³⁴ Р. Рукавишников. Карачаевцы. «Живописная Россия», № 35, М., 1901, с. 463.

¹³⁵ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 105; Г. Ф. Чурсин. Обычаи и предрассудки карачаевцев.

поряжаться им, продавать на рынке, обменивать¹³⁶. В случае нужды глава семьи мог взять накопленное таким путем «женское имущество», но только с согласия и при условии возврата стоимости взятого¹³⁷.

От деспотизма супруга горянку защищал род, который никогда не считал, что вышедшая замуж окончательно порывала связь со своими кровными родственниками. Определенную экономическую независимость придавало горской женщине и то обстоятельство, что муж часто и подолгу отсутствовал, а вся домашняя работа и забота лежала на жене, которая, естественно, должна была обладать известной свободой распоряжаться хозяйством¹³⁸.

С голосом женщины считались при расходах семейной кассы, при разрешении семейных вопросов. Она не носила чадру и не закрывала лицо, находясь в обществе мужчин, ей не запрещалась верховая езда, участие в хозяйственных делах на коше и дома.

Когда случалось, что мужья подолгу отлучались на кош и продолжительное время не бывали у семейного очага, «жены их со слезами в глазах жаловались на тоску и скуку вследствие продолжительной разлуки»¹³⁹. В свою очередь, отличаясь прочной привязанностью к своему очагу, карачаевские мужья зарекомендовали себя как хорошие семьянины¹⁴⁰. Хотя отношение мужа к жене при людях характеризуется большой сдержанностью, но наедине горцы к своим женам были очень внимательны¹⁴¹. Осознавая свою силу и превосходство, мужчины со снисхождением относились к женскому полу. Оскорбление женщины нередко служило поводом к кровной обиде. В присутствии женщин не допускались сквернословие, ругань, окрик. Считалось позором, когда мужчина таил молчаливую обиду к женщине («ауз къара тутуу»), а тем более, если он мстил ей.

Высоко ставились честь женщины и верность жены. «Если кто-либо покусится на честь девушек или замужней женщины и если это дело выплывает наружу,— писал И. Ф. Бларанберг,— все жители собираются у мечети, куда приводят также виновного. Приговор выносит старейшины, обычно в таком случае мерой наказания является изгнание навсегда из деревни с запрещением когда-либо еще появляться в окрестностях Карачая под угрозой смерти. Отец изгоняет дочь из дому, муж свою провинившуюся жену... Зачастую соблазнителя убивают, а семья виновной покидает родные края и поселяется в отдаленных местах, чтобы скрыть позор от своих соотечественников»¹⁴². Со-

¹³⁶ В. Я. Тепцов. Указ. соч., с. 105—106.

¹³⁷ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, с. 54.

¹³⁸ Ж. «Новый Восток». М., 1928, кн. 28, с. 234.

¹³⁹ Г. Петров. Указ. соч., с. 131.

¹⁴⁰ Там же, с. 129.

¹⁴¹ Н. Караулов. Указ. соч., с. 149.

¹⁴² Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях, с. 426—427.

гласно обычаю, муж, убивший свою жену за измену, освобождался от платы за убийство. Так же было и в случае убийства любовника жены, если он заставлял их на месте преступления.

Однако, как указывал Г. Ю. Клапрот, в начале XIX в. измена у карачаевцев являлась «неслыханным преступлением, название которого им едва известно»¹⁴³.

Разводы в Карачае были редкостью. По замечанию Н. Грабовского, правом развода пользовались редко, потому что «все невыгоды на стороне мужчины»¹⁴⁴. Если муж разводился со своей женой, то он терял право на возвращение калыма, а женщина забирала свое имущество и, таким образом, не оказывалась без средств к существованию. Если жена уходила от мужа, то родные ее должны были калым возвратить¹⁴⁵, а детей оставить мужу¹⁴⁶. И. Иванюков и М. Ковалевский указывают, что калым возвращался «двойной суммой того, что было взято». Наши информаторы сообщают, что даже при наличии веских причин редкая женщина отваживалась оставить мужа и вернуться в дом отца, т. к. это считалось большим позором.

Что касается развода крепостного крестьянина, то таковой зависел от воли его владельца. В случае ссоры с женой он должен был обратиться к своему господину, который мог по своему усмотрению не только развести их, но и дать мужу другую жену. Точно так же он поступал с мужем, если с жалобой к нему обращалась жена.

Для развода достаточно было мужу в присутствии свидетелей и эфендия три раза повторить слова «Талах салама», что означало с арабского «отказываюсь»¹⁴⁷.

Таким образом, хотя развод и происходил главным образом в соответствии с нормами обычного права, но значительное влияние в этом случае оказывал ислам (шариатные нормы).

Анализ брака и свадебных обрядов карачаевцев в XIX—начале XX в. приводит к следующим выводам. Прежде всего в свадебном цикле карачаевцев прослеживаются пережитки далекой старины прошлых формаций, свойственные эпохе родового строя, а также элементы доисламских и дохристианских верований. Далее, в них есть много общего с обрядами других народов и имеются специфические особенности, свойственные только карачаевцам.

Дальнейшее изучение семейно-брачных отношений карачаевцев, несомненно, даст возможность более успешно вести работу по формированию новых свадебных обрядов, отвечающих требованиям современной жизни. К сожалению, новые прогрес-

¹⁴³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях, с. 250.

¹⁴⁴ Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., с. 19.

¹⁴⁵ С. Ф. Давидович. Указ. соч., с. 357.

¹⁴⁶ И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., с. 567.

¹⁴⁷ Ф. А. Леонтович. Адаты кавказских горцев, с. 283.

сивные традиции и обряды в быту карачаевцев внедряются пока что медленно. Все еще живуча сопротивляемость старых, косных привычек и традиций.

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ У КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ В ПРОШЛОМ

Как в дореволюционной, так и в советской этнографической науке данной теме не посвящено ни одного специального исследования. Фрагментарные сведения по этой проблеме имеются в работах Феррана¹, Н. Ф. Дубровина², И. Семенова³, С. В. Фарфоровского⁴, П. Пашина⁵ и других. При написании настоящей статьи помимо существующей литературы по ногайцам были использованы данные архивных документов, материалы полевых изысканий автора.

В предисловии к первому изданию своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни»⁶. Данное высказывание дает полное понимание целей и задач создания семьи.

У ногайцев известие о беременности (авыр аяклы болган) женщины встречалось в семье большой радостью. Молодая женщина радовалась, что она способна быть матерью, что она будет настоящим членом семьи мужа. Любая ее просьба в период беременности безотказно выполнялась. Считалось, что отрицательный ответ плохо отразится на жизни того, кто не выполнит ее просьбу. По обычаю только после рождения ребенка молодая женщина включалась в состав семьи. Вот почему бесплодие было для женщины большой трагедией. Оно могло быть даже причиной развода или же вторичного брака мужа с другой женщиной.

У ногайцев говорят «бал таътли, балдан да бала таътли» (мед сладок, но ребенок слаще). Все желали мальчика. Еще во

¹ Ферран. Путешествие из Крыма в Черкессию через землю ногайских татар в 1709 г., — «Русский вестник», 1842, № 4.

² Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1. СПб, 1871.

³ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

⁴ С. В. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис, 1909.

⁵ П. Пашин. Из поездки к ногайцам с антропологической целью. — «Русский антропологический журнал», № 1. М., 1912.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1973, с. 4.

время исполнения свадебных обрядов невесте желали рождения мальчика. Символически мальчик открывал лицо невесты и ей подносили ложку меда и масла. Открывание лица невесты ребенком должно было быть гарантией ее плодовитости. По замечанию Г. П. Снесарева об обрядности у узбеков: «Смысл этого обряда осознавался совершенно четко: он должен был обеспечить в будущем рождение сына и вообще гарантировать обильное потомство»⁷. «Мальчики считаются особенно желанными»⁸, — писал С. Ф. Фарфоровский, отмечавший, что мальчик был продолжателем рода. Говорили «оьркенинъди созгандай — увыл тувсын» (пусть у тебя родится сын, чтобы продолжил род твой). Ему нарезался добавочный земельный участок, и мальчик сызмальства помогал родителям в работе. Но и рождение девочки воспринималось в семье как радостное событие.

Считалось, что легкая физическая работа благотворно влияет на развитие ребенка в утробе матери. Поэтому беременная женщина не освобождалась от домашних обязанностей и до начала предродовых схваток выполняла в семье посильную работу. К рождению ребенка особо готовились свекровь и мать молодой женщины. Мать молодой женщины заранее готовила люльку («бесик»), широкие лямки («тарткы») из мягкой шерстяной ткани для привязывания ребенка к люльке, одеяло («яюв»), пеленки («яялык»). Люлька у ногайцев была обычной как для кочевников, так и для большинства народов Кавказа. Мастерили ее из дерева. Люлька стояла на полу на двух дугообразных ножках. На дно люльки свободно клались две дощечки, которые при надобности легко снимались. В них делалось отверстие для стока мочи. Борта люльки были низкие. Мать могла кормить ребенка прямо в люльке, наклоняя ее к себе. Ребенку по размеру люльки изготавливался специальный матрац («тоьсек»). Для набивки матраца пользовались шелухой проса. Спеленутый ребенок прищуровывался прямо к люльке. Качая люльку ногами, женщина одновременно могла заниматься рукоделием.

Роды происходили в отдельной комнате. На время родов женщины покидали дом. Муж роженицы скрывался где-нибудь, стеснясь показываться своим родителям и старшим родичам. И в этой связи нельзя согласиться с С. В. Фарфоровским, утверждавшим, что ногайцы «не выработали особого ритуала»⁹, сопровождаемого при родах. Наоборот, рождение ребенка обставлялось рядом религиозно-магических действий при участии соседей и родственников. Роды принимала бабка-повитуха («эвия»), которая старалась в меру своих возможностей облегчить роды, успокоить роженицу, психологически подготовить ее

⁷ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 77.

⁸ С. В. Фарфоровский. Указ. соч., с. 30.

⁹ Там же.

к появлению новой жизни. Здесь же могла находиться многодетная женщина, славящаяся в округе своей добротой и отзывчивостью. Роженица находилась на полу, устланном мягким сеном, сверху которого были войлок («кийиз») и полотняная ткань. Над роженицей к потолку вешался специальный ремень из сыромятной кожи. И. Т. Мутенин встречал этот обряд у ачикулакских ногайцев еще в начале XX века¹⁰. На самом верху ремня укреплялся подарок для бабки-повитухи: кисет («куржын»), платки, золотые и серебряные украшения. Подарок зависел от степени богатства семьи роженицы. Ремень служил для роженицы как бы опорой. При родовых схватках она бралась за него. Рожала полусидя, полулежа. По рождении ребенка повитуха специальным ножом обрезала пуповину и самодельной ниткой («тарамыс») завязывала ее. Новорожденного купали в теплой подсоленной воде и заворачивали в легкую ткань и одеяло. При тяжелых родах вызывался муж роженицы. Он должен был три раза перешагнуть через нее. Этот акт, по мнению народа, имел магическое значение и должен был освободить роженицу от воздействия злых сил, препятствующих благополучным родам. Такие силы могли принести вред роженице, если муж в период беременности жены сказал что-либо противное аллаху или же беременная жена за какой-то проступок была проклята злой старухой. Перешагиванием через роженицу муж искупал грехи. А на улице «при рождении дитяти родственники и друзья становятся у ворот отцовского дома и начинают ужасный шум и бряцание молотками в пустые котлы, чтобы тем, как они говорят, утратить и прогнать дьявола от дитяти»¹¹. Если же в момент родов в комнату роженицы по неведению заходила посторонняя, разрывали подол ее платья, если же заходил мужчина — рубашку. Это было знаком отпугивания злых духов, якобы находящихся в одежде вошедшего¹². Женщин, которые не имели детей, к роженице не допускали. После рождения ребенка соседки приносили «калжа» — приготовленный из курятины бульон — роженице, рубашечки, пеленки — ребенку¹³.

В первые дни после родов ребенка и его мать в доме старались одних не оставлять. При них находился кто-нибудь из младших свойственников роженицы. По поверью ногайцев, в дом могли прийти джины, албаслы, другие злые духи, которые старались нанести вред матери и ребенку. В этой связи в народе передавали из поколения в поколение следующую легенду. У албаслы один смелый джигит украл волосинку и спрятал дома. А албаслы человеку, взявшему у него волосинку, обязан был заменять слугу. Албаслы, чтобы не выполнять эту роль, искал

¹⁰ И. Т. Мутенин. «Ачикулакские ногайцы». Рукопись, ф. 5, оп. 2, с. 42. Архив НИИЯЛ Даг. ФАН СССР.

¹¹ Ферран. Указ. соч., с. 44.

¹² Полевая запись автора № 2 (в дальнейшем — ПЗ), 1971 г.

¹³ ПЗ № 2, 1971.

момента выкрасть волосинку. Однажды албаслы узнал, где спрятана волосинка, но никак не мог взять ее, так как в помещении всегда находились люди. Однако, подкараулив, когда в доме никого не было, он зашел в комнату. В комнате в люльке лежал ребенок, а рядом в котле варилась буза. Албаслы взял волосинку, в отместку людям бросил ребенка в кипящую бузу. Мать успела спасти ребенка. Озlobившись, что не смог отомстить людям, албаслы и по сей день ищет возможности исполнить свое намерение. Вот поэтому принято не оставлять одного ребенка в комнате.

Полагалось мать и ребенка оберегать от сглаза. Была такая примета: если сглазили ребенка, то он много плакал и не сосал грудь. У матери же, согласно народному поверью, становилось меньше молока. Защитой от сглаза служил «мойтымар» — религиозный амулет, привешиваемый на шею. Боясь сглаза, молодая женщина после родов одна ночью на улицу не выходила, не выливали воду и не выбрасывала мусор («сыпырым»).

Первый раз ребенка кормила грудью соседская женщина, с которой заранее этот вопрос был оговорен. Женщину выбирали здоровую, с хорошим потомством, чтобы родившая женщина была похожа на нее. Она считалась молочной матерью ребенка («авызландырган ана»), а ее ребенок и родившийся считались связанными молочным родством («суьтлеслер»). Иногда родство это считалось ближе кровного родства. Молочные дети, повзрослев, не имели права вступать в брак друг с другом. «Родство между молочными братьями считается священнее природного»¹⁴, — писал Ф. И. Леонтович. Почувствовав себя здоровой («белди коьтергендей»), роженица на 5—6-й день начинала ходить. Старалась одеваться теплее, чтобы не простудить груди. Она ухаживала за ребенком и, пока не окрепнет, другую работу не выполняла. Мать кормила ребенка грудью до двух, иногда до трех лет. Если женщина рожала первый раз, правилам ухода за ребенком ее обучала свекровь.

По истечении 10—15 дней ребенок нарекался именем. Имена носили смысловой характер. Как писал П. Пашин о степных погайцах, «имя дается в честь святых или часто просто означающее событие, совпавшее с рождением ребенка, например: Куьнтуган — восход солнца, Орак — серп, Янгелди — душа воротилась, т. е. ребенок казался сначала мертвым, а потом ожил»¹⁵. Многие мужские имена давались в честь пророков: Магомет, Яхья, Али, Умар, Осман, Абубекир. Имена — Кудайберды (дал бог), Мурат (мечта), Савкат (подарок), Сагындык (заждались), Табылды (нашелся) — давались, если семья давно ждала сына, и он теперь появился. Встречались имена, данные в честь дня рождения: Юмагелди (родился в пятницу), Саьрсемби (среда), Дььйсемби (понедельник). Многие имена имели смысл по-

¹⁴ Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев, т. II. Одесса, 1883, с. 252.

¹⁵ П. Пашин. Указ. соч., с. 37.

желаний: Йоллы (пусть жизненная дорога будет прямой), Эл-гайтар (опора народа), Курыптурсын (пусть всегда строит), Баубек (пусть его род будет крепким), Алим-Газы (пусть будет ученым-судьей).

Женские имена подбирались нежные, с различными смысловыми оттенками: Айтуган (родилась лунолика), Юлдыз (звезда), Шолпан (утренняя звезда), Маржап (коралл), Алтын (золотая), Куьмис (серебро). Если девочка после рождения сразу не издавала крик, а лишь потом крикнула — давали имя Бердаус (подай голос). Родители ждали сына, а родилась дочь — тогда давали имя Эрту (родись мальчик), т. е. с пожеланием в следующий раз мальчика. Встречались имена, данные в честь мусульманских городов: Медине, Мекке. Имя девочки связывали с урожаем — Емис, множеством скота — Маллыбийке. Встречались родители, мечтавшие, чтоб дочь выучилась и стала ученой — Алимие (ученая). Аналогичное наречение именем встречается у многих народов Кавказа и Средней Азии. Например, Г. П. Васильева отметила такое явление у туркмен — нохурли¹⁶.

Имя давал совет стариков, который собирался в определенный день старшим в семье. Первое слово предоставлялось самому уважаемому и мудрому старцу. При согласии с его мнением названное имя принималось единоголосно. Если возникали разногласия, каждый приводил аргументы относительно выдвигаемого им имени. После принятия имени бабушка или тетя вносили укутанного ребенка в комнату, где сидели старики. Мать не должна была вносить ребенка, а отец ребенка во время этой церемонии не имел права даже находиться дома. Мулла, благословляя имя, читал молитву. Потом он брал ребенка на руки и вслух произносил имя «азан шақырув». Все старики поочередно брали ребенка на руки и произносили имя вслух. После этого новорожденного уносили, и старикам делалось угощение. Давший имя одаривался рубашкой или другой вещью.

Касаясь вопроса наречения ребенка именем и сопровождающего этот обряд ритуала у тюркских народов, известный советский тюрколог академик В. М. Жирмунский писал, что «магическое значение имеет и обряд наречения имени, сохранившийся в многочисленных отражениях как в эпосе, так и в более архаической богатырской сказке тюркоязычных народов»¹⁷.

После наречения ребенка, а иногда и раньше, проводили обряд пеленания ребенка («бесикке боюлов»). Этот обряд проводили после того, как заживет пуповина ребенка и еще пройдет несколько дней. Приезжала мать молодой женщины, приготовившая подарки свату и сватье в честь рождения младенца.

¹⁶ Г. П. Васильева. «Туркмены-нохурли». Среднеазиатский этнографический сборник», т. XXI, М., 1954, с. 191.

¹⁷ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута», «Тюркский героический эпос». Л., 1974, с. 537.

Помимо этого она приносила люльку, пеленки, одеяла. Пеленание проводила старейшая женщина, пользовавшаяся в округе большим авторитетом. Во время укладывания ребенка бабушка находилась с правой стороны люльки, чтобы у него в жизни все было удачно («ойы онгышпан болсын»). Обряд укладывания ребенка имел скрытый смысл: чтобы он в жизни был правдивым, добросовестным, толковым. Укладывая в люльку, ребенка привязывали к ней с помощью «тарткы», широких лямок. Туго перетягивая у колен, пояс на груди отпускался, чтобы ребенок дышал свободно. Раньше, чем мышцы у ребенка не окрепнут, его не сажали, ибо это могло привести к искривлению позвоночника. Люльку можно было перевозить с ребенком не только на арбе, но и привязанной к седлу. Моча ребенка стекала по специальной трубке из бедренной кости барана «симек». Аналогичное встречаем у многих тюркских народов, например, у казахов. У них она называется «сумак». О целесообразности этого приспособления А. Алимжанов пишет: «пеленки у него (у ребенка) всегда сухие... это важно с точки зрения гигиены в условиях жизни кочевника..., важно для здоровья малыша»¹⁸. Старожилы рассказывали, что погайцы в кочевой жизни применяли для кала ребенка «тубек» — специально сшитый из войлока мешочек. Пристегнутый к пужному месту, он не пропускал холод и в то же время выполнял роль судна. В момент кормления ребенка мать убирала мешочек, крепила другой, а первый, вычистив и прополоснув, сушила. Применение «симек» и мешочка гигиенически оправдано — пеленки и одеяло были всегда сухими. Об этом же пишет казахский этнограф Х. А. Аргынбаев. По его свидетельству, у казахов «сумак и тубек для ребенка и для матери были очень удобны»¹⁹.

Согласно народному обычаю погайцы люльку не выбрасывали после использования. Ее хранили в укромном месте, передавая из поколения в поколение. Как правило, люльку посторонним для использования не давали. Ею могли пользоваться лишь родственники.

По истечении года выполнялся обряд бритья головы ребенка («бас кетеруьв»). Бритье проводил брат матери ребенка («нагаш ака») или другой старший родственник матери. Детскую головку брили утром. День «бас кетеруьв» в доме ребенка был праздничным: устраивалось угощение, проводились копытные состязания, соревнования силачей по поднятию тяжестей.

По шариату мальчикам делали обрезание «бабага олтыртув». Обрезание проводилось в возрасте от двух до восьми лет²⁰. Для проведения обрезания были специалисты «бабаши». Мужчина, не подвергшийся в детстве обрезанию, не имел права резать скот, обрабатывать сырое мясо. Но при всем стара-

¹⁸ А. Алимжанов. Сувенир из Отрара. М., 1972, с. 183.

¹⁹ Х. А. Аргынбаев. Казак халкындагы семья мен неке. Алматы, 1973, б. 97.

²⁰ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., т. I, с. 279.

тии специалиста по обрезанию, часто нарушались правила гигиены, которые вели к серьезным заболеваниям. Точно так же при всей добросовестности «специалистов» по приему ребенка — повитух, бывали осложнения. Благодаря антисанитарии и несоблюдению правил гигиены наблюдались случаи смерти матери или ребенка. Н. Семенов писал, что у астраханских ногайцев «смертность чаще преобладает над рождаемостью»²¹. Он приводит пример, когда в 1883 году родилось 112, а умерло 100 душ, в 1884 году родилось 143, а умерло 180 душ²². А вот как было у кубанских ногайцев: в 1868 г. в ауле Балтинском родилось 6 детей, а в возрасте до 10 лет умерло — 7²³. В 1898 году в аулах Тохтамышевском, Мансуровском, Ураковском, Карамурзинском родился 301 ребенок, а умерло 222; в 1899 году в тех же аулах родилось 330, умерло 226 человек²⁴. Мы не утверждаем, что дети и их матери умирали сразу же после родов и что эти цифры показатели их смертности. Но сама процедура и условия родов невольно заставляют призадуматься над этими цифрами. Согласно приведенным цифрам прирост был очень незначительным, а в иных местах вообще умерло больше, чем родилось, т. е. замечалась убыль населения.

После выпадения у ребенка молочных зубов их заворачивали в кусочки материи и выбрасывали на крышу сарая. В народе было принято, что на место выброшенных таким образом молочных зубов вырастают крепкие красивые зубы.

Как один из обрядов можно выделить «тыгыртпа» (букв.: катание). Как только ребенок начинал ходить, собирались пожилые женщины, мужчины в отдельную комнату. У двери комнаты ставился круглый маленький столик «сыпыра». На нем лежали пожницы, Коран, пожи, кнут и другие предметы домашнего обихода. Ребенок ставился лицом к дверям, т. е. к стоящему столу. Одна из женщин меж его ног катила по направлению к столу свежеспеченную круглую пышку. Увлечшись пышкой, ребенок подходил к «сыпыра» и брал один из предметов, лежавших на нем. Если брал кнут, считалось, что будет пастухом, пожницы — сапожником или портным, книгу — эфенди или ученым человеком «аьлим». С аналогичным обрядом были знакомы адыгские народы и карачаевцы²⁵, а также народы Средней Азии, например, узбеки²⁶.

У ногайцев говорят «воспитывай ребенка с малолетства, невесту с первых дней «замужества» (балады ястан, келинди бастан). Воспитание ребенка обуславливалось нормами адата и шарията. Многие формы воспитания диктовались тяжелой тру-

²¹ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, с. 377.

²² Там же, с. 377.

²³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 63—65.

²⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1082, л. 3.

²⁵ Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. — «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968, с. 195.

²⁶ Айбек. Сочинения, т. II. Ташкент, 1962, сс. 260—261.

довой жизнью народа. В детях воспитывалась любовь и уважение к труду, почитание старших, скромность, бережное отношение к хлебу и всему имуществу. Главной воспитательницей ребенка до 7—8 лет выступала мать, бабушка. Раздельного воспитания до отменного возраста не было. Формы воспитания несколько отличались в бедных и богатых семьях. В трудовой семье мальчик постепенно приучался основам мужского труда: запрягал и распрягал коней, ухаживал за скотом, учился выделывать кожу, овчину. Езде на коне мальчик обучался с 4—5 лет, когда он мог уже самостоятельно править им. На конных скачках наездниками были всегда 11—14-летние мальчики. Девочка приучалась готовить пищу, наводить порядок в доме. Особо учились девочки вышиванию, основам ковроделания, шитью золотом, серебром. Для обучения вышиванию группа девочек собиралась у одной из пожилых мастериц, которая старалась передать им все свое умение и опыт. Девочки узнавали такие формы вышивания как «заэвлевиз», «кыйратпа», «шипта тигис». Девочкам внушалось, что они ниже положением, чем мальчики. В мальчишке воспитывали черты будущего хозяина жены. С 10—12 лет девочку одну не выпускали из родного дома без провожатого. С этого же возраста мальчики и девочки спали в разных комнатах, если позволяло, конечно, жилье. В характере девочек старались воспитать нежность, мягкость, скромность, уступчивость не только старшим, но и ровесникам мальчикам. В мальчиках воспитывали мужественность, ловкость, силу. С детства дети, особенно мальчики, воспитывались в большой строгости. Отец не высказывал детям никакой нежности, а, наоборот, всегда старался быть строгим²⁷. Мальчику прививались знания норм поведения в обществе: как он должен держаться при старших, в обществе сверстников и младших. Слово старшего по отношению к младшему было законом.

Народные игры также воспитывали у мальчиков сноровку, ловкость, силу. Популярная среди многих кочевых народов игра в бабки была известна и среди ногайцев — «асык»²⁸. Кочевая жизнь в степях породила и такую игру, как «бавындырык» (бумажный змей). Для этого использовался высушенный и растянутый мочевого пузырь крупного рогатого скота. Ниткой служило сухожилие скота — «тарамыс». Игра в «оьгиз мойын» (букв.: бычья шея) развивала ловкость, мышцы шеи, спины и ног. Она заключалась в том, что два участника игры надевали на шею широкий пояс и, стоя, пытались перетянуть друг друга. Особенно популярной среди детей старшего возраста была игра в «шомотаяк», очень похожая на русские городки. Задачей игро-

²⁷ АКАК, т. VIII. Тифлис, 1881, с. 777.

²⁸ Эта игра и другая аналогичная ногайской «шуулик» встречается у узбеков-карлуков. Особо схожа игра «шуулик». У узбеков-карлуков она называется «аккал» (игра в чиж), см. К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, сс. 169—172.

ков было выбить палкой с определенного расстояния стоящую короткую палку. Короткая палка ставилась в круг, и один игрок караулил ее. При выбитии этой палки другим игроком караульный должен был быстро принести ее и поставить в круг. На это время выбивший палку должен был добежать до брошенной им палки. Если он успевал добежать, то становился часовым у круга. Играли дети и в «кишкой топ», очень похожую на русскую лапту. Мяч изготовлялся из войлока. Известны игры в «бесбалатас», «шекки», «куьтоьв», «шаькуж». Игры девочек воспитывали будущих хозяек дома, умеющих быть скромными невестами. Играли они в куклы «коршак», «келиишек» (имитация перевода невесты), «коьзбайлавыш» (игра в жмурки).

Если дети в трудовых семьях воспитывались в описанных нами традициях, то у богатых дети воспитывались в иных традициях. Детям богачей прививалось чувство кичливости, гордости за богатство. Среди князей (мурз) было распространено аталычество — явление, повсеместно встречаемое на Кавказе. Кавказовед М. Ю. Косвен отметил, что сущность аталычества («отцовства» — тюркс.) в том, что «ребенок после рождения переходит на некоторое, более или менее продолжительное, время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям»²⁹. В исследуемое нами время аталычество было распространено только среди князей (мурз), среди бедных слоев не встречалось. Малолетние мурзы не воспитывались в доме своих родителей. В большинстве случаев аталыками детей мурз были лица из сословий узденей. Сами же мурзы брали на воспитание к себе только так называемых кровных детей, т. е. таких, отцы которых были убиты самими мурзами³⁰. М. О. Косвен пишет, что «аталычество становится порядком, свойственным преимущественно господствующим сословиям. Дети отдаются на воспитание не в своей сословной среде, не между равными, а выше стоящие сословия отдают детей ниже стоящим»³¹. Аталык обучал воспитанника правилам и нормам поведения.

Аталык старался воспитать в мальчике силу, ловкость, выносливость, умение владеть оружием; учили нормам поведения в кругу знатных и среди крестьян. Делом чести аталыка считалось дать воспитываемому хорошее образование: умение читать, писать на арабском и русском языках. В свою очередь воспитанники до самой смерти старались помогать «аталыку» во всем³². Девочка готовилась к роли хозяйки. Она должна была знать правила домашней этики, уметь красиво одеваться, танцевать, рассказывать стихи. Очень ценилось в девушке умение вышивать и шить одежду.

Одним из главных моментов в воспитании становилось обра-

²⁹ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 104.

³⁰ ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 41.

³¹ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 125.

³² АКАК, т. VIII. Тифлис, 1881, с. 777.

зование. Получить образование в условиях царской России было легче ребенку богатого человека. Согласно царским правительственным распоряжениям, на Кавказе привилегированное состояние от прочих ногайских сословий было «отлично предоставлением права детям мурз получать воспитание как в бывших кадетских корпусах, так и в настоящих военных гимназиях»³³. Обучение детей бедняков сводилось к умению вести домашнее хозяйство. Народные песни, слышимые с люлечного возраста, звали детей быть справедливыми, скромными, смелыми, трудолюбивыми, любить свою землю и народ. Таковы песни «Лаав-лаав бала, боyleйим», «Эй айданак, айданак»³⁴.

Первая горская школа на территории современной Карачаево-Черкесской автономной области была открыта в ногайском ауле Нижне-Мансуровском в 1877 году. В этой школе обучали арабской и русской грамоте, арифметике³⁵. По признанию атамана Баталпашинского отдела в школе учились дети богатых родителей, дети же бедняков были лишены возможности обучаться грамоте³⁶. При школе имелся великолепный фруктовый сад, который ежегодно сдавался в аренду. Сад обрабатывался самими учениками³⁷.

К концу XIX века были открыты школы в аулах Карамурзинском, Тохтамышевском, Ураковском. Главный контингент этих школ составляли мальчики. Редко можно было встретить в школах девочку. Девочка дома наизусть выучивала у старших несколько слов из Корана. С. В. Фарфоровский писал, что «грамоте учатся только дети мужского пола, а девочки остаются безграмотными»³⁸. Из-за высокой платы за обучение многие оставались безграмотными. В 1896 году в Нижне-Мансуровской школе из аула Тохтамышевского учились 5 мальчиков, а из аула Ураковского 3 мальчика, которые за обучение платили по 100 рублей³⁹. Можно представить, что значила цена платы за обучение, если учесть, что поденная плата чернорабочему зимой была 75 копеек, а летом 1 рубль 50 копеек⁴⁰. Поэтому количество юношей-ногайцев, получивших начальное образование, было мизерным. По всей Ставропольской губернии только 4 юношей-ногайцев 10–19 лет имели начальное образование⁴¹. Прогрессивно настроенные учителя М. Цаголов, А. Твалчрелидзе предлагали при школах организовать ремесленные отделения, где дети

³³ ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 9, л. 42.

³⁴ Ногай халк йыфлары. М., 1969, бет. 119, 121.

³⁵ Кубанская справочная книжка, 1883 год. Екатеринодар, 1883, с. 25.

³⁶ ГАКК, ф. 454, оп. 3, ед. хр. 1182, лл. 59, 357.

³⁷ Там же.

³⁸ С. В. Фарфоровский. Указ. соч., с. 31.

³⁹ ГАКК, ф. 544, оп. 2, ед. хр. 1182, лл. 59, 60.

⁴⁰ ГАКК, ф. 460, оп. 2, ед. хр. 6, л. 10.

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Ставропольская губерния, 1905, с. 84.

могли получить разные специальности⁴². Помимо казенных школ в аулах существовали «ода» — это добровольное объединение юношей 13—16 лет, которые снимали комнату в определенном ауле, где был образованный мулла, обучавший их арабской грамоте. Юноши днями подрабатывали на пропитание, а вечерами учились. Окончившие «ода» назывались «сокта». За обучение мулла получал небольшое вознаграждение. Здесь, хоть и немного, юноши приобщались к грамоте. Основная масса детей оставалась вне школ. Очень метко и со знанием старинного быта описана безрадостная жизнь бедной ногойской семьи в повести Ф. Абдулжалилова «Асантай». Главный герой повести — мальчик Асантай. С 13 лет начинает он работать наравне со взрослыми. За 13 лет жизни он не надевал новую одежду. В 14 лет Асантай, как и его друг Айтек, уезжает со взрослыми на сенокос в горы. Отработав все лето, он получил в оплату лишь одну овчину⁴³. Как отмечал А. Павлов, у степных ногойцев «дети обучаются с 7 до 10 лет всем требованиям кочевой жизни»⁴⁴.

Как видим, у кубанских ногойцев, как у многих других народов, существовала целая цепь обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка. Как и всякие обряды прошлого, они носили определенный воспитательный и в то же время религиозно-магический характер. По убеждению родителей и родственников, а также лиц, совершающих обряды, они должны были вызвать желанный результат. Воспитание детей в большинстве случаев ограничивалось рамками семьи. Школ было мало. Обучение стояло на низком уровне. Контингент учащихся из низших слоев населения ограничивался необходимостью подчас непосильной для семьи платы за обучение. Девочки в школе не обучались. До самой революции сохранялся обычай семейного воспитания.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАРАЧАЕВЦЕВ

В материальной культуре карачаевцев есть много общего с народами Кавказа, но их жилища отличаются значительным своеобразием. Аналогий им на Кавказе нигде не встречается, кроме жилищ в бассейне Верхнего Баксана.

Характер карачаевского жилища складывался в условиях распада патриархально-родовых отношений. На памятниках

⁴² М. Цаголов. Аулы Тохтамыс с поселком Балтинским, Ураков и Мансуров с поселком Шабазским. — «СМОМПК», вып. 8. Тифли., 1889, с. 218; А. Твалчредидзе. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897, с. 53.

⁴³ Ф. Абдулжалилов. Асантай. Черкесск, 1957, с. 12, 87.

⁴⁴ А. Павлов. Указ. соч., с. 34.

Рис. 1. Многоугольный дом Кипкеева, аул Дуут.

народной архитектуры Большого Карачая можно проследить, как шло развитие карачаевского жилища и выделить при этом четыре основных типа: 1. Древнейший однокамерный тип — жилище большой семьи. 2. Более поздний тип — «баши джабылган арбаз» (крытый двор) — жилище семейной общины. 3. Длинный дом («уллу от юй») — жилище большой патриархальной семьи. 4. Жилище малой семьи.

Хронологически эта типология укладывается в рамки XVII—начала XX вв., что соответствует уровню развития социально-экономических отношений карачаевцев за этот период.

В старых карачаевских селениях сохранились остатки срубных построек многоугольной, почти приближающейся к кругу формы. Эти жилища являются как бы пережитком традиции кочевнического жилища¹. Примером может служить дом в ауле Дуут (рис. 1, рис. 20). Датируется эта постройка приблизительно XVII в., но по ее архитектуре можно заключить, что она построена под влиянием традиций далеких предков карачаевского народа.

Это подтверждается раскопками карачаевских жилищ в ауле Эльт-Джурт в верховьях Баксана².

¹ Я. А. Федоров. Половецкое наследство в Приэльбрусье. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 224.

² И. М. Мизиев. О позднесредневековых поселениях в жилищах балкарцев и карачаевцев. — «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, с. 245.

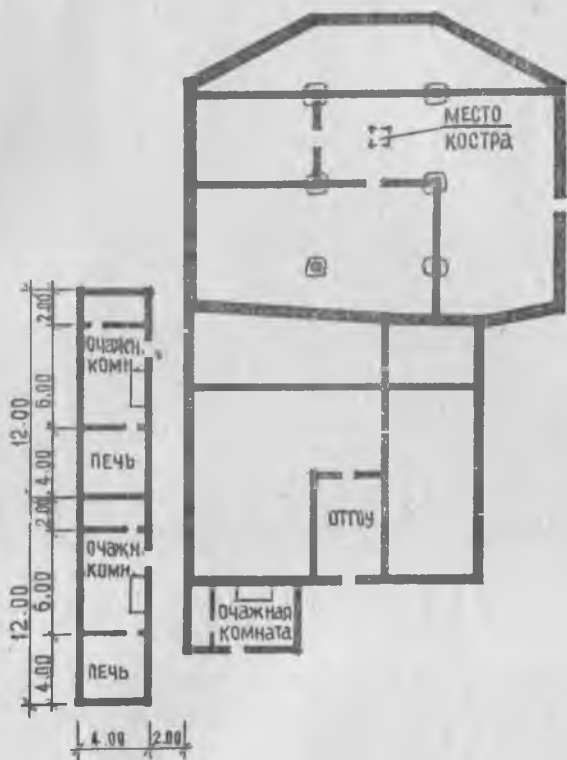

Рис. 2. Схема «арбаза», аул Н. Учкулан. М — 1 : 200.

Дом в Дууте представляет собой шестиугольный сруб больших размеров из массивных бревен. Жилище было однокамерным: здесь спали все члены семьи, готовили пищу, занимались домашней работой. Очаг, топившийся по-черному, находился посередине, а вокруг располагались постели членов семьи.

Со временем плановое решение жилища остается еще элементарно простым, но в этом едином помещении уже намечается разделение на жилую и хозяйственную зоны. Таково, например, старинное жилое помещение в усадьбе А. Б. Байрамукова в ауле Нижний Учкулан (см. рис. 2). Усадьба ныне не сохранилась, сведения о ней даются со слов А. Байрамукова. Внутреннее пространство этого помещения представляло собой шестиугольник. В центре помещения был расположен очаг. Место костра являлось центром жилой части помещения, другая часть внутреннего пространства предназначалась для скота, сена, продуктов и т. д.

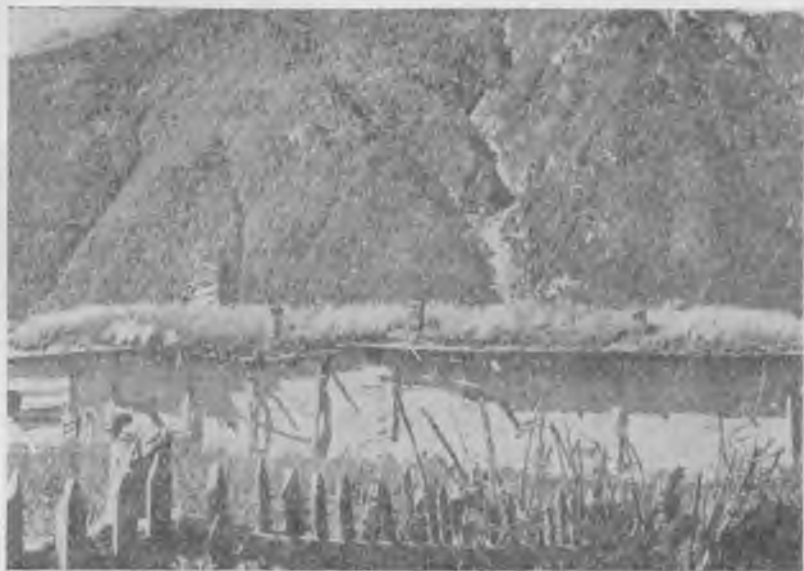

Рис. 3. Длинный дом, аул Хурзук.

Таким образом, вся постройка представляла собой единое пространство, разделенное не на отдельные жилые и хозяйственные помещения, а только на зоны. Позднее эти зоны разделяются невысокими перегородками, затем они заменяются перегородками на всю высоту помещения, в которых делаются лазы размером 50×50 см. Позднее лазы заменяются дверями. Так происходит разделение внутреннего пространства на специальные отдельные помещения — хозяйственные и жилое. Со временем хозяйственные помещения выносятся в виде пристроек за пределы основного строения.

С разрастанием большой семьи само жилое пространство также постепенно дифференцируется. Сначала появляются отсеки в общем помещении, количество которых соответствует числу брачных пар.

По мере дальнейшего роста семейной общины молодые семьи уже не остаются возле родительского очага, а выделяют-ся в пристройки, примыкающие к первоначальному дому. Примером может служить большая пристройка в доме А. Байрамукова, в которой находились помещения молодых семей («отоу») и хозяйственные помещения. Отоу имели отдельные выходы на улицу, следы которых можно видеть в наружных стенах пристройки.

Поскольку скот остается общим, а хозяйственные интересы отдельных членов семейной общины еще тесно связаны между

Рис. 4. Арбаз в ауле Хурзук.

собой, постольку хозяйственные помещения остаются едиными и не дробятся. Пока все молодые семьи еще тесно связаны друг с другом, разрастаясь, они строятся рядом, образуя единый массив под одной кровлей, состоящей из жилых и хозяйственных помещений. Такой тип построек называется «баши джабылган арбаз», т. е. жилище с крытым двором. Такой тип жилища — традиционен для карачаевского строительства. Подобных построек нет у других соседних народов.

В настоящее время на территории Карачая лишь сохранились несколько арбазов, да и то в полуразрушенном или перестроенном виде. В несколько лучшем состоянии находится арбаз в бывшем квартале Дудовых (а. Хурзук), но он тоже перестроен (см. рис. № 4). Крытые арбазы имели обычно неправильную форму в плане, но более поздние арбазы старались строить прямоугольными. По своим размерам, в зависимости от величины и достатка семьи, арбазы были неодинаковы. Причем площадь их достигала несколько сот квадратных метров. По свидетельству Б. В. Миллера, «В среднем число членов двора колебалось между 15—25 чел., редко 30—35 чел., обычно включало три поколения»³.

³ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. — «Этнографическое обозрение». М., 1902, № 1—2, с. 21.

Рис. 5. Арбаз Алиева, аул Хурзук.

Как правило, по периметру располагались жилые и хозяйственные помещения. У входа в арбаз, направо, располагалась комната старших («уллу от юй»), затем помещение молодых семей. Все жилые помещения имели выход во внутренний двор. Помимо этого жилые помещения сообщались между собой дополнительными внутренними дверями. Крытый арбаз имел на улицу только один-единственный выход через арбазные ворота, которые замыкали кольцо построек вокруг дома.

Обычных окон в арбазных домах не было. Прорубались лишь небольшие окошечки размером 35×35 см, которые назывались «танг-терезе». Окошечки эти служили для наблюдения за всем происходящим на улице, за пределами арбаза.

Все сооружение было объединено под общей массивной земляной кровлей. В центре двора стоял своеобразный опорный столб — «беджен», сложенный в виде поленницы (см. рис. 6, рис. 19), который подпирал массивную кровлю над двором. Если двор был больших размеров и один «беджен» такую нагрузку выдержать не мог, то устанавливалось несколько «бедженов» (см. рис. 7). Первоначально кровля арбаза была глухая. Позднее для освещения двора в земляной кровле стало делаться световое отверстие. Со временем, в более поздних постройках, это световое отверстие так увеличилось в размерах, что в конце концов привело к упразднению кровли над двором, а вместо этого по дворовому фасаду жилого помещения стал устраиваться навес — «джатма».

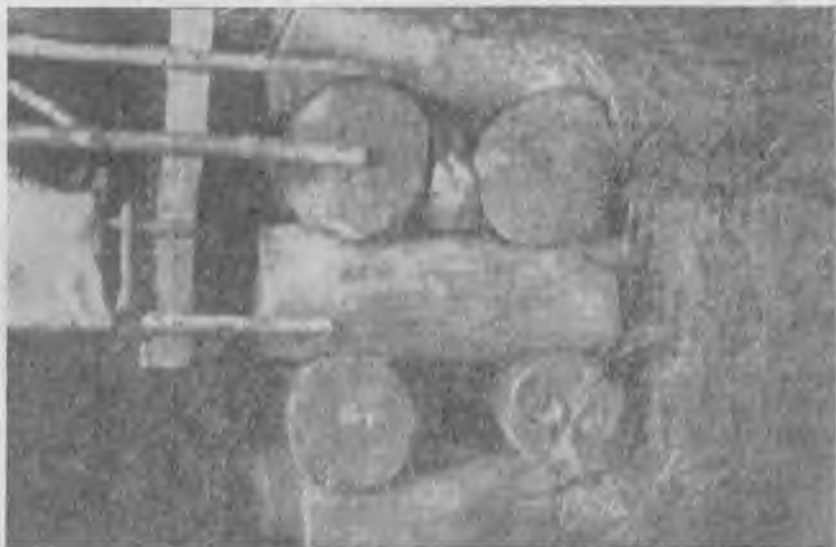

Рис. 6. Опорный столб «беджен». Дом Кипкеева. Аул Дуут.

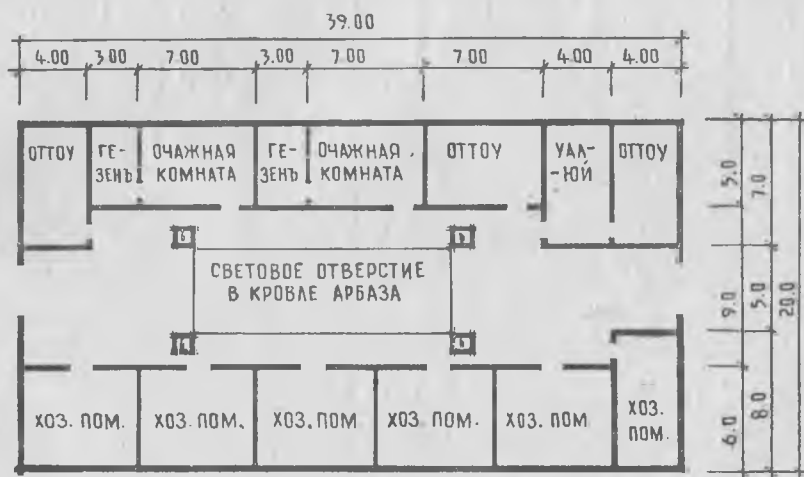

Рис. 7. Арбаз матери А. Байрамукова, аул Н. Учкулан. М—1 : 200.

Из этого описания видно, что «баши джабылгъан арбаз» представляет собой монументальное сооружение. Арбазы строились очень близко друг к другу, почти вплотную. Таким образом, образовывались сплошные массивы — кварталы («тийре»). Сверху эти кварталы казались зеленым лугом, т. к. земляное покрытие зарастало густой травой. Иногда арбазы

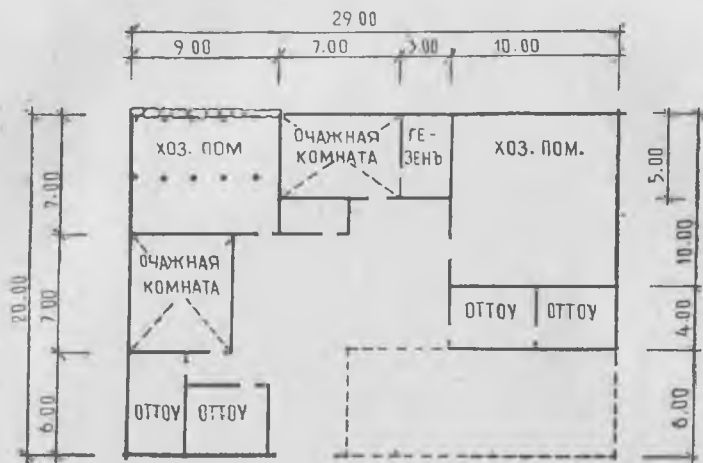

Рис. 8. Арбаз Алиева, аул Хурзук. М — 1 : 200.

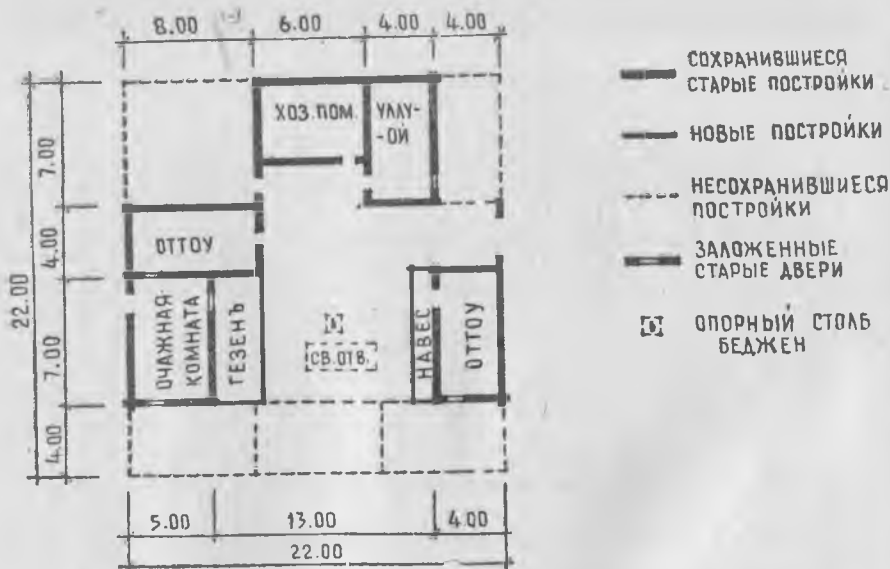

Рис. 9. Арбаз Дудова, аул Хурзук. М — 1 : 200.

сообщались между собой тоннелями, т. к. они имели и оборонное значение.

Во второй половине XIX в. в результате укрепления экономических связей с Россией в натуральном хозяйстве на Кавказе, хотя и медленно, но неуклонно пробивал себе дорогу капиталистический уклад. Тем самым подрывались устои архаических социально-экономических отношений. Взаимосвязь членов

Рис. 10. Длинный дом в квартале Салпагаровых. Аул Карт-Джурт.

семейной общины ослабляется, нередко после смерти главы семьи происходит хозяйственный раздел.

Все эти изменения не могли не отразиться на жилище. Начинает дифференцироваться внутреннее пространство «отоу». Помещение становится двухкамерным. Отвечая хозяйственным требованиям семьи, в жилище появляется своя кладовая, свой очаг или же печь. Но хозяйственные постройки пока остаются общими и при выделе молодые семьи держали скот в общих помещениях. Примером этой стадии могут служить остатки арбазных строений в ауле Хурзук. Но постепенно изолируются и хозяйственные помещения. Каждая отдельная семья имеет свой загон для скота. Это можно проследить и на примере арбаза в ауле Нижний Учкулан (см. рис. 7).

С конца XIX в. появляется новый тип жилища — длинный дом с галереей вдоль главного фасада. Такой дом служил жилищем большой патриархальной семьи на стадии ее разложения. Этот тип развился из «суставчатых» домов, когда жилища строились в один ряд один за другим. Примером нового типа может служить длинный дом с галереей в ауле Хурзук (см. рис. 3) и дом в арбазе Салпагаровых в ауле Карт-Джурт (см. рис. 10). Дома построены совсем отдельно от остальных построек. Хотя хозяйство уже и разделено, но своих хозяйственных помещений в этих комплексах еще нет. Скот держится в общих помещениях всей большой семьи.

Позднее, в конце XIX—начале XX в., такие дома строятся уже с подвальным этажом, в котором располагаются отдельные

Рис. 11. Длинный дом с подвалом. Аул Хурзук.

хозяйственные пошения семей, живущих в этом доме (см. рис. 11—14). Каждая семья имеет свой отдельный выход на общую галерею, которая служит связующим звеном между отдельными элементами жилья. Такой многокамерный тип с изолированными друг от друга жилыми помещениями — первый этап развития жилища малой семьи.

Малая семья, выделяясь, строится совершенно отдельно от остальных членов семьи. Жилище имеет однокомнатную или двухкомнатную планировку. Постепенно, с возрастанием потребностей малой семьи, жилище приобретает многокомнатную структуру, где жилые помещения разделяются по назначению: жилая комната, кунацкая, кухня, кладовая.

Такие дома местные богачи стали строить в 70—80-х годах XIX века. В их архитектурном облике чувствуется русское влияние. Об этом В. Я. Тепцов писал: «Живет он уже не в сакле, а в доме русского стиля: с деревянной крышей, окаймленной резьбой, с распашными ставнями, с русской печью, выбеленными стенами»⁴.

Из целого арбазного комплекса в конструктивном отношении можно выделить отдельное самостоятельное звено — жилище отдельной семьи. Жилище это «снаружи имеет бревенчатый вид русских изб, но они длиннее, шире и ниже»⁵. Крылья

⁴ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. — «СМОМПК», вып. 14. Тифлис, 1892, с. 99.

⁵ Г.—Д. Поездка к Южному склону Эльбруса. — «Библиотека для чтения», СПб., 1849, т. 97, с. 67.

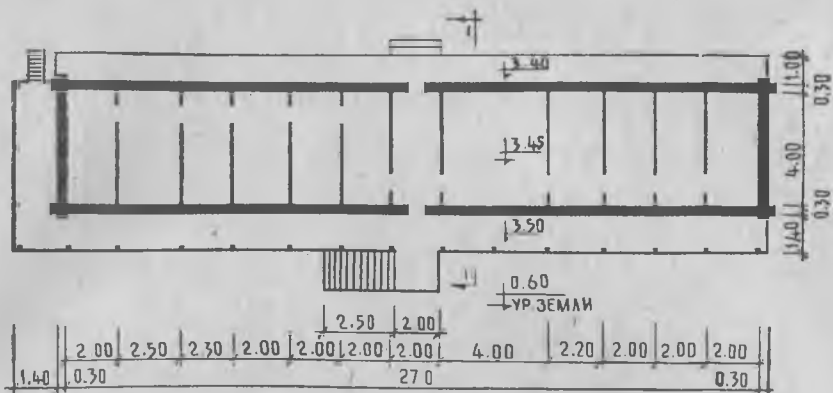

Рис. 12. План жилого этажа, дом Беглуловых, аул Хурзук. М—1:100.

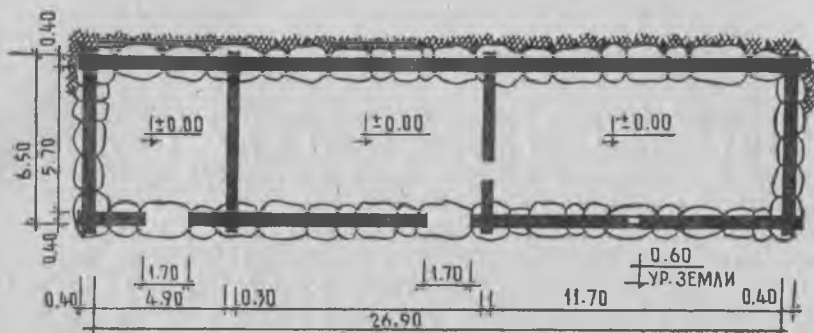

Рис. 13. План подвала, дом Беглуловых, аул Хурзук.

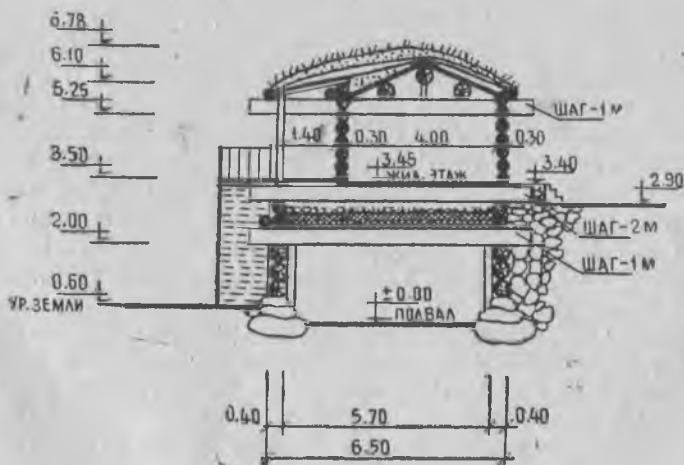

Рис. 14. Поперечный разрез 1—1. Дом Беглуловых, аул Хурзук. М—1:100.

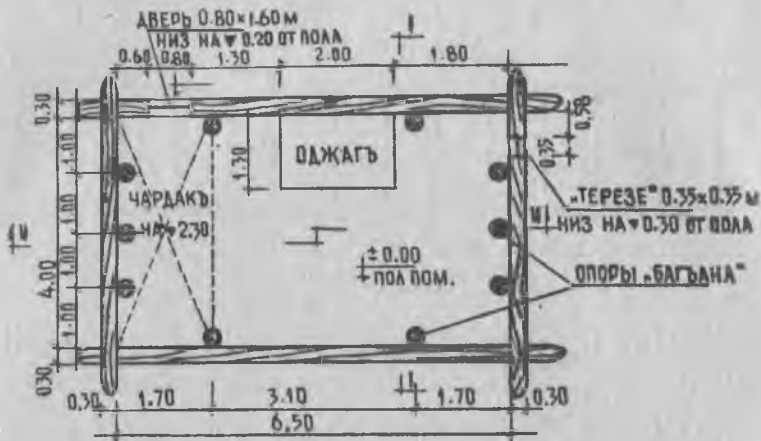

Рис. 15. Старинное карачаевское жилище. План «Уллу-юй».

двускатная, покрытая толстым слоем земли и заросшая травой. Над поверхностью крыши торчит труба, сплетенная из прутьев и обмазанная глиной — «оджакъ». Двери низкие, в две трети роста мужчины, окон нет вовсе.

Фундамента в полном смысле этого слова в карачаевских постройках не существовало. Его заменяли большие валуны, которые укладывались под углы сруба. Устраивать настоящий фундамент не имело смысла, т. к. грунт был каменистым и не требовал особого укрепления для возведения построек. Рылся неглубокий — 30 см — прямоугольный в плане котлован размером больше предполагаемых размеров внутреннего пространства помещения на 1 м в длину и ширину, т. е. приблизительно 8×5 метров. Дно котлована тщательно утрамбовывалось и по углам вкапывались валуны размером 50×50×30 см. На валуны укладывался первый конец сруба, который также выполнял роль фундамента (см. рис. № 15). Он делался из особой смолистой сосны — «чиракъ агъач» и эти сосновые бревна имели в диаметре 40—50 см. Дерево смолистой породы могло служить фундаментом не одну сотню лет. Подобрать такие могучие бревна было делом нелегким. Старики рассказывали, что из-за поисков смолистой сосны нередко задерживалось строительство жилищ.

Сначала укладывались продольные бревна первого венца, а затем уже поперечные. Первый венец устраивался так, что верх продольных бревен был несколько выше уровня наружной земли, чтобы в помещение не заливала вода. С торцов пространство от пола помещения до первого венца закладывалось камнями и засыпалось землей. Грунт снаружи вокруг постройки утрамбовывался, но завалинки для утепления не делались.

УТРАМБ. ЗЕМЛЯ, ПЫЛЮЖИНАЯ АСЕРИМ - 30 СМ
 УТРАМБ. ГЛИНА - 20 СМ
 КАМНИ - 10 СМ
 МОЖЖЕВЕЛЬНИК - 20 СМ
 ЖЕРДИ $\Phi 10-15$ СМ ИЛИ ПЛАСТИНЫ $\delta = 10-15$ СМ

1. ВЕНЕЦ, СЛУЖАЩИЙ ФУНДАМЕНТОМ, $\Phi = 45$ СМ
  - 2-8. ВЕНЦЫ СРУБА $\Phi = 30$ СМ
  9. ВСТАВКА
  10. МУСВК $\Phi 30$ СМ
  11. ПОПЕРЕЧНАЯ БАЛКА „АРАЛЫН“ $\Phi 40$ СМ
  12. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОГОН-СЫРТ-АРКАУ, $\Phi 40$ СМ
  13. БОКОВОЙ ПРОГОН „ДЖАН-АРКАУ“, $\Phi 40$ СМ
  14. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МАЙМУЛ $h = 70$ СМ
  15. БОКОВОЙ МАЙМУЛ $h = 20$ СМ
  16. ОПОРА „БАГЪАНА“ ПОД АРАЛЫН $\Phi = 25$ СМ
  17. ОПОРА „БАГЪАНА“ ПОД АРКАУ $\Phi = 25$ СМ
  18. УПОРНОЕ БРЕВНО-„ХАМИЗАН-АГАЧ“ $\Phi = 30$ СМ
  19. ФУНДАМЕНТНЫЕ КАМНИ ПО УГЛАМ СРУБА
  20. ЛОБОВОЕ БРЕВНО-„ХАМИЗАН-АГАЧ“ $\Phi 30$ СМ
- РАЗРЕЗ I-I

Рис. 16. Поперечный разрез I—I. М—1 : 50.

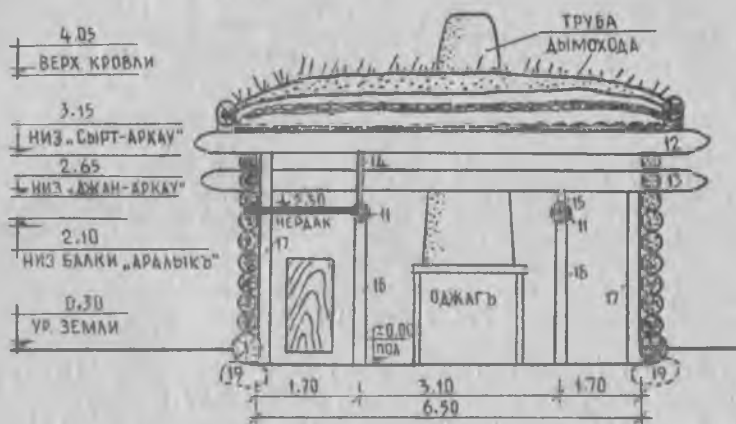

Рис. 17. Продольный разрез II—II. М—1 : 50.

Уровень пола в жилище устраивался на 30 см ниже уровня земли. Пол во всех старых карачаевских жилищах был земляной, тщательно утрамбованный и обмазанный желтой глиной («саз топракъ»). Обмазку производили вручную, в два приема. Сначала пол обмазывался очень крутой глиной слоем от 3 до 7 см. В глиняную массу добавляли овсяную полосу. Второй слой делался из очень жидкой глины. После обмазки глиной пол приобретал желтый цвет.

Сруб карачаевского жилища выполнялся из круглых оте-

Рис. 18. Узлы 1÷6.

санных бревен («къабыргъа агъач») диаметром 30—40 см. Размеры помещения в плане обычно составляли в среднем $6,5 \times 4,0$ м. Количество венцов обычно было восемь, считая и первый смолистый венец основания, служивший фундаментом. Высота от пола помещения до верха продольного бревна последнего, восьмого венца, обычно составляла 2,5 м, а до верха поперечного бревна последнего венца — 2,7 м (см. рис. 15—17). Такая небольшая высота помещения делалась для того, чтобы его легче было обогреть.

Бревна сруба в углах соединялись способом, называемым «чалдыш» (см. рис. 18, узел 1), т. е. недалеко от конца в бревне вырубалось полукруглое углубление на нижней поверхности бревна. Надо сказать, что эта вырубка делалась очень мелко и поэтому между венцами оставались щели. Эти зазоры затыкали щепками и распорками «хамыт» и замазывали снару-

жи глиняным раствором. Изнутри же никакой обмазки не было⁶. Кроме того, концы бревен не обрубались и не сравнивались. Неровные, разной длины концы выступали нередко «аршина на два⁷ в сторону от сруба»⁸. В суровые зимы карачаевцы срубали часть этих концов в использовании их для отопления жилищ⁹.

Обе поперечные стены обычно складывались из цельных бревен, продольные же стены иногда имели венцы, выполненные из состыкованных бревен, если одного бревна не хватало на всю длину продольной стены (см. рис. 18, узел 2).

Все опоры так же, как и остальные элементы постройки, делались деревянными. Эти опоры, носившие название «багъана», имели ряд разновидностей. Самая примитивная — это совершенно не обработанный ствол дерева, около 30 см в диаметре. На нем оставлялись сучья, которые использовались для подвески различной домашней утвари. Позднее, в постройках более развитого типа, «багъана» обрабатывалась (около 30×20 см в сечении).

Все опоры устанавливались на большие камни, которые служили фундаментом для этих опор. Размеры камней были различные. Но обычно диаметр камня превышал диаметр ствола раза в два. Позднее эти каменные подушки стали вкапываться в земляной пол, а не оставлялись на поверхности. Соединение опоры с прогонами делалось способом «чалдаш», т. е. в верхней части «багъана» в торце делалось углубление, в которое вкладывалось, как в чашку, бревно, для которого «багъана» служила опорой (см. рис. 18, узел 3). В зависимости от размеров и формы помещения несущие опоры устанавливались или посередине помещения или по краям, вдоль стен. Например, в старинном доме А. Байрамукова плоскую кровлю подпирали шесть опор, которые располагались в центре помещения в два ряда по три в каждом (см. рис. 2). Позднее, с развитием жилища, с изменением конструктивного решения «багъана» устанавливалась вплотную к стене, передавая на нее часть нагрузки.

Кроме того, в карачаевских жилищах использовался своеобразный опорный столб «беджен», который представлял собой опору, сложенную в виде клетки из коротких стволов. Иногда сверху венцы столба становились больше и сечение «беджена» увеличивалось. Эта своеобразная опора тоже базировалась на каменном основании. Беджен применялся в тех случаях, когда из-за большого пролета и значительного веса кровли нельзя было рассчитывать на достаточную прочность обычной опоры

⁶ У. Д. Алиев. Карачай, Ростов-на-Дону, 1927, с. 105.

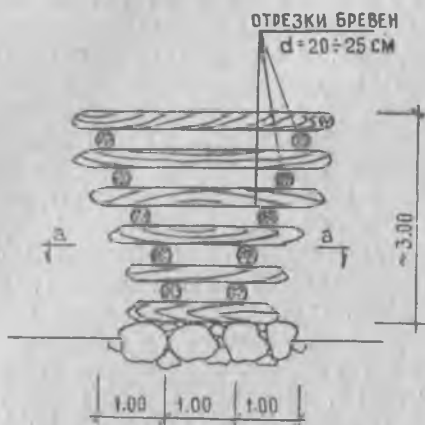
⁷ Аршин=71,12 см.

⁸ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай.— «ИКОИРГО», т. XXIII, 1915, № 3, с. 245.

⁹ И. С. Шуклин. Материалы для изучения карачаевцев.— «Русский антропологический журнал», 1913, № 1—2, с. 47.

ВИД СБОКУ

СЕЧЕНИЕ а-а

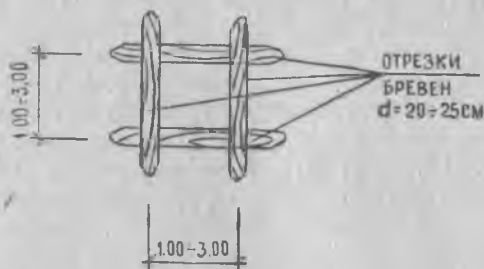

Рис. 19. Опорный столб—«беджен». М — 1 : 50.

«багъана». Такой «беджен» использовался, например, для перекрытия двора в «баши джабылгъан арбаз». До недавнего времени «беджены» сохранялись в арбазах Б. Карачая. «Беджен» существовал и в доме легендарного Боташа¹⁰. Такая опора существовала и у балкарцев¹¹. Аналогичные опоры использовались карачаевцами и при строительстве мостов¹². В настоящее время «беджен» сохранился лишь в многоугольном доме Кипкеева (а. Дуут, (см. рис. 6).

Кровля карачаевского жилища первоначально была плоской. При этом кровельные балки опирались на шесть опорных столбов, расположенных в два ряда по три в каждом (см. рис. 1). В сохранившемся до наших дней много-

угольном доме кровля хотя и плоская, но слегка приподнята в центре. Кровля поддерживалась опорным столбом — «беджене» в сечении 1×1 и высотой 3 метра.

На «беджене» от углов сруба сходились главные прогоны, на которые укладывались второстепенные балки, а уж по ним устраивалось само кровельное покрытие с земляным верхом (см. рис. 20, рис. 1). Так как кровля здесь в центре немного приподнята, то можно говорить о том, что дом в Дууте являлся как бы первой стадией развития скатной кровли. Когда же карачаевцы перешли к постройкам по габаритам гораздо

¹⁰ Материалы СКАЭЭ, 1973, ПЗ № 10, И. М. Шаманов.

¹¹ Э. Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, с. 208.

¹² Е. Н. Студенецкая. Карачаевцы «Народы Кавказа», М., 1962, т. I, с. 254.

меньшим, чем эти два вышеописанных дома, то в новых постройках кровля устраивалась уже двускатная.

Карачаевские жилища имели тяжелое земляное покрытие — «топракъ баши». Такая тяжесть, естественно, требовала массивного перекрытия, поддерживающего ее. Устройство кровли можно было отчетливо разглядеть, т. к. потолок не было и вся конструкция была на виду.

Поперек помещения, опираясь на продольные бревна предпоследнего, седьмого венца способом «чалдаш», укладывались параллельно друг от друга две балки — «аралыкъ». Диаметр их был около 30—40 см. Балки могли быть прямоугольного сечения около 30×25 см. Например, в отоу арбаза Дудова (см. рис. 21) балки прямоугольного сечения более сложны в изготовлении и появились позднее.

Балки («аралыкъ») располагались на расстоянии 1,5—2 м от торцовых стен. На концах «аралыкъ» подпирались опорными столбами «багъана» диаметром 30 см, которые устанавливались вплотную к продольной стене. На «аралыкъ» способом «чалдаш» устанавливались коротыши — «маймулы» (букв. обезьяны), на которые тем же способом укладывались продольные прогоны — «аркъау». Прогонов было три: центральный — «сырт аркъау» и два боковых — «джан аркъау». Делались они из массивных бревен диаметром 35—40 см. Центральный прогон делался иногда более массивным, чем боковые. Каждый продольный прогон поддерживался двумя маймулами — по одному с каждой стороны. Концы «аркъау» опирались на торцевые стены. «Джан аркъау» (боковые) укладывались на поперечные бревна последнего, восьмого венца; «сырт аркъау» (центральная) опиралась

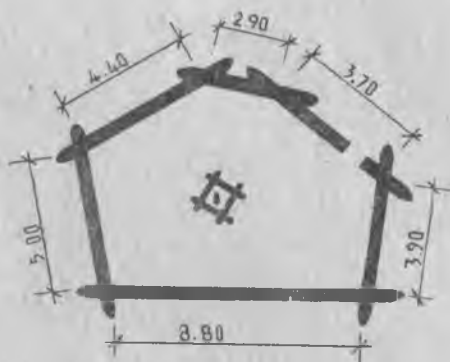

СХЕМА РАСКЛАДКИ
БАЛОК КРОВЕЛЬНОГО
ПОКРЫТИЯ ПО БЕДЖЕНЮ

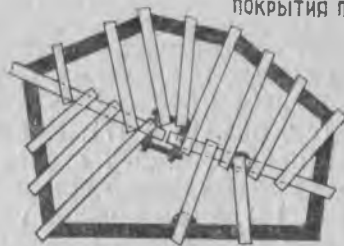

Рис. 20. Дом Кипкеева, аул Дуут. М—1 : 100.

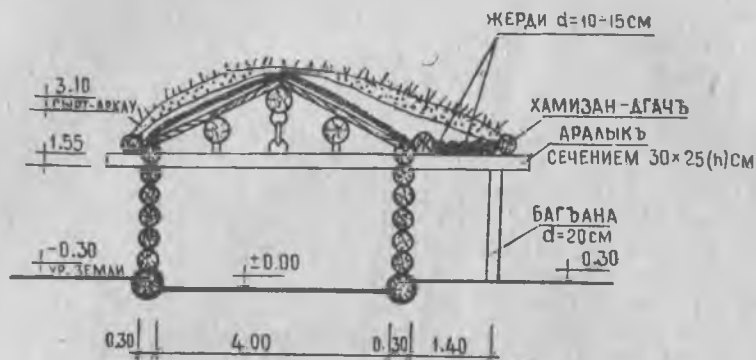

Рис. 21. Поперечный разрез отоу с навесом. Арбаз Дудова, аул Хурзук. М—1 : 50.

на следующее поперечное бревно — «мусук». Мусук укладывался поперек боковых продольных прогонов. Пространство между восьмым венцом и «мусуком» закладывалось дополнительным бревном (см. рис. 16 и 17). Кроме того, каждый конец «аркѣау» снизу поддерживался опорой — «багъана», которая ставилась с внутренней стороны помещения вплотную к торцевой стене (см. рис. 15). Все «аркѣау» укладывались на равном расстоянии друг от друга и от продольных стен, что составляло приблизительно по одному, т. е. «аркѣау» делили помещение в плане в продольном направлении на четыре равные части.

Для того чтобы устроить двускатную кровлю, коньковая балка — «сырт аркѣау» укладывалась на маймулы, которые делались выше маймулов, поддерживающих боковые балки, — «джан аркѣау». Если боковые маймулы имели высоту 20 см, то центральные маймулы имели около 70 см. Таким образом достигался значительный уклон кровли. На каждый метр по горизонтали уровень кровли повышался на 50 см. Если «джан аркѣау» (боковые прогоны) укладывались непосредственно на «аралыкѣ» без маймулов, то центральный маймул имел высоту 50 см (см. рис. 22).

Маймулы могли быть различной конфигурации. Могли быть и самые простые — обычные коротышки и по форме самые разные. Это было, пожалуй, единственное фигурное (архитектурное) украшение в самых старых домах (см. рис. 23).

На образовавшийся каркас двускатной кровли укладывался сплошной накат из жердей диаметром 10—15 см или полубревен толщиной 15 см, уложенный выпуклой стороной наружу.

С появлением пилы начали применять пиленные доски. Эти жерди (а позднее доски) сходились на коньковой балке «сырт аркѣау» без всякого крепления. Нижним концом жерди упира-

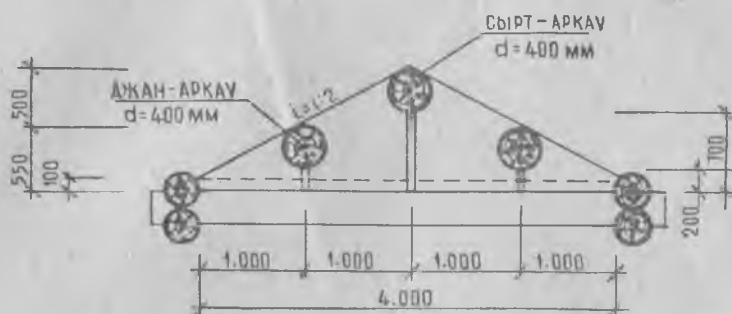
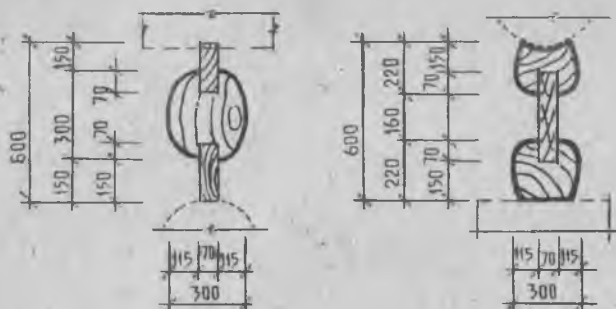

СХЕМА УКЛОНОВ

МАЙМУЛ

ВИДЫ МАЙМУЛОВ

Рис. 22. Схема уклонов (М—1 : 50), маймулы (М—1 : 20).

Рис. 23. Конструкция кровли. Маймулы.

лись в продольное бревно последнего, восьмого венца, врубаясь в него (см. рис. 18, узел 4).

На этот накат накладывался слой можжевельника, хвороста или сосновых всток, затем слой ячменной соломы — именно ее, т. к. она обладала важным качеством — никогда не отсыревала. Весь этот первый слой достигал 20—30 см. Он прижимался небольшими камнями и сверху накладывалась глина, а затем сухая земля. И то, и другое хорошо утрамбовывали и обкладывали дерном. Общая толщина кровельного покрытия таким образом могла достигать одного метра. Со временем земля оседала, крыша становилась пологой и скрывала крутой уклон каркаса кровли. В скором времени такая земляная крыша порастала травой и бурьяном, корни которых закрепляли землю. И «передко можно было видеть, как карачаевец косит траву на крыше своей сакли или же сюда пускает пасти козу или овцу»¹³.

Такая земляная крыша требовала тщательного ухода. В жару и засуху она покрывалась трещинами, которые надо было немедленно заделывать, иначе крыша начинала протекать и перекрытие могло загнить.

Для того чтобы земля не осыпалась, в торце по верху трех прогонов, образуя треугольник, прилаживались лобовые жерди диаметром 20 см («Хамизан агъач»), позднее, с появлением

¹³ И. С. Шукин. Указ. соч., с. 47.

пилы, стали использоваться доски на ребро сеч. 5×30 см. Внизу эти жерди так же, как и пакат кровли, врубались в бревно последнего венца сруба. Сходясь на коньковом прогопе, жерди скреплялись между собой способом, напоминающим способ «в ласточкин хвост» (см. рис. 18, узел 5).

Позднее, когда «хамизан агъач» стали делаться из досок, их прибивали деревянными гвоздями. В продольном направлении функции «хамизан агъач» выполняло бревно диаметром 30 см, которое укладывалось способом «чалдыш» на выпуске поперечного седьмого венца сруба и на выпуске балок — «аралыкъ» (см. рис. 16).

Как осуществлялся сток с крыши жилища, не совсем ясно. В соседних балкарских жилищах сток осуществлялся при помощи водосточных желобов — деревянных, долбленых, корытного сечения. Эти желоба устраивались по длине фасада в двух-трех местах¹⁴. Такой же сток делался у аварцев¹⁵. Видимо, по аналогии, можно считать, и в жилищах карачаевцев существовал подобный сток воды.

Навес вдоль переднего фасада, как уже говорилось раньше, возник в результате упразднения крытого двора. Но постепенно эта конструкция стала традицией, и навес стал делаться не только в арбазных домах, но и в новых длинных домах в виде веранды «шорбат».

Навес «джатма» устраивался по переднему фасаду дома следующим образом. Балка «аралыкъ» делалась длиннее, чем обычно, и укладывалась так, что один ее конец выступал в сторону от сруба приблизительно на 1,5—2 метра и подпирался «багъаной». На эти выпуски и на концы поперечных балок предпоследнего, седьмого, венца сруба укладывались жерди диаметром 10—15 см. На них укладывался можжевельник, камни и насыпалась глина и земля. Словом, все то же самое, что на основную кровлю (см. рис. 21).

Первое время концы бревен боковых стен сруба выступали разной длины. Но со временем, когда возводили поперечные стены жилища, при определении бревна в расчет брали и ширину навеса. Таким образом, пространство под навесом с обеих сторон было отгорожено выступающими концами бревен поперечных стен. Под этим навесом находилась входная дверь в помещение. Навес представлял собой хозяйственное своеобразное помещение. Члены семьи под этим навесом занимались рукоделием.

Самым сложным по конструкции в жилище карачаевцев был очаг «оджакъ», который был организующим центром внутреннего пространства дома. Здесь концентрировалась вся жизнь семьи. Возле него происходило приготовление пищи; здесь сиде-

¹⁴ Материалы СКЭЭ, МГУ, 1973, ПЗ, № 11, Мусукаев А.

¹⁵ Г. Я. Мовчан. Жилище народного Дагестана, с. 10.

Рис. 24. Очаг в старинном карачаевском доме.

ли и грелись в зимние холода; здесь собирались члены семьи для обеда, происходил прием и угощение гостей.

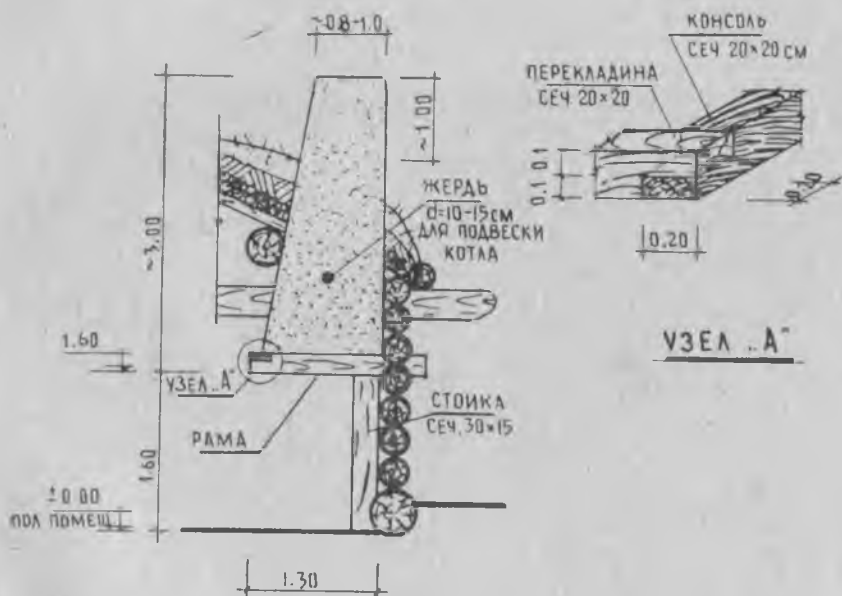
Развитие очага прошло ряд стадий — от простого костра до своеобразной формы пристенного очага. Очаг древнейшего жилища представлял собой обычный костер в середине помещения. В кровле над костром делалось отверстие для выхода дыма, через него же в помещение проникал слабый свет. Позднее для костра делается углубление в полу, а над отверстием в кровле — дымарь. Такой дымарь существовал и в доме легендарного Боташа. Дымарь представлял собой сруб из тонких бревен, сложенный в виде усеченной четырехгранной пирамиды. Позднее над отверстием в кровле делался плетеный дымарь, обмазанный снаружи глиной.

Но такое устройство дымаря непосредственно на кровле было неудобным. Надо было сделать его самостоятельным, независимым от конструкции кровли. Поэтому дымарь начинают устраивать непосредственно над огнем очага, опирая его на специальные стойки.

Когда размеры жилища сократились, очаг перенесли вплотную к стене. Обычно он располагался у лицевой стены слева от входа. Над ним устраивали плетеный дымарь, который делался вплотную к стене, доходил, суживаясь в сечении, до потолка и выше крыши переходил в дымовую трубу. Дымарь опирался на консоли, заделанные в стену. Для большей прочности консоли у

ПЛАН РАМЫ «ОТДЖАГА»

УЗЕЛ «А»

РАЗРЕЗ I-I

Рис. 25. Устройство дымохода — «отджага». М—1 : 50.

стен и на концах поддерживались стойками «билекъ агъач» (см. рис. 24).

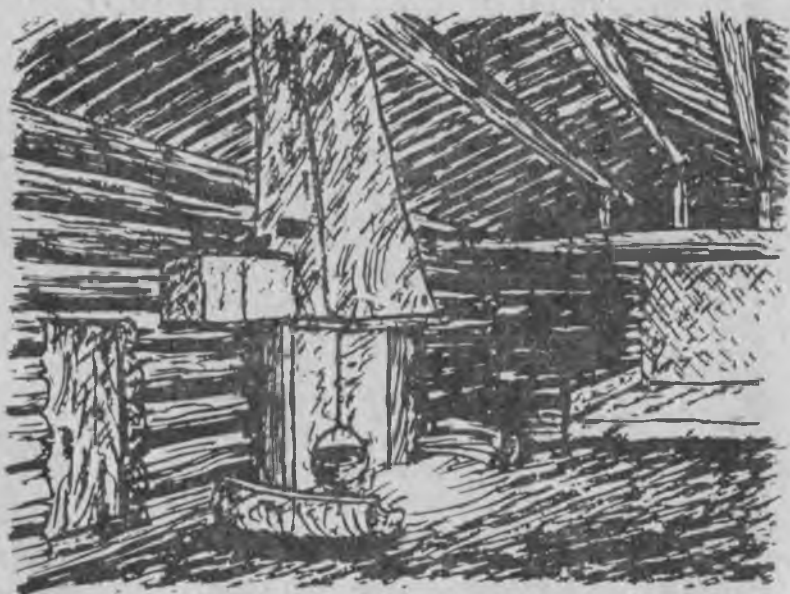
Интересно устройство очага «отджагъа» и надочажного устройства «отджакъ». На месте, где должен был гореть огонь, делали небольшое углубление в 30—40 см и в диаметре около полуметра. По краям этого углубления ставили небольшие камни («тыбыр ташла»), на которых лежали концы горящих дров. Позади углубления, у самой стены, устанавливались еще несколько плоских камней на высоту около одного метра, т. е. на такую высоту, на которую обычно поднималось пламя. Камни эти — «от ташла» — предохраняли стены от пожара. По краям «тыбыр ташла», с обеих сторон, приблизительно на расстоянии полуметра устраивались невысокие стенки, сложенные из камня и обмазанные глиной. В них делались небольшие ниши («къу-уш») для отдыха. Около них находилось место, где лежали лучины («чиракъ»).

Надочажное сооружение имело сложное устройство (см. рис. 25). В стену сруба на высоте 1,60 м от пола и на расстоянии двух метров друг от друга закладывались две консоли, которые выступали на 1,3 м в сторону от стены. На концах консоли соединялись между собой перекладной. Соединение перекладной с консолями осуществлялось способом «в полдерева». И консоли и перекладина делались одного сечения — 20×20 см. Консоли подпирались у стены и на концах стойки — «билек агъач» 30×15 см в сечении. Позднее для предохранения стен от огня роль стоек стали выполнять доски, расширяющиеся кверху в виде кронштейнов. На образовавшуюся таким образом раму опиралась плетенка дымохода. Каркас плетенки представлял собой стойки сечением 30×30 мм, расположенные на расстоянии 25 см друг от друга. Все стойки переплетались ивовыми прутьями и весь плетень обмазывался глиной. «Отджагъ» кверху постепенно сужался. Если у основания он имел размеры в плане 2×1,3 м, то, выйдя наружу, он имел в диаметре около одного метра. Над земляной кровлей дымарь возвышался на высоту 1 метра, а то и больше. Такая высота способствовала хорошей тяге. Общая высота очага таким образом достигала 3,5—4 метра. Наружная часть очага, чтобы избежать пожара, ежегодно в теплое время тщательно обмазывалась сначала желтой, а затем белой глиной. «Отджакъ» был прямой без колена, никаких задвижек в трубе, которые подольше сохраняли бы тепло в помещении, тоже не было. Широкое отверстие дымохода было открыто постоянно. Через него в помещение проникал слабый свет, а зимой в это отверстие врывался ветер и снег. Так что главная польза от очага была в варке пищи.

Над огнем внутри дымохода заделывалась перекладина диаметром 10—15 см, на которой укреплялась длинная железная цепь — «сынджир» длиной 2,5—3 метра. На этой цепи подвешивался котел для приготовления пищи.

КАРАЧАЕВСКИЙ АУЛ

ИНТЕРЬЕР КАРАЧАЕВСКОГО ЖИЛИЩА

Рис. 26.

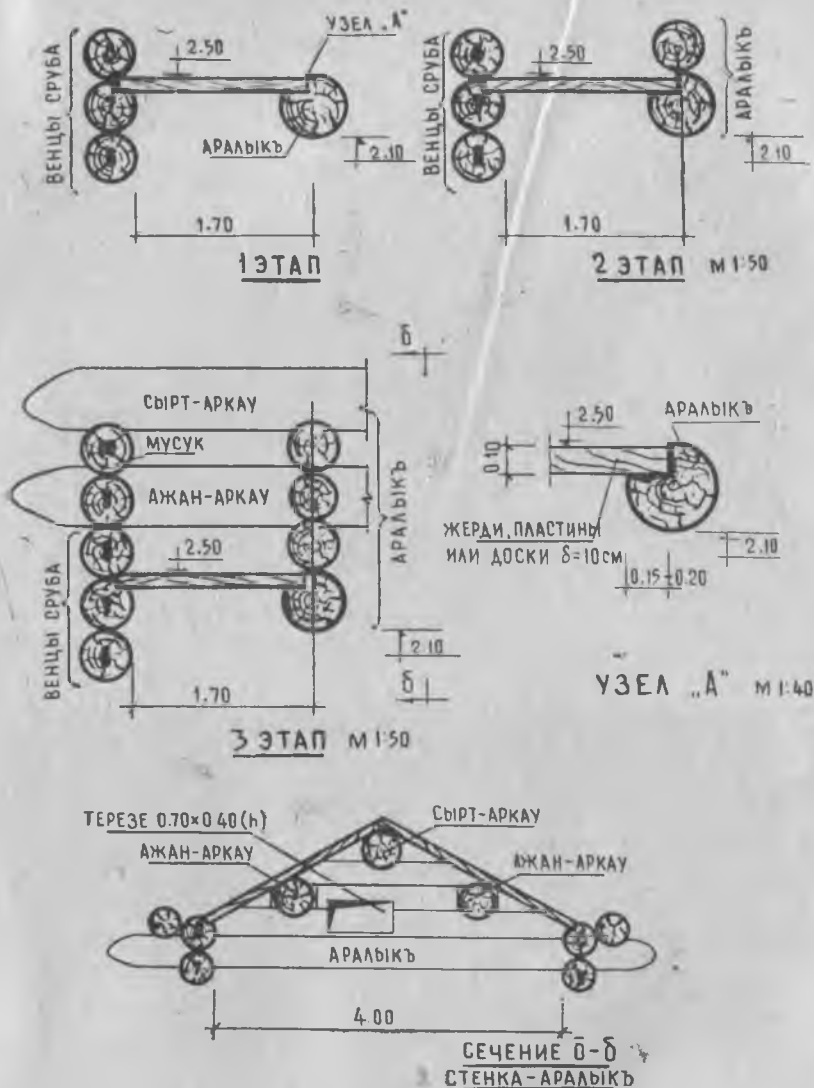

Рис. 27. Эволюция «чардакья».

В конце XIX в., под влиянием русских, в жилищах карачаевцев, и в первую очередь в отоу, стали появляться печи. Но несмотря на это до сих пор в строениях Б. Карачая сохраняются старого типа очаги, которые с успехом используются и по сей день. Например, в доме Б. Цулукианова (а. Хурзук), И. Хубиева (а. Карт-Джурт), С. Бостанова (а. В. Учкулан).

«Чардакь» в старинных карачаевских жилищах служил для хранения продуктов семьи (см. рис. 27). «Чардакь», видимо,

появился раньше, чем кладовая «гёзен». Он не требовал дополнительного увеличения площади помещения и тем самым был удобен. «Чардакъ» устраивался над входом — между торцевой стеной делалось по продольной штрабе. Через пролет между поперечной стеной и поперечной балкой — «аралыкъ» укладывались доски, которые и образовывали пол «чардакъа».

Первоначально он представлял собой подобие полатей.

Позднее на основной

«аралыкъ» укладывалось еще одно бревно и обе балки носили единое название «аралыкъ». Примером может служить «чардакъ» в арбазном «улле от юй» в квартале Дудова. Со временем «аралыкъ» продолжает наращиваться и в конце концов образовывается стенка, которая продолжает носить название «аралыкъ». В стенке «аралыкъ» делается отверстие размером 70×40 см. Стенка выполняет сразу две функции: отгораживает пространства чардакъ и заменяет маймулов, неся на себе продольные балки кровли «аракъау».

В более поздних постройках в помещении стали отводить специальное место для хранения продуктов. Жилое помещение состояло из двух камер: жилой комнаты «юй» и кладовой «гёзен», которая располагалась справа от входа (см. рис. 28). При строительстве жилища обязательно принимали в расчет и устройство кладовой. Поэтому размеры жилища делались несколько больше обычных. После того как жилище было готово, делалась перегородка, которая отделяла кладовую от жилого помещения. Перегородка эта делалась из менее массивных бревен, чем стены сруба, т. к. здесь не требовалось особой прочности. «Гёзен» соединялась с «юй» или лазом, который завешивался кийизом (войлоком) или одностворчатой дверью, которая по размерам была гораздо меньше входной, но по конструкции не отличалась от нее. Если «гёзен» устраивалась в старом жилище, то ее просто пристраивали в виде прируба и прорубали в нее дверь из помещения.

Как уже говорилось, комнаты арбазного дома, кроме главной входной двери, могли еще иметь внутренние двери для со-

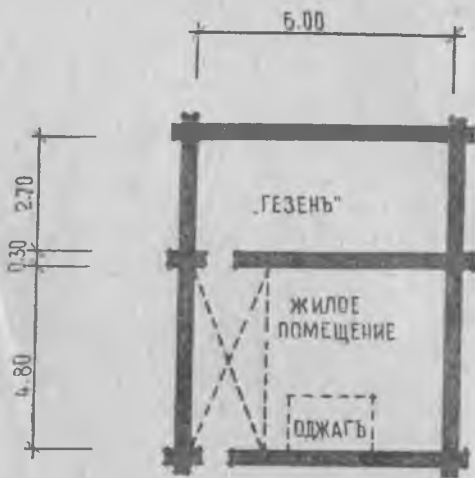

Рис. 28. Очажное помещение с кладовой «гёзенъ» арбаз Дудова, аул Хурзук. М—1:100.

общения жилых помещений между собой. Двери могли быть двух видов: двустворчатые — «бир ачылгъан» и одностворчатые — «эки тюрюю». Но по своей ширине они были приблизительно одинаковыми. Двустворчатые двери более древние, т. к. створка делалась из одной широкой доски. Но этого было недостаточно, чтобы прошел человек. Поэтому двери делались из двух створок, которые закрывались, нахлестывались одна на другую. Такие двери существовали еще в середине XIX века¹⁶. Позднее, когда строители научились скреплять доски в одно широкое полотно, двери стали делаться одностворчатыми. По словам стариков-информаторов в отдаленные времена двери делались двойными, т. е. состояли из внутренних и наружных створок. Внутренние створки открывались во внутрь помещения, а наружные распахивались наружу. Устройство таких двойных дверей объясняется стремлением подольше сохранить тепло в помещении. В архитектуре карачаевских построек не было сеней и поэтому пространство между внешними и внутренними створками выполняло роль тамбура.

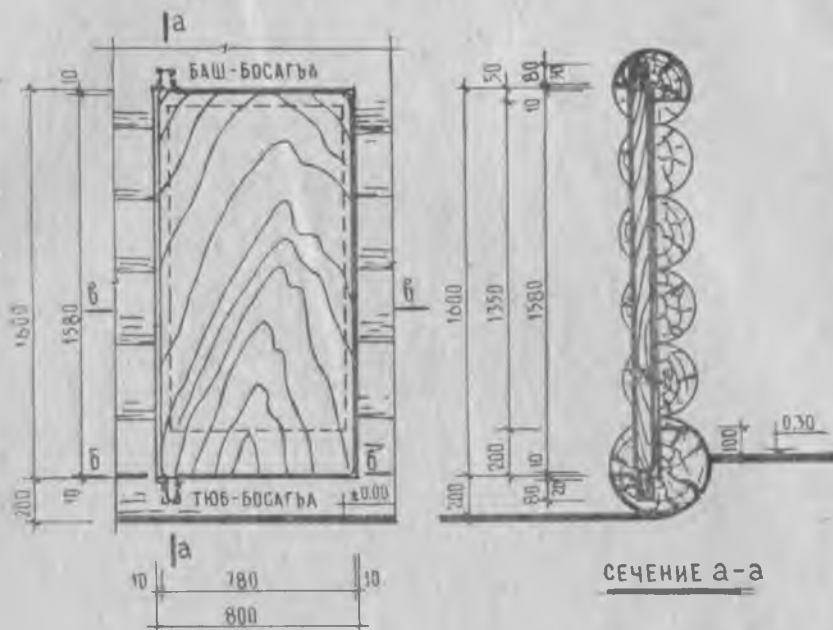
Для изготовления двери выбирали наиболее мягкие сорта сосны. Доски применялись толстые до 5—7 см и широкие — в среднем 50 см. Размеры дверных проемов имели обычно около 80 см в ширину и 1,40—1,60 м в высоту (см. рис. 29). Пройти через такие двери можно было только сильно нагнувшись. Порогом «босагъа» было бревно первого смолистого венца сруба, служившего фундаментом. На том месте, где должен быть дверной проем, бревно целиком не вырубалось, а оставлялась четверть высотой около 10—20 см, которая и служила порогом. Порог отделялся как можно лучше, его содержали в чистоте и не наступали на него. Наступить на порог считалось признаком невоспитанного человека.

Дверь «эшик» делалась на «пятах», т. е. на дверной створке («эшик къангъа») делались штыри («безги») в сечении около 4×4 см и длиной приблизительно 10 см. В притолоке («баш босагъа») и в пороге («тюб босагъа») делались пазы («тешик»), куда вставлялись дверные штыри («безги»). На этих штырях и вращалось дверное полотно. Для лучшего вращения ребра дверного полотна и штыри округлялись. В створке в качестве ручки было отверстие.

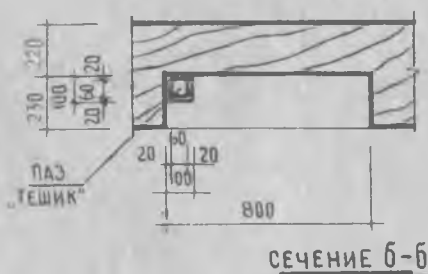
В арбазных домах двери не запирались, но в более поздних постройках они стали запираться. Закрывалась дверь только изнутри при помощи жерди или бруса, которые вставлялись в пазы в косяках. С внешней стороны дверь не имела никакого запора и, когда в доме никого не было, дверь оставалась незапертой.

Несколько иначе крепились створки арбазных ворот, которые являлись единственным входом в арбаз с улицы. На створках ворот делались штыри, подобные дверным, но больших раз-

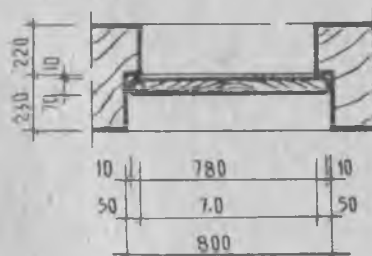
¹⁶ Г.—Д. Поездка к Южному склону Эльбруса, с. 67.

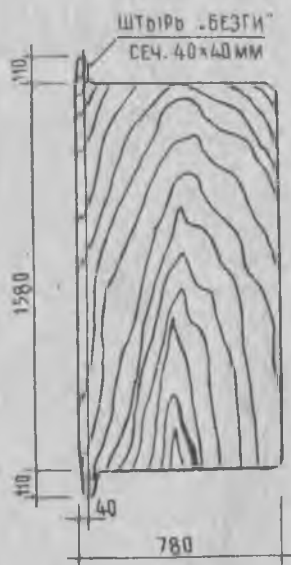
сечение а-а

сечение б-б

сечение в-в

ДВЕРНАЯ СТВОРКА
(ЭШИКЪ-КЪАНГА) М 1:20

Рис. 29. Дверь — «эшикъ».

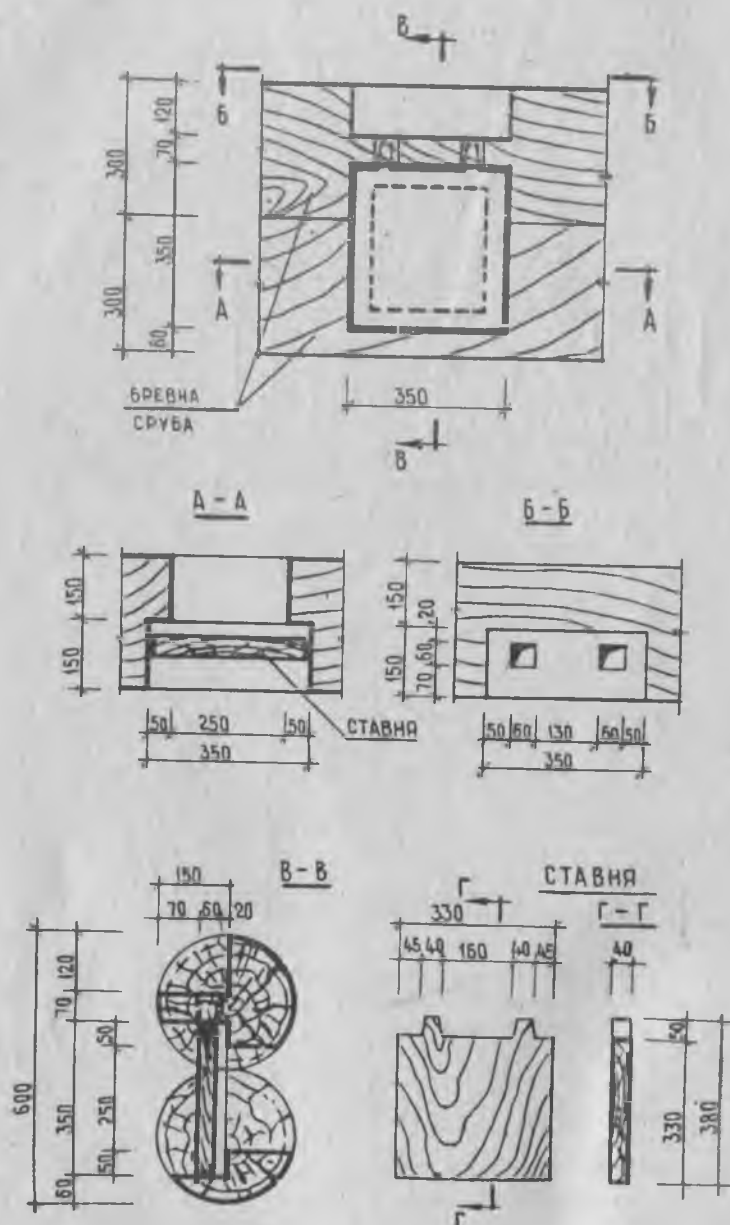

Рис. 30. Окно — «тан терезе». М—1 : 10.

меров. Нижние штыри заделывались в землю, а верхние притягивались к боковым столбам при помощи рогулины, которая на концах связывалась бычьими жилами (см. черт. 19, узел 6). Ворота с внутренней стороны закрывались на засов.

Окон в старинных карачаевских домах арбазного типа не было, т. к. в них не было необходимости. Ведь арбаз представлял собой замкнутое строение под общей кровлей, в помещениях были только небольшие отверстия — слуховые окошечки — «танг терезе» (см. рис. 30). Они устраивались над самым полом, приблизительно на 50 см от него.

В двух бревнах вырезалось отверстие размером 35×35 см и в глубину наполовину толщины бревна. Слуховое окно закрывалось ставней, которая крепилась по тому же принципу, что и двери. В верхней части проема делались два отверстия, куда вставлялись штыри — «безги» длиной около 5—6 см, сделанные на ставне.

Позднее, с упразднением крытого двора, у карачаевцев появились окна («терезе»). Сначала ими служили те же самые слуховые отверстия. Зимой «терезе» затыкались куском кожи, войлоком или подушкой. Затем они стали затягиваться бычьим пузырем — «ёгюз кьуукъ». Настоящие же окна, с рамами, появились у карачаевцев значительно позже, с 60—70-х годов XIX века.

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ

Книга С. Ш. Гаджиевой «Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX вв.» (М., Наука, 1976) не первое исследование автора по данной теме. К ней она обращалась и раньше. С. Ш. Гаджиева известна своими серьезными исследованиями не только родного кумыкского народа, но и других народов Дагестана. Обращение ее к ногайской теме не случайно. Понимая язык данного народа, можно собрать ценный полевой материал. Что и сделано автором. Помимо этого, в книге использован историко-этнографический и краеведческий материал, нашедший отражение в многочисленных статьях и заметках исследователей и путешественников XVII—XIX вв. В книге мы находим также данные из архивных источников, умело использованные автором и впервые введенные в научный оборот.

Монография посвящена изучению материальной культуры ногайцев, населявших в прошлом обширные степи Поволжья, Причерноморья, Приазовья и Северного Кавказа. Данная тема, как и вся история и этнография ногайцев до сих пор, к сожалению, еще не стала предметом пристального внимания спе-

циалистов. Книга С. Ш. Гаджиевой — первая, посвященная своеобразной и богатой культуре ногайцев. По охвату темы книга многоплановая, ибо в ней затрагиваются вопросы не только материальной культуры, но и этногенеза, этнического состава ногайцев. Эти вопросы в какой-то мере освещены во «Введении». Помимо них во введении автор характеризует территориально-административное расположение современных ногайцев, их социально-экономическое развитие в прошлом, когда «лучшие земли пахотились в руках крупных скотоводов, а также были отняты казной и отданы царским чиновникам за их верноподданническую службу самодержавию». Тяжелая жизнь народа продолжалась до Великой Октябрьской социалистической революции, которая, как и многие другие народы национальных окраин царской России, вывела на широкую дорогу строительства нового коммунистического общества и ногайцев.

В первой главе «Поселение и жилище» автор отмечает, что первые поселения у ногайцев возникли в северокрымских степях с XVI в. (стр. 16), а у кубанских ногайцев они известны с XVII века. Вместе с тем основная масса народа вела кочевой образ жизни. На основании анализа источников автор приходит к выводу, что с XVI в. для ногайских поселений «аул» был не специфичен, а народ кочевал крупными подразделениями — ордами. Аулы в современном нашем понимании стали фигурировать с XVII века. Характеризуя кочевые аулы, исследователь отмечает количественный состав их, размеры, места кочевий. Аулы, по мнению автора, были зимние (къыслав), летние, осенние и весенние (яйлакъ, язлав). Рассмотрены вопросы названий аулов, принцип их именования. Прослеживается постепенный переход народа к полной оседлости. Используя довольно обширный архивный материал, С. Ш. Гаджиева показала процесс полного перехода ногайцев к оседлости и подлинное их процветание в Советскую эпоху. Касаясь вопроса жилищ, автор отмечает, что общераспространенным типом жилища была юрта «терме» и «отав». Дается описание форм юрты, ее деталей, из какого материала она изготавливалась. Размеры, качество, внутреннее убранство юрты зависело от материального и социального состояния ее владельца. Постепенно автор переходит к описанию домов ногайцев из сырцового кирпича, приемы их строительства. Подробно описан интерьер, типичный и для юрт и для домов.

С большим интересом читается вторая глава «Одежда, оружие и украшения». Здесь детальному изучению подвергается прядение и ткачество, обработка шкур, производство войлока, мужская и женская одежда, которая была приспособлена к различным условиям жизни народа. Покрой одежды ногайцев уходит корнями в глубокую древность. Это отмечается автором при сравнении одежды половцев и ногайцев. Оно и понятно, ибо значительная часть племен, влившихся в состав современных но-

гайцев, входила в число половцев. А при описании ногайского башлыка «баслык» С. Ш. Гаджиева усматривает генетическую связь с головным убором жителей Средней Азии VI—IV вв. до н. э., а также с головным убором гуннов. В состав гуннов, как и половцев, также входили племена, впоследствии принимавшие участие в формировании ногайского этноса, например, существующее и ныне племенное название «исун».

В этой главе автор анализирует и обрядовую одежду, подразделяя ее на свадебную, погребальную, траурную. Однако, думается, автор все-таки мало уделила внимания одежде, как этническому признаку, недостаточно осветила традиционные ее формы в их развитии. Оставляют желать лучшего и фотографии — они производят впечатление случайных снимков.

Достоинством данной главы можно считать хорошо разработанную терминологию деталей одежды, различных видов нательного белья и верхней одежды. Они с успехом могут быть использованы при разработке истории одежды народов Северного Кавказа. При описании вооружения воинов-ногайцев автор приводит неполный перечень его, недостаточно использует имеющийся материал, а также богатый ногайский героический эпос.

Содержательной и довольно хорошо проиллюстрированной можно считать главу «Пища». Питание ногайцев соответствовало хозяйственной деятельности народа, его экономическому укладу. Подчеркнут ограниченный ассортимент продуктов. В основе всех блюд лежало мясо. Пользовались мукой, которая служила для приготовления различных блюд, а также ритуальных кушаний «баурсак», «кьатлама» и других. Со знанием изучены молочные изделия, процесс их изготовления и хранения. Несомненно, от такого решения поставленных задач работа на много выигрывает. Автор останавливает внимание читателя на изделиях из рыбы, которые также входили в меню народа. Пища ногайцев пополнялась и за счет мяса дичи, которая добывалась охотниками. Подробно описан национальный ногайский чай, который под этим названием стал традиционным для многих народов Северного Кавказа. С. Ш. Гаджиева отмечает классовое различие в питании богатых и бедных. В книге удачно показано и взаимовлияние кухни народов Кавказа. За годы Советской власти пища ногайцев, как и у многих народов, стала разнообразнее и богаче — свидетельство зажиточной жизни народа.

Большой удачей автора является «Заключение». С. Ш. Гаджиева отмечает, что «Ногайский народ за свою многовековую историю создал исключительно богатую и своеобразную материальную культуру, очень оригинальные для своего времени типы жилища, обстановку быта, утварь, хорошо приспособленные к условиям кочевой жизни, прекрасные изделия домашних промыслов, устойчивые национальные кушания, а также напитки, не потерявшие своего значения до настоящего времени. Известны ногайцы и как создатели многокрасочной, нарядной нацио-

нальной одежды, а также ярких и уникальных украшений». Автор на основе своих научных изысканий подчеркивает древнюю связь культуры ногайцев с тюркоязычными народами: казахами, каракалпаками, туркменами, узбеками, татарами и другими. Далее прослеживаются изменения, последовавшие вслед за переходом к полной оседлости, которые коснулись типов жилищ, элементов одежды, пищи и общественных институтов. Автор правильно отмечает, что «отдавая должное влиянию коренного кавказского населения с его высокой земледельческой культурой на быт ногайцев, мы, однако, не должны забывать, что это влияние не было односторонним. Живя бок о бок с народами Северного Кавказа, ногайцы со своей оригинальной культурой также оказали значительное влияние на культуру этих народов». Подкрепляя данный тезис, С. Ш. Гаджиева приводит примеры взаимовлияния и ставит интересную проблему сравнительно-исторического изучения материальной культуры народов Кавказа. Завершая заключение, автор показывает те глубокие изменения в хозяйственной, общественно-политической и духовной жизни народа, которые произошли за годы Советской власти.

В целом положительно оценивая книгу, следует указать некоторые досадные упущения.

В начале работы автор заявляет, что «исследование посвящено в основном ногайцам, проживающим на территории Северного Дагестана» (стр. 3). Тем не менее книга претендует на всю материальную культуру ногайцев в прошлом. Видимо, упущения как раз и связаны с этим. То есть постановкой узкой проблемы, а решением ее с привлечением материалов, касающихся всех ногайцев. Начнем по порядку.

Учитывая поставленную задачу показать типичное на фоне общего, надо было во «Введении», на наш взгляд, расширить сведения по истории ногайцев. Этногенез народа можно было дать несколько подробнее, шире осветить вопрос о существовании Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды, а также Астраханского ханства, основанного ногайскими ханами. Было бы уместно здесь же кратко коснуться политической истории Ногайской орды, чтобы читателю стало ясно, какое место среди народов Северного Кавказа занимают нынешние ногайцы Дагестана и Ставрополя.

При характеристике жилища и поселения ногайцев автор заявляет, что они были кочевниками и земледелием не занимались. Не отрицая, что ногайцы были кочевниками, хотелось бы напомнить о комплексном характере хозяйства у кочевников вообще, у ногайцев в частности, при котором один вид деятельности — скотоводство — является основным, другие же, например, земледелие, занимают подчиненное положение. Живя бок о бок со многими народами средневековья, ногайцы не могли остаться в стороне от древних земледельческих традиций. Земледельческая культура ногайцев связана с культурой древних

племен (кипчаков, болгар, хазар и др.). Касаясь земледелия, можно указать на ряд источников. Например, источник 1492 г. сообщает, «а нынче, государь, царев человек приехал из Орды (ногайской — Р. К.), и он сказывает, что Орда пашню пахала на Куме»¹. Вряд ли правомерно высказывание автора, что рис ногайцам стал известен лишь в XX веке (стр. 14). Хотелось бы также напомнить сообщения Я. Я. Стрейса в XVII в., что ногайцы «пекут также пироги из риса и ячменя на масле или на меду»². И. Г. Георги в XVIII в. писал, что ногайцы «имеют хлебопашество: сеют просо, ячмень, пшеницу, изредка лен и коноплю, некоторые огородные растения и табак, а некоторые и сорочинское пшено»³ (т. е. рис — Р. К.). Автор книги, хотя и ссылается на отмеченных авторов, но по непонятным причинам не приводит многие данные, которые полнее отражают жизнь народа. В этой связи хотелось бы обратить внимание на вопросы существования оседлых поселений у ногайцев в исследуемое автором время. С. Ш. Гаджиева пишет, что в прошлом таких поселений не было. Нам кажется, книга выиграла бы, если она привлекла работы В. В. Бартольда (соч., т. V, стр. 143), В. И. Жирмунского (Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 415), где указан город Сарайшик, резиденция ногайского князя. Данный город располагался при устье реки Яик. Здесь же имелось земледельческое и торговое население. Дортелли д'Асколи в начале XVII в. писал: «не следует, однако, отрицать, что у князей и у других знатных ногайцев есть селения и дворцы». Однако исследователь С. Ш. Гаджиева использует свидетельства данного автора выборочно. Поэтому ограничивается тем, что приводит слова отмеченного путешественника «ногайцы же не имеют постоянных жилищ в деревнях, а живут в степи, на повозках» (стр. 50). В этой связи следует заметить и другие моменты в использовании источников. Например, автор пишет: «Даже архивные документы начала XIX в., правда, относящиеся к ногайцам Таврической губернии, отмечают, что «ногайские кибитки не складываются, как калмыцкие, но перевозят оные татары на возах или арбах» (стр. 52). Но в то же время обходит молчанием слова А. Павлова — автора первой половины XIX в., что «кибитка имеет основание свое на складных деревянных клетях, утвержденных на ремне с обеих сторон петлями, когда нужно устроить ее, сперва расставят эти клетки кругообразно вышине и ширине их: к вершине прикрепят полукруглую клеть, имеющую вверху отверстие». (О ногайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842, стр. 14). Не полностью использована имеющаяся по ногайцам литература и при характеристике типов домов и приемов их строительства. Видимо, в

¹ Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, с. 167.

² Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935, с. 197.

³ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов..., ч. II, СПб., 1799, с. 32.

этом и объясняются некоторые погрешности в исследовании ряда вопросов. Например, С. Ш. Гаджиева пишет, что «ногайцы-кочевники постепенно осваивали типы жилищ и приемы строительства, характерные для соседних народов» (стр. 63), живущих на Северном Кавказе, в частности, кабардинцев и кумыков. При этом она описывает, как эти дома строились, как теперь изготавливают сырцовый кирпич и возводят стены (стр. 68). Видимо, так не было бы сказано, если бы автор использовала работу немецкого исследователя Д. Шлаттера, прожившего среди ногайцев в течение шести лет и хорошо изучившего язык народа, быт его и культуру. Приведем его слова о приемах строительства дома: «В определенном месте ногаец копает землю, образуя круг от 12 до 15 шагов диаметром. На взрыхленную землю выливают воду, добавляют солому и на лошади месят глину. Массу оставляют на несколько часов, затем формуют в деревянных формах и получают «кербиш», после высыхания складывают дом. Высота дома обычно 6 шагов. Делят дом на три, редко на четыре комнаты. Крышу покрывают балками «макас», затем камышом, соломой, а потом землей. В середине крыши оставляют отверстие для дымохода. Стены сначала мажут глиной, а потом белой глиной «ак балшык». Весь дом называется «уьй», а входная комната «аят уьй»². Наблюдения Д. Шлаттера относятся к первой четверти XIX века. И в этой связи хочется привести слова современного исследователя А. А. Шенникова, который хорошо известен С. Ш. Гаджиевой, но почему-то опять-таки почти не цитирован. Может быть, потому, что он пишет: что «ногайцы создали свой тип дома самостоятельно»³. Несомненно, работа С. Ш. Гаджиевой во много раз выиграла бы, если бы автор использовал полнее данные источники. А теперь кратко о терминах, которыми называли и называют детали домов ногайцы. Думается, что они приведены неполностью и от этого может сложиться неправильное представление о бытовавших терминах. Целесообразнее было бы привести строительную терминологию полнее, а также отметить, что многие термины, например, «босагъа» — порог, «капак» — ставни, «кырпу» — карниз и другие означали детали юрты и в таком же смысле перешли к деталям домов.

В целом, как уже было отмечено выше, хорошо описана пища. Но и здесь имеются неточности. Автор пишет, что «соьк» — это каша из проса. Это не совсем так. «Соьк» — это ритуальное в основном блюдо, приготовляемое из проса «тары». А каша из проса — это «туьй баста».

Таким образом, в книге содержатся отдельные, порою досадные, погрешности, которые противоречат исследованиям и на-

² D. Schlatter. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. St. Gallen—Bern, 1836, s. 275.

³ А. А. Шенников. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья. «Славяно-русская этнография». Л., 1973, с. 62.

блюдениям многих авторов, непосредственно видевших жизнь ногайцев. С. Ш. Гаджиева высококвалифицированный специалист, знающий материальную культуру не только ногайцев, но и других народов Северного Кавказа. Однако в самой книге она не дала объективных оценок материальной культуре ногайцев, которые привела уже в самом «Заключении».

При всех отмеченных недостатках книга выигрывает тем, что ее автор впервые в современной этнографии сумел свести воедино многие разрозненные данные о материальной культуре ногайцев, дать ее анализ, сопоставить с культурой других народов, найти общее с ними и отличное. Аргументом в пользу признания полезности и привлекательности книги служат выводы автора, а также постановка вопроса о сопоставительном изучении материальной культуры народов Северного Кавказа. Книга С. Ш. Гаджиевой займет достойное место в этнографической науке кавказоведения, ее прочтут с большим вниманием не только специалисты, но и широкий круг читателей.

ОБ АБАЗИНСКИХ ТАМГАХ

Тамга («дамыгъа») у абазин, в отличие от метки «хцIа-ра» — знака семейной собственности на ушах мелкого, а иногда и крупного рогатого скота, как и у всех кавказских народов¹, первоначально выполняла функции фамильного или родового герба. Этимология слова тамга («дамыгъа») восходит к тюркскому «тамгъа» в том же значении.

До отмены крепостного права тамги имели князья («ахIчва»), дворяне («агIмыстачва»), наиболее богатая часть свободного крестьянства («анхагIчва»), и, возможно, какая-то часть вольноотпущенников («азаткwa»).

После отмены крепостного права право на тамгу получили и бывшие крепостные.

В народных преданиях говорится, что если возникал спор о чьем-либо происхождении, то истец должен был доказать свою принадлежность к той или иной фамилии, представив оригинал тамги, сделанный из железа. Если свидетели («шахIат») подтверждали, что тамга такой формы принадлежит именно этой, а не другой фамилии, то вопрос решался в пользу истца. Тамга ставилась на лошадях (на бедре), крупном рогатом скоте (обычно на задней части хребта), овцах и козах (на морде), на бытовых предметах (на видном месте), на надгробных камнях (в верхней части). Тамга на лошадях всегда была родовой,

¹ В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960, с. 29.

ибо иметь хорошего коня было для горца делом чести. Крупный рогатый скот иногда могли таврить тамгой другой формы².

Формы тамги были довольно устойчивы на протяжении многих десятилетий и даже столетий, в то время, как метка могла быть достаточно произвольной. Каждый хозяин выбирал свою метку или даже комбинацию меток. Однако, по нашим наблюдениям, существовало несколько основных меток-порезов ушей: «пхьырсара» (косое отсечение кончика уха), «хъсара» (прямое отсечение кончика уха), «агIвырсара» (разрез вдоль уха), «кIылшIара» (пробивание уха), «тычвра» (круглый вырез), «спапха» (треугольный вырез).

Основные метки для скота у абазин по своей форме совпадают с абхазскими³, карачаевскими⁴ и адыгскими. Различные комбинации основных меток давали множество разнообразных типов личных меток.

Следует отметить, что скотовладельцы метили своих овец и коз не только метками, но и тамгой, обычно такой же формы, как и родовая (хотя могла и отличаться от родовой), но меньших размеров. Такая тамга («шIсара») выжигалась на морде мелкого рогатого скота.

Трудно установить с достаточной точностью время появления тамги у абазин. Видимо, тамги появились у наиболее сильных родов как закрепившиеся в памяти стилизованные изображения тотемов, затем они оказались необходимыми для выделения родовой знати к началу эпохи военной демократии, ибо функция тамги, как герба рода, является, как было отмечено выше, первичной.

Классовая дифференциация имела место среди предков абазин и абхазов еще в раннем средневековье⁵. Одним из доказательств наличия развитых классовых отношений у абазин до их переселения на Северный Кавказ (миграция абазин с Черноморского побережья на Северный Кавказ происходила, как известно, с XIII века н. э.)⁶ является идентичность многих абазинских и абхазских тамг⁷. Так, например, тамга абхазского рода Ачба совпадает с тамгой абазинских князей Лоовых и Дударуковых, рода Шония — с тамгой Джандаровых. Так называемую «абхазскую тамгу» применяют как свою родовую абазины Дзыба и Чадиговы (ЧадыгьарIа) и т. д. Кстати, Ш. Д. Инал-Ипа называет тамгу рода Лоу (Лоовы) и Дарыва (Дударуковы) «алу дамыгъа», т. е. «жернов тамга». Это не-

² См. в таблице тамги рода Лиевых из аула Кубина.

³ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 219.

⁴ И. М. Шаманов. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX—начале XX вв. Кавказский этнографический сборник, вып. 5, М., 1972, с. 83.

⁵ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 196.

⁶ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., с. 224.

⁷ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., с. 221—222.

верно. Видимо, ошибка произошла из-за фонетического созвучия абазинского термина «Лоу дамыгъа» (Лоовская тамга) с абхазским «алу дамыгъ». По нашим наблюдениям, абазинны не сравнивают свои тамги с похожими на них предметами. У абазин все тамги называются по фамилиям владельцев: «Лоу дамыгъа» (Лоу тамга), «Кълыч дамыгъа» (Клыч тамга), «Джыгвтан дамыгъа» (Джегутан тамга) и т. д.

У абхазов тоже, видимо, не принято было называть тамгу по названию похожего на него предмета. В таблице основных тамг Абхазии, приводимой Ш. Д. Инал-Ипа⁸, только две тамги из 34 носят название похожего на них предмета. Видимо, есть основание предположить, что абхазское «алу-дамыгъ» не что иное, как забытое абхазами и поэтому переосмысленное «Лоу дамыгъа».

На древность некоторых абазинских тамг указывает и их сходство с причерноморскими знаками собственности античной эпохи⁹. Из опубликованных Ш. Д. Инал-Ипа шести античных знаков собственности три являются вариантами «абхазской тамги», а одна — тамгой абазин Хаджимовых (Хаджымыргла, Абазакт, КЧАО).

В свете изложенного можно, нам думается, предположить, что некоторые абазинские и абхазские тамги появились не позднее VI—VII веков н. э.

Несомненно, у предков абазин и абхазов некогда бытовало свое слово для обозначения тамги. Время и причины замены его тюркским заимствованным словом установить трудно. Отметим, что в абазинском языке известны случаи замены исконных слов заимствованными тюркизмами. Так, например, древнеабазинское название вина «агІвы» (сохранились в абхазском) заменено тюркским «чагыр»¹⁰.

Возможно, что словом, обозначившим тамгу, было «дзарна», которое и ныне нередко употребляется как синоним «тамги», например, в выражении: «дзарна йынсІатІ» (я его пометил; я на него поставил клеймо, т. е. избил, изувечил).

Тамги абазинских князей и некоторых дворян-конезаводчиков были широко известны по всему Северному Кавказу. По родовой тамге узнавали и ценили лошадей. Так, в первой четверти XIX в. по всему Кавказу славилась лошадь абазинских агІмыстаду (дворян I степени) Трамовых. С. Броневский писал: «Каждый князь имел небольшой домашний (конный — Ш. Х.) завод. Лучшие в Кабарде заводы принадлежат первостатейным узденям Малой Кабарды Шолоху и Большой Кабарды Чепалову, которые, однако, по мнению знатоков, уступают

⁸ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., с. 221—222.

⁹ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., с. 225.

¹⁰ Р. Н. Клычев. О старом названии вина в абазинском языке. Вопросы абазинской и адыгской филологии, вып. 2, Ставрополь, 1974, с. 18.

в доброту заводу Трама-Абазинского старшины»¹¹. Здесь же С. Броневский дает таблицу тамг, которая «... представляет все тавры конских заводов, известных в Кавказе, с означением имен заводчиков, породы лошадей, и на какой стороне или ноге ставится клеймо»¹².

В таблице С. Броневского 58 тамг; 9 из них абазинские: «Трам, Джантемир, Лов, Дударука, Биберт, Баbuk, Хочь (возможно — Кячь — Ш. Х.); Трам (Закубанские), тамга лучшего абазинского завода»¹³. Публикация С. Броневского имеет непреходящую научную ценность, ибо роды Джантемировых, Дударуковых, Бибердовых, Бабуковых, Хочь (Кячь) исчезли и установить форму их тамг без «помощи» Броневского было бы весьма затруднительно. Кроме девяти тамг, названных С. Броневским абазинскими, еще одна тамга в его таблице, по всей вероятности, является абазинской. Мы имеем в виду тамгу «Зунпа». Видимо, «Зунпа» — это искаженное «Зурым-ипа» (Зурумовы) — фамилии абазинских князей. Приведенная С. Броневским тамга по форме идентична родовой тамге Зурумовых. Кроме того, одна из 58 тамг С. Броневского, возможно, абхазская («Язег»). Известно, что адыги называли абхазов словом «азэга»¹⁴.

После реформы 1868 года основным значением тамги стало обозначение знака собственности. Тамга стала своеобразным «опознавательным знаком». По тамге узнавали хозяина скота. В то время, когда конокрадство на Кавказе получило широкое распространение, хозяин лошадей мог доказать свои юридические права только с помощью тамги: если тамга — его, то и скот, клейменный этой тамгой, принадлежит ему. Известен, например, такой случай. Абазинский наездник Идрис Камбиев, живший в конце XIX — начале XX века, угнал табун лошадей в 50 голов у карачаевского князя Крымшамхалова и продал за Кубанью казакам. Крымшамхаловы по тамге узнали одну свою лошадь и распутали всю цепь.

У абазин бывали случаи, когда тамгу ставили на письменные договоры вместо подписи, т. е. «подписывались» тамгой.

На могильных камнях и деревянных столбиках («син», «хъадаса») обязательно ставилась родовая тамга покойника — тоже как опознавательный знак. Следовательно, в этих случаях тамга по-своему выполняла роль письменности.

¹¹ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; с. 134. О лошадях трамовской породы упоминает М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей»: «Питомец сильный трамских табунов». И тот факт, что до сих пор абазины, черкесы, карачаевцы и ногайцы называют «червовую» масть игральных карт «трама», свидетельствует о широкой известности тамги Трамowych, абсолютно идентичной форме рисунка на этой игровой карте.

¹² С. Броневский. Указ. соч., с. 135.

¹³ Там же.

¹⁴ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 46.

Тамга, как уже отмечено, устойчива. И эта устойчивость может оказать хорошую услугу при исследовании путей перехода родов из одного этноса в другой, их исторического бытия внутри собственного этноса. В литературе отмечены случаи прямых совпадений абазинских тамг не только с абхазскими, но и с карачаевскими¹⁵. Так, например, тамга абазин Хубиевых совпадает с тамгой карачаевцев Хубиевых. Это может говорить о карачаевском происхождении абазин Хубиевых, или об абазинском происхождении Хубиевых — карачаевцев. Таких совпадений тамг абазин и карачаевцев довольно много.

Аналогии с тамгами абазин имеются и у черкесов¹⁶, и у погайцев¹⁷, как это видно из нашей таблицы.

Тамга погайского рода Оракъ (Орак) совпадает с тамгой абазин Аровых, а Туркмен — с Багъ (Баг, а. Инжиц-Чукуи).

Совпадают также тамги черкесов Астежевых и абазин Баловых, абазин Байкуловых и черкесов Абуковых. Это свидетельствует о давних тесных дружеских связях народов Карачаево-Черкесии.

У абазин, как и у других народов, много однофамильцев, проживающих в разных аулах или в одном ауле. Форма тамги может помочь раскрыть некоторые аспекты взаимоотношений между однофамильцами. Абaziны Хурановы (XIVраныргIа) живут в трех аулах — Красном Востоке, Псыже и Старокувицком. По легенде, все они из одного рода. В народе говорят: все Хурановы — «это те, которые резделили одну головешку» (KIVастхяхакI агIвышшаз ракIвпI). Вероятно, это соответствует истине, ибо у всех Хурановых — одна и та же тамга. Лоовы всех аулов считаются родственниками. И, действительно, у всех Лоовых одно тавро. Бывают случаи, когда у представителей одного рода тамги разнятся, правда, незначительно, оставаясь всегда близкими по основному, «родовому» чертам. Расхождения в формах тамги связаны, видимо, с развитием частной собственности и проникновением товарно-денежных отношений в экономику горского крестьянства. Начало этого процесса — конец XIX — начало XX веков¹⁸. Семейная тамга от родовой обычно мало отличается, являясь производной от нее. Например, семейные тамги Джемакуловых из аула Красный Восток получены с помощью видоизменения родовой.

В отличие от крестьян князья даже при разделе имущества

¹⁵ См.: И. М. Шаманов. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX—начале XX вв., «Кавказский этнографический сборник», вып. 5. М., 1972, с. 83.

¹⁶ Черкесские аналогии проводятся по нашим полевым записям в 1971—1972 гг.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, с. 131—140.

¹⁸ И. Х. Калмыков. Черкесы. Черкесск, 1971, с. 213.

сохраняли свою родовую тамгу. Иногда тамги двух князей (неродственников) совпадали. В таких случаях поступали следующим образом. Князья Лоовы (Лоу) и Дударуковы (Дарыкьва), например, имели одинаковую тамгу, но Лоовы ставили свою тамгу на правое бедро, а Дударуковы на левую лопатку животного¹⁹.

Абхазские князья Ачба, проживавшие в разных селах, имели разные тамги²⁰.

У абазин-однофамильцев тамги, чаще всего, разные. Например, Аджиевы из Красного Востока и Инжич-Чукун имеют разные тамги, что подтверждает отсутствие родства между ними. То же самое можно сказать о Кишмаховых из Псыжа и Кубины, карачаевских и абазинских Тамбиевых и т. д.

При внимательном исследовании сходства и различия тамг можно во многом определить социальные взаимоотношения родов в прошлом. Абазинский род Лоовых, как известно, был княжеским, но его тамгой «пользовались» Цековы, Кмышевы и др., хотя до 1868 г., по нормам адата, княжескую тамгу никто не имел права «носить», кроме самого князя. Следовательно, Цековы и Кмышевы (и другие фамилии, имеющие эту тамгу) получили лоовскую тамгу при освобождении от крепостного права.

Когда князь или дворянин «отпускал» крепостного, то он давал ему или свою тамгу, или ее модификацию. Приведем еще несколько примеров. Джегутановы дали свою тамгу Урчуковым (а. Инжич-Чукун), а Лафишевы — Кичевым (Красный Восток) верхнюю часть своей тамги; дворяне Айсановы дали крестьянам Айсановым внутреннюю часть своей тамги. Свободные сословия абазин имели свои оригинальные тамги.

* * *

В наше время тамги утратили свое значение; они сохранились лишь на могильных камнях и деревянных столбиках, которые нередко заменяют каменные надгробья.

Публикуемые тамги в подавляющем большинстве срисованы нами с могильных камней.

Таблица абазинских тамг не претендует на полноту. Это лишь первая, предварительная публикация. Автор предполагает продолжить работу над темой.

Родовую принадлежность отдельных тамг не удалось установить. Они даются в таблице с оговоркой «род не известен».

---

¹⁹ Интересно отметить, что эти княжеские фамилии ставили на лошадях не одну, а две уменьшенные тамги рядом. Это — единственный случай такого таврения, известный нам.

²⁰ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., с. 224.

ТАБЛИЦА АБАЗИНСКИХ ТАМГ ПО АУЛАМ¹
а. Инжич-Чукун (бывшее Лоовско-Зеленчукское)

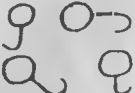

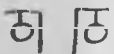

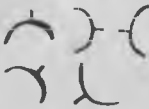

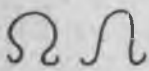

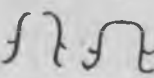

№ пп.	Тамга	Род	Аналогия ²	Название рода или тамги	Этническая принадлежность аналогии
1	 	Лоуырҭа (Лоовы). Ставили на правом бедре животного Лоовы. Ставили только на лошадях		1. Туркмен. 2. Ачба	ног. абх.
2	 	³ Цеқварҭа (Цековы)		» »	» »
3		Къмышрҭа (Кмышевы)		» »	» »
4		Лирҭа (Лиевы)			
5		ГъвыкІарҭа (Гукевы)			
6		Баларҭа (Баловы)		1. Астежевы 2. Ачба (Ткварчели)	черк. абх.
7	 	Агачрҭа (Агачевы)			
8		Джъгватанырҭа (Джегутановы)		Джегутановы	черк.
9		Уырчықварҭа (Урчуковы)			
10	 	Кыкрҭа (Киковы)			

¹ Если тот или иной род имеет, независимо от места проживания, одну тамгу, то она приводится при первом упоминании.

² Приводим аналогии, которые удалось установить.

³ Здесь и дальше приводятся все ракурсы нанесения тамги.

11		АйсаныргIа (Айсановы)			
12		Айсановы		Оракъ	ног.
13		МхцыргIа (Мхце)			
14		ЧIвачIваргIа (Чачевы)			
15		АгырбаргIа (Агирбовы)			
16		ЧадыгъаргIа (Чадиговы)		1. Абхазская 2. Байчора 3. Античный знак собствен- ности	абх. кар.
17		УазыргIа (Озовы)		Науруз	карач.
18		ДжьандарыргIа (Джандаровы)		Шоння	абх.
19		(МаргъвышргIа) Маргушевы			
20		БагъргIа (Баго- вы)		Туркмен	ног.
21		ЧкваргIа (Чуко- вы)		Тамбий	кар.
22		ФатргIа (Фато- вы)			
23		ДжьанымбергIа (Джандубаевы)			
24		НашаргIа- (Нашевы)			

- 25 НашаргІа (Ша-
шевы)
- 26 Къвапсыргъа-
пыргІа (Копсер-
геновы) Карас. ног.
- 27 ХвбиргІа (Ху-
биевы) Хубий карч.
- 28 КвщІаргІа
(Кучповы)
- 29 ЧквтІургІа
(Чикатуевы)
- 30 ДжьургІа
(Джео) Буква *ан* в
аланском
письме
- 31 АжьиргІа (Ад-
жиевы)
- 32 КвасаргІа
(Косовы) Чачба абх.
- 33 ДжьджьургІа
(Джужуевы) а) Анапий ног.
б) Буква *у* в
аланском
письме
- 34 КІармаргІа
(Кармовы)
- 35 ТшьдргІа (Ши-
довы)
- 36 БльынаургІа
(Блинаовы)
- 37 ШайргІа (Ша-
евы)

38

ДахъваргIа
(Дакумовы)

Науруз

кар.

39

УшаргIа-
ХъакъвпшргIа
(Уша)

40

БыджъргIа
(Биджевы)

41

КIвыджргIа
(Куджевы)

42

МшвIваджър-
гIа (Мисходжевы)

43

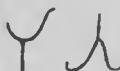
Род не известен

44

Род не известен

45

Род не известен

46

Род не известен

47

Род не известен

48

Род не известен

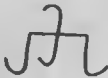

49

Род не известен

50

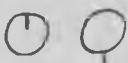

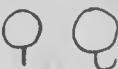

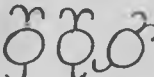

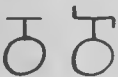

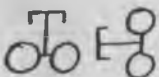
51		Род не известен		
52				
53		Род не известен		
54		»		Туркмен ног.
55				
56		»		
57		»		Буква а в ара- мейском алфавите
58				
59				

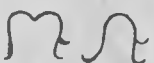

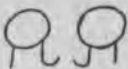

Кубина (быв. Кубанско-Лоовский)

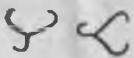

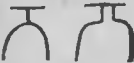

60		Баларгла ловы)	(Ба-		1) Ачба 2) Туркмен	абх. ног.
61		Баларгла ловы)	(Ба-			
62		Баларгла ловы)	(Ба-		Сидаковы	черк.
63	 	Къанджаргла (Кенжевы)			Сидаковы	черк.

- 64 КъшмахваргIа (Кишмаховы) Тога ног.
- 65 ЛиргIа (Лиевы). Таврили лошадей
- 66 ЛиргIа. Таврили крупный рог. скот
- 67 ЛиргIа (Лиевы) Теке кар.
- 68 КвабалргIа (Кабаловы)
- 69 КъврачынргIа (Курачиновы)
- 70 КъврачынргIа (Курачиновы) Хахубия ' абх.
- 71 ДжанчорргIа (Джанчоровы)
- 72 ДагвжвейргIа (Дагужиевы)
- 73 БажвргIа (Бажевы)
- 74 АрхагъырргIа (Архаговы)
- 75 ДохвтаргIа (Дохтовы)
- 76 МалыхврргIа (Малуховы)
- 77 МшвIаджъыр-гIа (Мискоджевы)

- 78 ШвхIамызаргIа
(Шхамузовы)
- 79 БагIвданыргIа
(Консергеновы)
- 80 ГъватргIа (Гот-
товы)
- 81 ХIашвцIаргIа
(Хавцевы)
- 82 МамхъагъргIа
(Мамхеговы)
- 83 ХIасарокъваргIа
(Хасароковы)
- 84 НырргIа (Нир-
ровы) Хубий кар.
- 84 ЧкваргIа
(Чуковы)
- 85 ХвынаргIа
(Хуновы)
- 86 ЛагIвычвргIа
(Лагучевы)
- 87 КъвмыкъвргIа
(Кумуковы)
- 88 АслъаныкъваргIа
(Аслануковы)
- 89 Род не известен
- 90 Род не известен

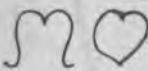

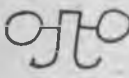

- 91 АпсаргIа (Ап-
совы)
- 92 Род не известен
- 93 Род не известен
- 94 Род не известен
- 95 Род не известен
- 96 Род не известен
- 97 Род не известен
- 98 Род не известен
- 99 Род не известен Джатдо кар.
- 100 ХъабляхьыргIа
(Каблаховы)
- 100а ХъабляхьыргIа
(Каблаховы)
- 101 МураныргIа
(Мурановы) Бесакай ног.
- 102 НапщргIа
(Напшевы)
- 103 ЛамхъваргIа
(Ламковы)
- 104 БыджьргIа
(Биджевы)
- 170

- 105 Къванчарга
(Кончевы)
- 106 Мыкварга
(Муковы)
- 107 Хлашвца
(Хурья)
- 108 Род не известен
- 109 Бжанашрга
(Бжанашевы)
- 110 Род не известен
- 111 Шаэрга
(Шаэзовы)
- 112 Къызылбакьрга
(Кизилбековы)
- 113 Тхайцыхьрга
(Тхайцуховы)
- 114 Айсаньрга
(Айсановы)
- 115 Цыхварга
(Циховы)
- 116 Лубакьырга
(Лубековы)
- 117 Род не известен
- 118 Род не известен
1. Анапий тамга   ног.
2. Буква у в
аланском
письме
- Карабаи   кар.

119		Род не известен		Гола	кар.
120				Науруз	кар.
121				1. Сары 2. Отырба абх.	кар. абх.
122		ШбзыхваргIа (Шебзуховы)		Къара- сийракъ	ног.
123		АсанайргIа (Асанаевы)		Есенеи	ног.

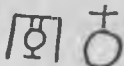
Красный Восток (бывш. Кумско-Лоовское)

124		ХъакъвпщргIа (Какупшевы)			
125		КъахIвынргIа (Кахуновы)			
126		ХвйтиргIа (Хутовы)		Джатдо	кар.
127		БайкъвылргIа (Байкуловы)		Абуковы	чер.
128		АйсаныргIа (Айсановы)			
129		ДжмакъвылргIа (Джемакуловы)		Тамбий	кар.
130		ДжмакъвылргIа (Джемакуловы)			
131		ХъныхвргIа (Кнуховы)		Ачба	абх. из Тквар- чели

132		ГвагваргIа (Гоговы)		
133		ЛачвышргIа (Лафишевы)		
134		ТрамаргIа (Трямовы)		Трам кар.
135		МартазаргIа (Муртазовы)		
136		АджьбакьыргIа (Аджибековы)		
137		АджьбакьыргIа (Аджибековы)		
138		АджьбакьыргIа (Аджибековы)		
139		МакъвауаргIа (Маковы)		
140		ОгвызргIа (Огузовы)		
141		ДжъантемыргIа (Джантемировы)		
142		ГапыргIа (Га повы)		Не живут в этом ауле, но тамгу князей Джантемиро- вых помнят только здесь
143		ЯшыргIа (Яше- вы)		
144		ЧкваргIа (Чуковы)		
145		ШарматыргIа (Шереметовы)		

146 Шаныргла
(Шановы)

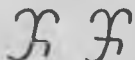
147 Къамбиргla
(Камбиевы)

148 Хлаткъваргla
(Хатковы)

Анкваб

абх.

149 Хівраныргla
(Хурановы)

Неизвестный
род

ног.

150 Род не известен

151 Кълычргla
(Клычевы)

152 Ажьыргla
(Аджиевы)

153 Аргla (Аровы)

Орак

ног.

154 Гвкльатыргla
(Гукятовы)

155 Гвкльатыргla
(Гукятовы)

156 Чагваргla
(Чаговы)

Узден

ног.

157 Шоургla (Шо-
овы)

158 Джьутргla
(Джутовы)

179 Джьутргla
(Джутовы)

Трам.

кар.

160		Xaplatpɾɨa (Хабатовы)	х	Кипчак	ног.
161		Bežanyɾɨa (Бежановы)		1) Анапий 2) Буква у в аланском ал- фавите	ног.
162		Piḡunaryɾɨa (Пишуновы)		1) Анапий 2) Буква у в аланском ал- фавите	ног.
163		Baḡɾyɾɨa (Баго- вы)			
164		Kɨyɨyɨaryɾɨa (Кичевы)			
165		Aɾɨaḡoxkɨvɾyɾɨa (Аргашоковы)			
166		Byḡaryɾɨa (Бидовы)	ḡ	Къара сыйракъ	ног.
167		Abyraḡyɾɨa (Абреговы)			
168		Kɨardanyɾɨa (Кардановы)		Хахубия	абх.
169		Xɨakɨvyɾyɾɨa (Хаконовы)			
170		Anɨsaryɾɨa (Ансо- вы)			
171		Aḡyɾbaryɾɨa (Агирбовы)			
172		Džyɨaneryɾɨa (Джанаевы)		Хубий	кар.
173		Xɨabɨlɨaxɨyɾɨa (Каблаховы)			

- 174 КъврачыиригIа
(Курачиновы)
- 175 ЭгъзакъыргIа
(Экзековы)
- 176 ПариргIа (Па-
риевы)
- 177 КIвакIваргIа
(Коковы)
- 178 БайрамыкъваргIа
(Байрамуковы)
- 179 ЕмгIвокъваргIа
(Евгамуковы)
- 180 ХвбийргIа (Ху-
биевы) Хубий кар.
- 181 ЧвзыкIьаргIа
(Физиковы) Туркмен ног.
- 182 КъванчаргIа
(Кончевы)
- 183 УзденыргIа-
КъвабаныргIа
(Узденовы)
- 184 КъарабашыргIа
(Карабашевы) Карабаш кар.
- 185 ТамбиргIа
(Тамбиевы)

Эльбурган (бывший Бибердовский)

- 186 * БибардыргIа (Бибердовы) Год не сохранился

Бабук-аул (Бабыгв-кыт)

- 187 БабыгвргIа (Бабуковы) Род и аул не сохранились

Кячевский аул. (КIъачв-кыт)

- 188 КIъачвргIа (Кячевы—«Хочь» по Броневскому) Аул не сохранился

- 189 Тамга лучшего абазинского конного завода — Трамовых

- 190 Зунпа Зурым-ипа, с. Ново-Кувинск абаз.

Псыж (бывший Дударуковский)

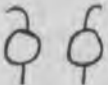
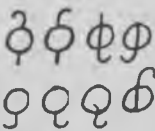
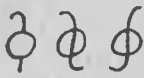

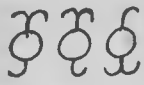

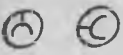

- 191 ДарыктъваргIа (Дударуковы). Ставили на левой лопатке животного 1. Туркмен 2. Ачба ног. ног.

  Ставили только на лошадях

- 192   МалхIвазыргIа (Малхозовы)   (

- 193   ГIвыкIъаргIа (Гукевы) Ктай ног.

* Тамги 186—190 заимствованы из работы: С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, Тифлис, 1823, с. 229—230.

- 194 ДармываргIа
(ДармIловы)
- 195 ГваиаргIа (Го-
новы)
- 196 КIвакIваргIа
(Коковы)
- 197 ДжьджьургIа
(Жужуевы)
- 198 ХIачвыкIваргIа
(Хачуковы)
- 199 КвырджьургIа
(Куржевы)
- 200 ТабышргIа
(Табишевы)
- 201 ХIачыкIваргIа (Хачуковы) Гусиная лапа ног.
- 202 ДзыгIваргIа
(Дзуговы)
- 203 НырргIа (Ни-
ровы)
- 204 КIвыджргIа
(Куджевы) Хубий кар.
- 205 ЕрыжвргIа
(Ерижевы)
- 206 ШурдымргIа
(Шурдумовы)
- 207 КъагъватргIа
(Коготовы) Шония абх.

209 Мыквар҃ла (Му-
ковы)

210 Муратыквар҃ла
(Муратуковы)

211 Хьакъвиш҃р҃ла
(Какушшевы)

Тог҃а

ног҃-

212 Къышмахвар҃ла
(Қишмаховы)

213 Ансар҃ла (Ансо-
вы)

214 Мгваджыкѣва-
р҃ла (Магажоковы)

215 Шахар҃ла
(Шаваховы)

216 Къышмахвар҃ла
(Қишмаховы)

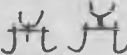
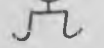

217 Абыт҃р҃ла (Аби-
товы)

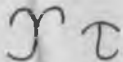

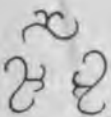

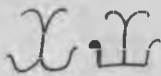

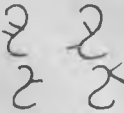

218 Тлышыр҃ла
(Тлишевы)

219 Быждыр҃ла
(Биждовы)

220 Чквар҃ла (Чу-
ковы)

221 Пат҃р҃ла (Пато-
вы)

222		ПатІргІа (Патовы)		
223		КъралыргІа (Караловы)		
224		ТатаршауаргІа (Татаршаовы)		Ачба (с. Члоу) абх.
225		КъвыныжвхргІа (Кунижевы)		Джъарашты кар.
226		ШвотыкъргІа (Шавтиковы)		
227		СымхІаргІа (Симховы)		
228		НатхваргІа (Натховы)		
229		АхматыргІа (Ахметовы)		
230		НахвышвргІа (Нахушевы)		Бесакай ног.
231		КъвылргІа (Ку- ловы)		1) Анапий пог. 2) Буква у в аланском пись- ме
232		ДжъанымбергІа (Джандубаевы)		
233		ТлысаргІа (Тлисовы)		
234		АжыргІа (Ад- жиевы)		
235		МеремкъвыльргІа (Меремкуловы)		

- 236 ЦамбаргIа
(Цамбовы)
- 237 Род не известен
- 238 ШвхIагващргIа
(Шагошевы)
- 239 ЛакIазаргIа
(Лаказовы)
- 240 ШауыргIа (Шо-
овы)
- 241 ХIакъвынргIа
(Хакуновы)
- 242 Род не известен
- 243
- 244
- 245 ПшнатльргIа
(Пшнатловы)
- 246 ХвыжьргIа (Ху-
жевы)
- 247
- 248 МуратыкъваргIа
(Муратуковы)

249 Агирбарга
(Агирбовы)

250 Къарданырга
(Кардановы)

251 Къарданырга
(Кардановы)

252 Цекъварга
(Цековы)

253 Пцмахварга
(Пшмаховы)

254 Гагирга (Гаги-
евы)

255 Загаштарга
(Загаштовы)

256 Не известен род

257

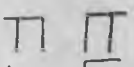
258

Трам

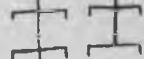
кар.

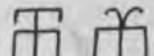
259

260 Шогъанырга
(Шовгеновы)

Буква aa в
арамейском
алфавите

261 Хъабляхырга
(Каблаховы)

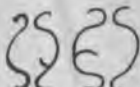

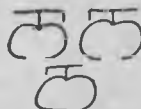

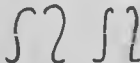
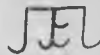

262 Чымарга (Чи-
мовы)

Пожницы
тамга

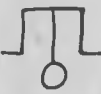
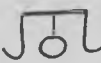

ног.

182

263		МахважвргIа (Махожевы)		Маршам	абх.
264		ХIаткъваргIа (Хатковы)			
265		ГьадыгваргIа (Гедуговы)			
266		УазыргIа (Озо- вы)			
267		КIъашвауаргIа (Кишаевы)		1. Узден 2. Гуниа	ног. абх.
268		АргIа (Аровы)		» »	» »
269		ЧквIтургIа (Чикатуевы)			
270		ОхвтаргIа (Охтовы)			
271		Хурья (ХIашвиIаргIа)			
272		МазаргIа (Мазовы)			
273		БаларгIа (Бало- вы)			
274		Род не известен			
275					
276					

Старокувинск (бывший Кувинский)

- 277 Нипаа (Нипа)
- 278 КІвыждаа
(Куджевы)
- 279 Адзынаа-Фатѡаа
(Аджиновы)
- 280 Дзыбаа (Дзыба) 1 Бойчора кар.
2. Античный
знак собствен-
ности в Чер-
номорье
3. Абхазская
тамга
- 281 КІвадзаа
(Коцба)
- 282 Пѣцунаа (Пщевы)
- 283 Квачаа (Кочие-
вы)
- 284 Батырбаа
(Батырбиевы)
- 285 Шинкао
(Шенкао)
- 286 ПитІыкъваргіа
(Шенкао)
- 287 Коцба
- 288 ПсхІваа (Псху) Крымшаухал кар.
- 289 Ахаа (Ахба)

- 290 Джыраа (Жировы)
- 291 Ашваа (Ашба)
- 292 Капаа (Каповы)
- 293 Кивныжаа (Кунижевы)
- 294 Кывылаа (Куловы)
- 295 Егьдзаа (Экба)
- 296 Дзыуаа (Дзуговы)
- 297 Жылаа (Аджиевы)
- 298 Кыщмахваа (Кишмаховы)
- 299 Ларсаа (Ларсовы)
- 300 Абдокъваа (Абдоковы)
- 301 Лабгъваа (Лапуговы)
- 302 Тамбиаа (Тамбиевы)

Тамбий
(для сравнения)

кар.

Новокувинск (Хъвыжв-ЧікІвын), (Выселились из Старокувинска)

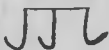
303 Зурымаа
(Зурумовы)

304 Адзынаа
(Адзиновы)

305 Аграа (Агировы)

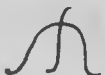
306 Мулаа (Пезовы)

307 Ашвхъвацаа
(Ашкацауа)

308 Жыйаа
(Аджиевы)

309 Шнахваа
(Шнаховы)

 Найман ног.

310 Аджъраа
(Аджировы)

311 Гумбаа (Гумба)

312 Гваджъаа
(Годжевы)

313 Ахаа (Ахба)

314 Дармываа
(Дармиловы)

315 Капаа (Каповы)

316

Джълъакъанаа
(Джилакановы)

317

Шенкауаа
(Шенкао)

318

Батаа (Батовы)

319

Тлысаа
(Тлисовы)

Ктай

ног.

320

КӀылдзаа
(Килба)

Джатдо

кар.

321

Растаа (Расто-
вы)

322

ПсхӀваа (Псху)

323

КӀачваа
(Кячевы)

324

Къарданаа
(Кардановы)

Апсуа (бывшее Шахгиреевское)

325

КӀачваа
(Кячевы)

Абазакт (бывшее Егибоковское)

326

ЕгибокъваргӀа
(Егибоковы)

327

ЛиргӀа (Лиёвы)

328 /

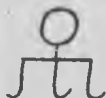

ХIаджымргIа
(Хаджимовы)

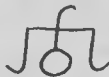
Античный
знак собствен-
ности из Чер-
номорья

329

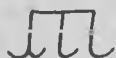
ДагваргIа
(Даговы)

330

ДахIвынаргIа
(Дахуновы)

331

ТрамаргIа
(Трамовы)

Псаучье-Дахе (бывшее Клычевское)

332

ТхIвахIваргIа
(Тхоховы)

Къвайдан (выселились из Красного Востока)

333

АпсаргIа
(Апсовы)

Тогa

ног.

334

ЧвзыкIваргIа
(Физиковы)

Шония

абх.

335

ЧвзыкIваргIа
(Физиковы)

336

ТебердыкъваргIа
(Тебердуковы)

Будиян

кар.

337

КыкргIа
(Киковы)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Х. Х. Биджиев. Могильник Карт-Джурт	5
Х. Х. Биджиев, А. В. Гадло. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году	27
А. Л. Нечитайло. Погребальный обряд племен Северокавказской культуры Верхнего Прикубанья	52
Я. А. Федоров, У. Ю. Эльканов. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья	68
Л. И. Лавров. О происхождении абазин	73
И. М. Шаманов. Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX—начале XX в.	78
Р. Х. Керейтов. Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом	111
О. П. Поляшова-Куранцева. Архитектурные традиции карачаевцев	121
Р. Х. Керейтов. Новое исследование по материальной культуре ногайцев	151
Ш. Ш. Хуранов. Об абазинских тамгах	157
Таблица абазинских тамг по аулам	163

**АРХЕОЛОГИЯ
И ЭТНОГРАФИЯ
КАРАЧАЕВО-
ЧЕРКЕСИИ**

Техн. редактор **Р. В. Мартыненко**

Сдано в набор 27.II-78 г. Подписано к печати 2.0I-1979 г. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага типографская № 3. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,85. Тираж 500 экз.
ВУ84002. Заказ № 700. Цена 1 руб.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

1 руб.